A24 4/16

В. В. НАЗАРЕВСКІЙ.

А24 4/16

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

1855—1881.

ОТКОВСКІЙ

Съ 107 рисунками.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА.—1910.

В. В. НАЗАРЕВСКІЙ.

А 24 4/16

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

1855—1881.

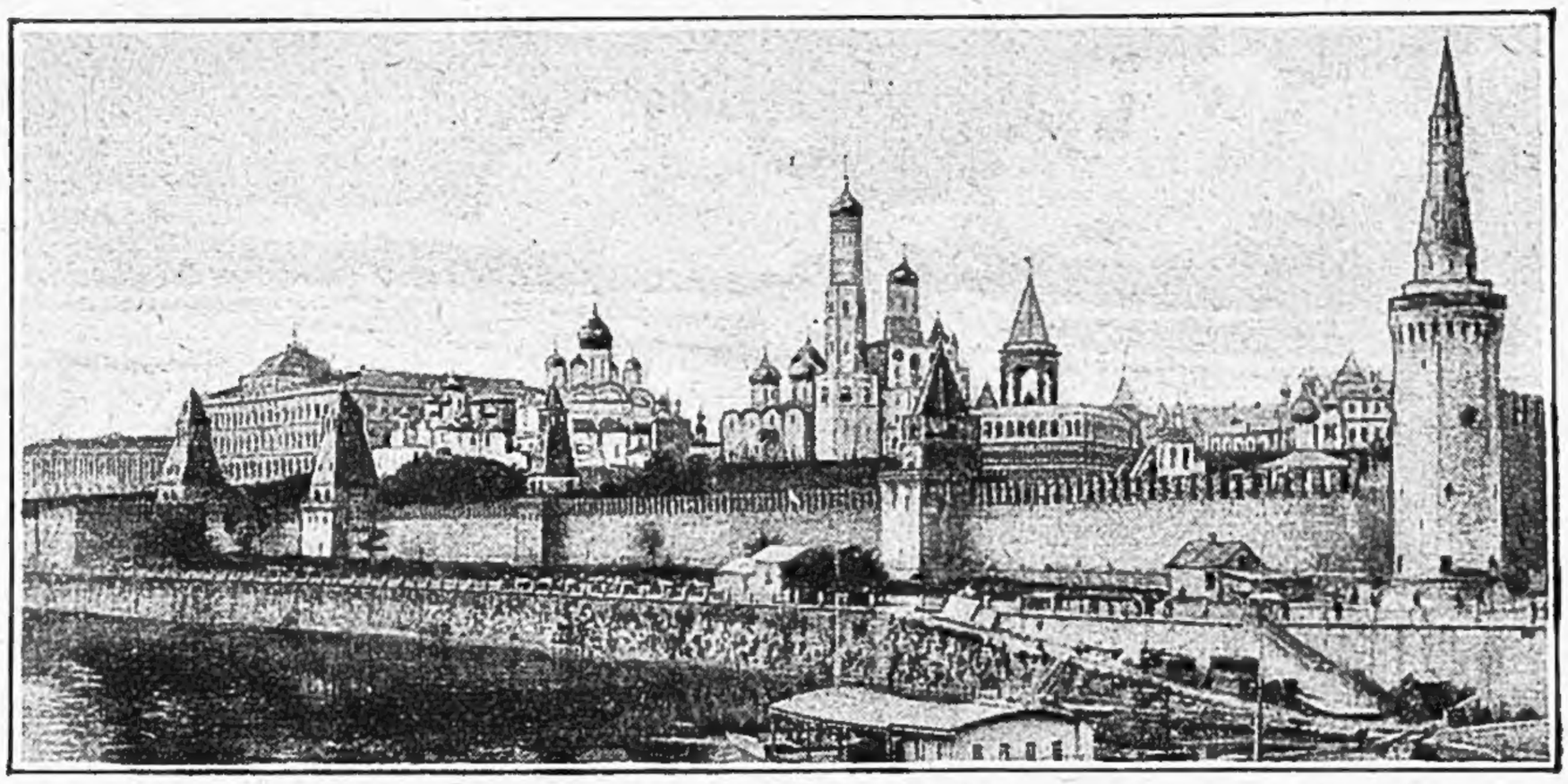
7357.

504/5

Съ 107 рисунками.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА.—1910.

Гос. Историч. научн. Б-ка
Инвент. № 334223
..... 193 г.



I.

Рожденіе императора Александра II.—Дружныя привѣтствія новорожденному со всѣхъ сторонъ.—Вѣщій элементъ въ этихъ привѣтствіяхъ.—Заботы императора Николая о тщательномъ воспитаніи и образованіи своего первенца.—Мердеръ и Жуковскій.—Образовательное путешествіе цесаревича по Россіи и за границей.—Его женитьба и занятія государственными дѣлами.—Восшествіе на престолъ.

Въ среду на Пасхѣ, въ 11 часовъ утра, 17 апрѣля 1818 года, съ Тайнинской башни московскаго Кремля пушечные выстрѣлы возвѣстили москвичамъ о рожденіи у гостившаго въ Москвѣ великаго князя Николая Павловича и его супруги великой княгини Александры Ѳеодоровны перваго сына, будущаго Царя-Освободителя. Это рожденіе было встрѣчено Москвою не простою привѣтливой радостью, столь естественной для патріотически настроенной столицы, а какимъ-то особымъ, выдающимся подъемомъ духа; его нельзя объяснить только тѣмъ настроеніемъ, какое господствовало здѣсь, вслѣдствіе возстановленія древнепрестольной столицы изъ тѣхъ развалинъ, въ которыя обратилъ ее Наполеонъ въ 1812 году.

Жуковскій въ своемъ стихотвореніи, по случаю рожденія великаго князя, отмѣтилъ и это настроеніе, говоря:

Давно ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?—Во прахѣ домъ царей,
Безславіе разбитыхъ алтарей,
Святилища, лишенныя святыни,
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.

И что жъ теперь? Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ,
Зажженною любуяся Москвою...
И тишина святая надо мною;
Москва жива, въ Кремлѣ семья царя,
Народъ тѣснится къ ступенямъ алтаря
На праздникѣ великомъ воскресенья...

Понятно также оживленіе патріотическаго настроенія Москвы еще и потому, что въ ней гостилъ, то уѣзжая, то опять пріѣзжая, „спаситель Россіи и освободитель Европы“—Александръ I, съ царицей-матерью, царицей-супругой, съ привлекавшимъ симпатіи народныя братомъ Николаемъ Павловичемъ и его супругой Александрой Ѳеодоровной, которые говѣли съ москвичами на Страстной недѣлѣ и съ ними встрѣчали Пасху.

Современники объясняли радость по случаю рожденія великаго князя еще и тѣмъ, что всѣ знали, что ни у царя, ни у тогдашняго цесаревича Константина Павловича нѣтъ дѣтей и, много вѣроятностей, что новорожденный можетъ стать чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время и наслѣдникомъ царскаго престола.

Но труднѣе объяснить ту общую живѣйшую увѣренность, что родившійся въ Николаевскомъ дворцѣ, близъ Чудова монастыря, ребенокъ непремѣнно будетъ царемъ и именно такого характера, какимъ онъ явилъ себя впослѣдствіи и что даже ему предстоятъ тяжкія испытанія.

Примѣчательно, что въ этихъ прозорливыхъ чаяніяхъ сошлись два поэта, шедшіе впослѣдствіи въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ,—Жуковскій и Рылѣевъ. Вотъ какъ первый изъ нихъ рисуетъ въ будущемъ „прекрасное Россіи упованье“ на явившагося на свѣтъ младенца, котораго „Москва своимъ назвала“. По словамъ Жуковскаго, ему суждено:

Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ своихъ временъ красой...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ.
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ
Для блага всѣхъ свое позабывать!
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать,—
Вотъ правила царей великихъ...

Николаевскій дворецъ, гдѣ родился императоръ Александръ II.

Рылѣевъ тоже предвидитъ въ дитяти будущаго царя, но въ ожидающей его судьбѣ уже усматриваетъ острыя тернія. Вотъ слова этого поэта:

Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ незабвенныхъ лѣтъ.

Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой!

Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеньи сонмъ царей.
Быть-можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

Твой долгъ—благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ;
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородной —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для сограждан.
Будь Антониномъ [1]) на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори.
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

Но примѣчательнѣе всего, что и проникнутый оптимизмомъ В. А. Жуковскій въ своемъ привѣтственномъ стихотвореніи „На рожденіе великаго князя Александра Николаевича“ трагическимъ тономъ говоритъ:

Но ужъ судьба свой судъ объ немъ сказала:
Уже въ святилищѣ ея стоитъ
Ему испить назначенная чаша...

Александръ Николаевичъ 8-ми лѣтъ.

Современники, конечно, не могли увидать въ этихъ поэтическихъ словахъ вѣщихъ, имѣющихъ исполниться, предсказаній...

5 мая въ церкви Чудова монастыря было совершено крещеніе новорожденнаго, и онъ былъ положенъ въ раку святителя Алексія. Въ память рожденія своего первенца Николай Павловичъ построилъ въ Новомъ Іерусалимѣ, въ его соборѣ, предѣлъ во имя св. Александра Невскаго. Еще до своего восшествія на престолъ, Николай Павловичъ горячо заботился о воспитаніи сына, который глубоко любилъ своихъ царственныхъ родителей. Воспитателемъ его былъ избранъ человѣкъ прекрасной души К. К. Мердеръ, который получилъ рану въ голову на войнѣ 1812 года и, оставивъ строевую службу, посвятилъ себя педагогическому дѣлу въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и пріобрѣлъ здѣсь выдающійся авторитетъ. Въ качествѣ воспитателя онъ снискалъ любовь и своего царственнаго питомца и имѣлъ на него самое благотворное вліяніе, укрѣпляя его тѣло, волю, чувство долга и отзывчивыя отношенія къ бѣднымъ и страждущимъ.

14 декабря 1825 года, по усмиреніи извѣстнаго бунта, Николай Павловичъ рѣшилъ показать войскамъ своего семилѣтняго наслѣдника. Его вынесли на рукахъ къ стоявшимъ на внутреннемъ дворѣ

[1]) Добрый римскій императоръ, прозванный «благочестивымъ» (Pius).

Зимняго дворца саперамъ, которыми прежде, еще будучи великимъ княземъ, командовалъ государь. Поднявъ его, онъ сказалъ, чтобы они полюбили наслѣдника такъ же, какъ онъ самъ ихъ любитъ, и передалъ царственнаго отрока на руки георгіевскимъ кавалерамъ, которые цѣловали цесаревичу руки и ноги.

Суровый и твердый государь ввѣрилъ умственное образованіе престолонаслѣдника въ высшей степени мягкому поэту В. А. Жуковскому, который сталъ близокъ къ царской семьѣ, такъ какъ обучалъ русскому языку, по прибытіи изъ-за границы, Александру Ѳеодоровну.

К. К. Мердеръ.

По своимъ политическимъ воззрѣніямъ онъ совсѣмъ не походилъ на воспитателя Александра I — Лагарпа: онъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ и стоялъ за самодержавіе Русскаго царя, какъ за неприкосновенную святыню. Просвѣщая будущаго самодержца, онъ внушалъ ему смотрѣть на самодержавную власть, какъ „на высшую человѣческую обязанность, возлагаемую на императоровъ самимъ Богомъ, съ отвѣтственностью только передъ Нимъ“.

„Изъ всѣхъ властей земныхъ,— писалъ Жуковскій наслѣднику, — самый святѣйшій характеръ безпрекословно имѣетъ самодержавіе; ибо въ немъ самое простое выраженіе верховной Божественной власти. Но въ то же время эта власть изъ всѣхъ земныхъ властей самая трудная для властителя: вся отвѣтственность лежитъ на немъ, но эта отвѣтственность не предъ людьми, а передъ Богомъ. Богъ молчитъ, а изъ людей говорятъ смѣло и громко только льстецы... Его, самодержца, опаснѣйшій врагъ самовластіе, въ которомъ мѣсто Божьей воли заступаетъ наша собственная, и мы изъ исполнителей этой высшей воли становимся ея врагами...“

Но и при этомъ чисто русскомъ воззрѣніи Жуковскаго на самодержавіе, онъ все же оставался человѣкомъ эпохи Александра I и глубокимъ поклонникомъ этого государя. „Жизнь *нашего* Александра,—писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу,—была лучшимъ временемъ нашей жизни. Это время нашихъ надеждъ, наша дѣятельность принадлежитъ его вѣку; онъ былъ слитъ со всѣмъ нашимъ лучшимъ“. „Поэтъ александровскаго времени“ въ своихъ бе-

Императрица Александра Ѳеодоровна съ старшими сыномъ и дочерью.

сѣдахъ съ отличавшимся также мягкостью души наслѣдникомъ, часто обращался къ тому, что „было въ душѣ Александра I“. Не безъ сентиментальности слишкомъ часто онъ говорилъ своему питомцу о гуманности, человѣчности, смиреніи въ своей будущей власти; нерѣдко повторялъ, чтобы онъ никогда не былъ выше закона, когда самъ станетъ законодателемъ, берегся незрѣлыхъ понятій о величіи; воспитатель боялся также обилія военныхъ упражненій у цесаревича. Въ своихъ романтическихъ великодушныхъ порывахъ, онъ, какъ писалъ самъ, желалъ даже „заставить своего питомца полюбить Польшу,

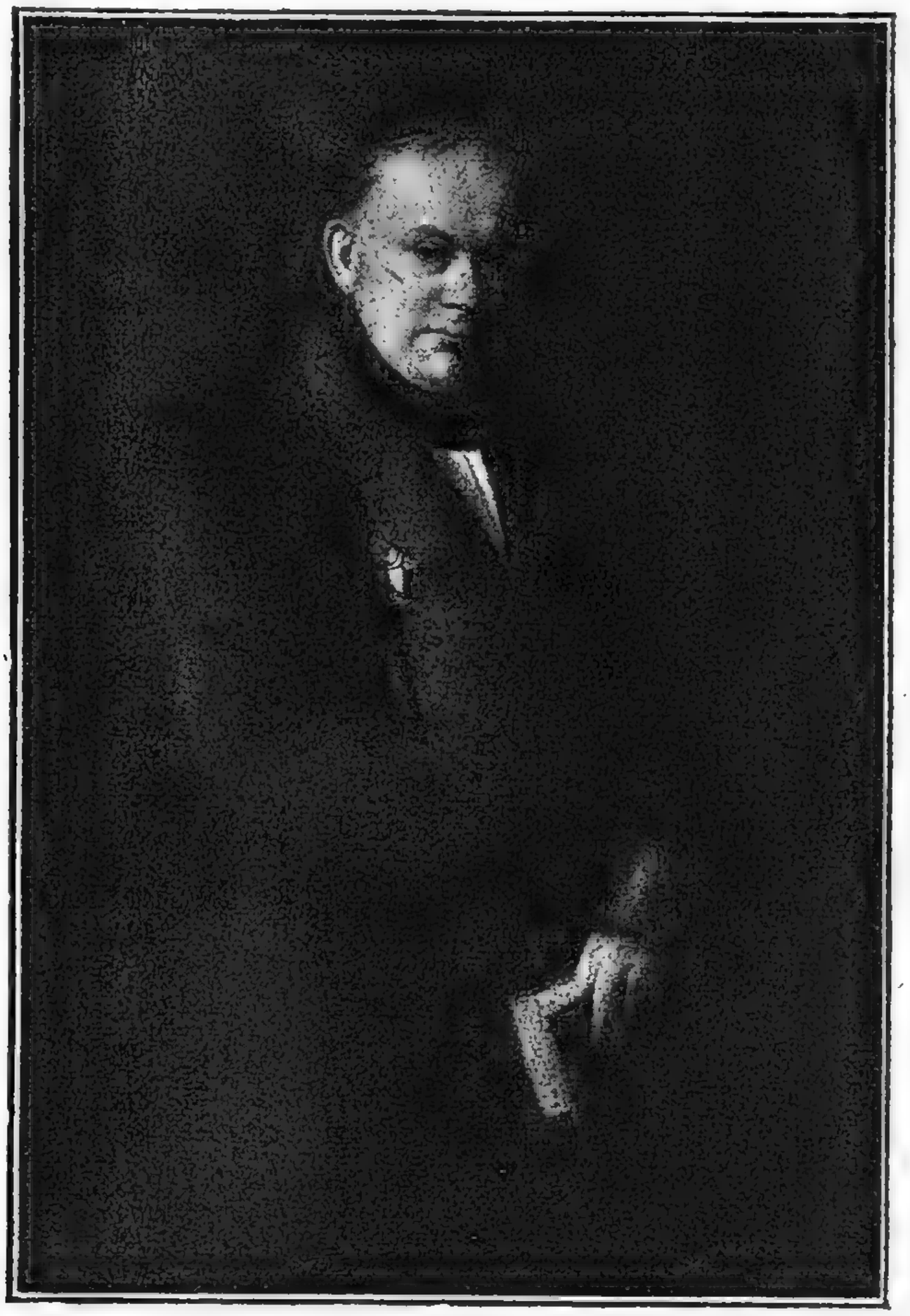
чтобы, когда наступитъ его пора, на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугу союза". Въ такомъ направленіи шло педагогическое вліяніе Жуковскаго, сближавшаго Александра II болѣе съ духомъ его дяди Александра I, чѣмъ съ духомъ его отца. Впрочемъ, въ силу создавшихся условій времени, въ образованіи правнука Екатерины было гораздо больше элементовъ русско-національныхъ, чѣмъ при воспитаніи его внуковъ. Такъ Александру II законъ Божій преподавался въ болѣе обширныхъ, чѣмъ прежде, размѣрахъ законоучителями - протоіереями, сперва Павскимъ, а потомъ Бажановымъ. Преподаваніе же отечествовѣдѣнія было поручено К. И. Арсеньеву, который, по словамъ Жуковскаго, былъ сильно озабоченъ, чтобы наслѣдникъ „зналъ свою Россію и зналъ ее такъ, чтобы знаніе это возбудило въ немъ энтузіазмъ къ великому дѣлу царствованія". „Не безплодными фактами и числами, ужасающими вниманіе и обременяющими умъ, хотимъ мы нагрузить его голову: мы хотимъ представить ему всѣ силы, таящіяся въ его отечествѣ, и въ нихъ всѣ способы дѣйствовать для общаго блага". Въ виду такого патріотическаго воздѣйствія на него уже въ самой юности, императоръ Александръ II впослѣдствіи въ образованіи своихъ сыновей далъ еще бо̀льшое значеніе изученію Русской исторіи; и отъ этого и во всѣхъ „новизнахъ его царствованія,—какъ говорили впослѣдствіи,—слышалась наша родная старина".

Александръ Николаевичъ въ кадетской формѣ.

Русское законовѣдѣніе (государственное и русское право) преподавалъ цесаревичу графъ Сперанскій; финансовое право—Канкринъ;

съ дипломатическими сношеніями знакомилъ Брунновъ (впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Англіи).

Образованіе Александра Николаевича должно было завершиться, по плану К. И. Арсеньева, ознакомленіемъ его съ Россіей, а затѣмъ путешествіемъ за границей. Очень большая, по пространству, хотя нѣсколько спѣшная, поѣздка цесаревича по Россіи (по 30-ти ея гу-



В. А. Жуковскій.

берніямъ) съ Жуковскимъ, Арсеньевымъ и замѣнившимъ умершаго Мердера генераломъ Кавелинымъ произвела на будущаго царя сильное впечатлѣніе.

Въ маѣ 1837 года наслѣдникъ отправился въ свое путешествіе. Маршрутъ его лежалъ чрезъ города, выдающіеся своими историческими памятниками или своею промышленностью. Чрезъ Новгородъ, Тверь, Ярославль, Суздаль, Иваново-Вознесенскъ, онъ прибылъ въ Кострому, — вотчину Романовыхъ, гдѣ много времени провелъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Трогательно встрѣчалъ его народъ: онъ

плакалъ и крестилъ при встрѣчахъ царскаго первенца, а тотъ, какъ писалъ Жуковскій, „былъ полонъ радостнымъ и благодарнымъ чувствомъ къ русскому народу“. Отсюда Александръ Николаевичъ двинулся на Уралъ, гдѣ подробно осмотрѣлъ всѣ важнѣйшіе горные заводы, а затѣмъ отправился въ Сибирь, которая доселѣ еще не видала царственныхъ лицъ. Тамошніе жители въ восторгѣ говорили, что „до сихъ поръ нашъ край былъ Сибирью, а съ этого времени становится Россіей“. Цесаревичъ дивился богатствамъ этого края и замѣчалъ, что они едва еще початы отъ рѣдкости населенія и недостатка путей сообщенія. Посѣтивъ декабристовъ, онъ ходатайствовалъ предъ отцомъ о смягченіи ихъ участи, на что послѣдовало приведшее въ восторгъ, особенно Жуковскаго, высочайшее соизволеніе. Возвратившись изъ путешествія по Сибири, Александръ Николаевичъ побывалъ у оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ, а затѣмъ путешествовалъ по Волгѣ отъ Казани до Астрахани. Отсюда путешественникъ проѣхалъ опять въ Великороссію и осматривалъ мѣста битвъ 1812 года въ Тарутинѣ, Маломъ-Ярославцѣ, Смоленскѣ и Бородинѣ.

Александръ Николаевичъ въ отрочествѣ.

Объѣхавъ десятитысячное пространство Россіи, цесаревичъ пріѣхалъ 23 іюня на свою родину въ Москву, радостно былъ встрѣченъ здѣсь народомъ и спалъ въ той самой комнатѣ Николаевскаго дворца, гдѣ родился. Митрополитъ Филаретъ, встрѣчая его въ Успенскомъ.

Занятія съ В. А. Жуковскимъ.

соборѣ, выразилъ радость его широкому орлиному полету по Россіи, и особенно тому, что она стала для него „учебною храминой для пріобрѣтенія мудрости, объемлющей огромнѣйшее изъ царствъ земныхъ“. До 9 августа гостилъ въ Москвѣ Александръ Николаевичъ, посѣщая ея святыни и хранилища древностей, и много бесѣдовалъ съ Филаретомъ. Ѣздилъ въ Новый Іерусалимъ, Саввинъ монастырь и Троицкую лавру.

Послѣ этого путешествіе возобновилось чрезъ древній Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Тулу, на югъ Россіи, гдѣ цесаревичъ съ своимъ родителемъ принималъ участіе въ маневрахъ; послѣ того посѣщены были Одесса, Севастополь, Бахчисарай, Кавказъ, Полтава, Кіевъ, Войско Донское, гдѣ императоръ вручилъ цесаревичу, какъ казачьему атаману, булаву. Послѣ новаго посѣщенія Москвы, цесаревичъ окончилъ 8-мѣсячное путешествіе по Россіи и въ декабрѣ возвратился въ Петербургъ. Путешествіе это принесло ему большую пользу: онъ заходилъ въ курныя крестьянскія избы и бесѣдовалъ съ мужичками объ ихъ нуждахъ и печаляхъ, посѣщалъ фабрики

Цесаревичъ 12-ти лѣтъ.

и мастерскія, знакомясь съ трудомъ и бытомъ рабочихъ, присутствовалъ на урокахъ въ сельскихъ школахъ. По поводу своего путешествія по Россіи цесаревичъ писалъ одному изъ своихъ преподавателей:

„Я собственными глазами и вблизи познакомился съ нашей Матушкой—Россіей и научился еще болѣе любить и уважать ее. Да, намъ точно можно гордиться, что мы принадлежимъ къ Россіи и называемъ ее своимъ отечествомъ“...

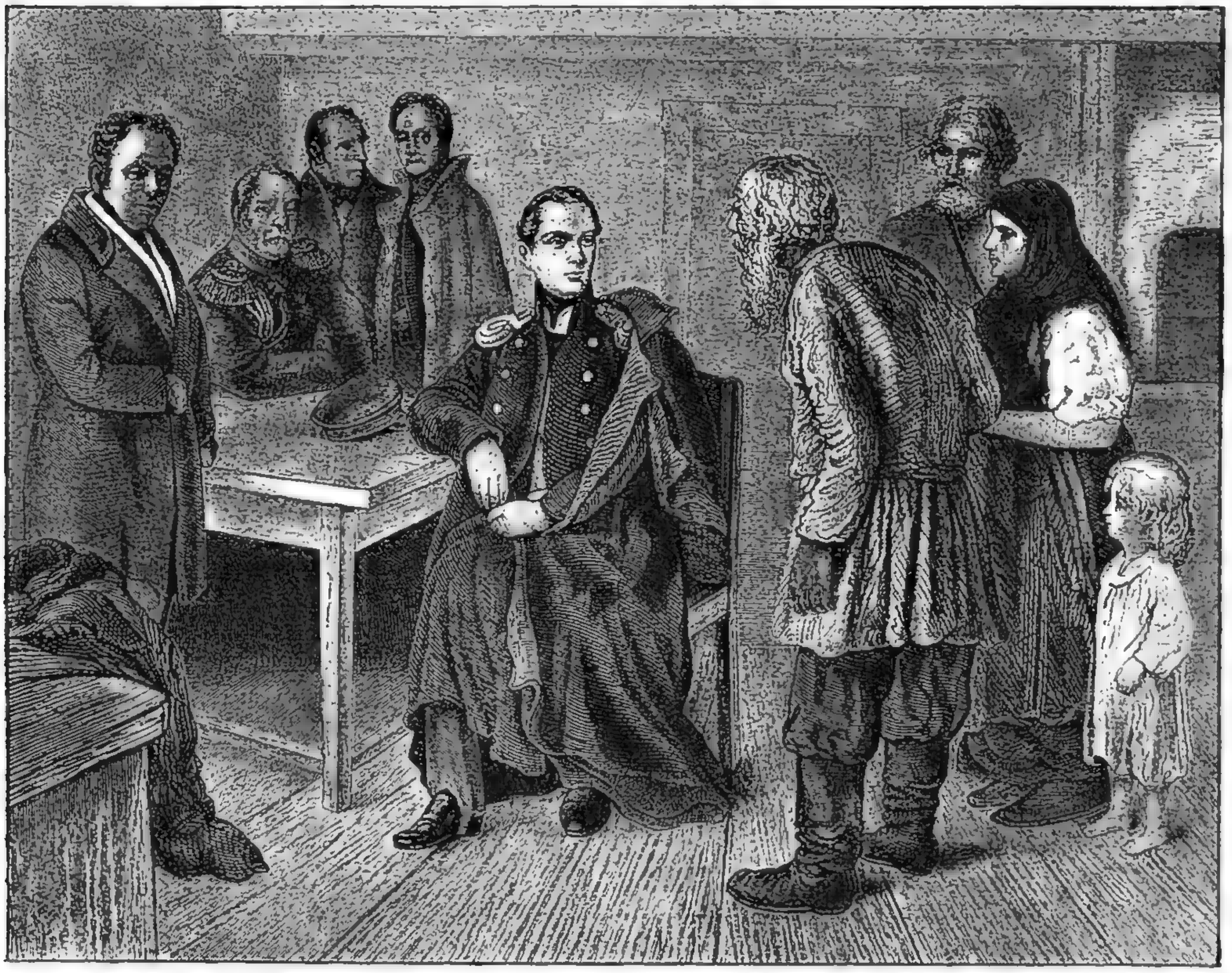
Въ слѣдующемъ 1838 году наслѣдникъ путешествовалъ по Западной Европѣ; гостилъ съ своими родителями у дяди своего, короля прусскаго въ Берлинѣ, посѣтилъ Швецію, Данію, Германію, Италію и Англію.Во время этого путешествія онъ познакомился въ Дармштадтѣ съ 16-лѣтнею дочерью великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго Маріей, которая сдѣлалась его невѣстою и которую цесаревичъ навѣстилъ второй разъ, въ 1840 году. Бракосочетаніе ихъ состоялось 16 апрѣля въ 1841 году въ Петербургѣ. Государь, обнявъ новобрачныхъ, вывелъ ихъ на балконъ Зимняго дворца къ народу, встрѣтившему ихъ невыразимымъ восторгомъ.

Отъ этого брака до воцаренія Александра Николаевича родились сыновья Николай Александровичъ, скончавшійся въ 1865 году, Александръ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ. Уже въ самое царствованіе родились великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи.

Въ 1842 году Николай Павловичъ назначилъ цесаревича предсѣдателемъ комитета по постройкѣ желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы, „за счетъ казны, дабы удержать въ рукахъ правительства и на пользу общую сообщеніе, столь важное для всей про-

мышленной и дѣятельной жизни государства“. Она была окончена постройкой въ 1851 году. Въ то же время, по волѣ государя, цесаревичъ участвовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, Сената и Синода и въ различныхъ негласныхъ комиссіяхъ по важнымъ государственнымъ вопросамъ и въ ихъ числѣ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣятельно занимался и военными дѣлами, въ качествѣ сперва командира пѣхоты гвардейскаго корпуса, а потомъ инспектора всей пѣхоты. Въ 1843 году Александръ Николаевичъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ.

Въ 1845 году Николай Павловичъ сопровождалъ императрицу Александру Ѳеодоровну въ ея лѣчебной поѣздкѣ за границу, а управленіе государствомъ поручилъ цесаревичу. Оставшись доволенъ сыномъ за исполненіе возложенныхъ на него высокихъ обязанностей, государь, жалуя ему орденъ Владиміра 1-й степени, указалъ въ рескриптѣ своемъ, что надпись на этомъ орденѣ „польза, честь и слава“ будетъ указывать ему и впредь, на что Промыслъ Всевышняго призывалъ его для Россіи“.



Цесаревичъ въ крестьянской избѣ.

Въ 1850 году Александръ Николаевичъ предпринималъ обозрѣніе Кавказа и здѣсь получилъ боевое крещеніе. Принявъ участіе въ экспедиціи противъ горцевъ, подъ начальствомъ графа Воронцова, цесаревичъ 26 октября шелъ съ авангардомъ отъ крѣпости Воздвиженской, между рѣчками Рошней и Валерикомъ, и замѣтилъ, что подъ Черными горами появилась партія горцевъ. Немедля онъ поскакалъ впередъ, увлекая за собой отрядъ и такъ близко къ нимъ подъѣхалъ, что чеченцы стали по немъ стрѣлять. Но, поворотивъ назадъ, быстро стали уходить. Наслѣдникъ принялъ участіе въ ихъ преслѣдованіи. Настигнутые, они были окружены и побиты нашими. На глазахъ цесаревича былъ убитъ непріятельскій предводитель, а оружіе его было поднесено царственному смѣльчаку. Намѣстникъ Кавказа, донося государю объ этомъ подвигѣ храбрости Александра Николаевича, представлялъ, что „грудь его достойна быть украшенной орденомъ храбрыхъ“. За этотъ подвигъ онъ удостоился Георгіевскаго креста 4-й степени. Этотъ крестъ онъ цѣнилъ выше того креста 1-й степени, который былъ возложенъ на него въ его царствованіе въ столѣтіе учрежденія этого ордена, чрезъ 19 лѣтъ послѣ этого перваго боевого отличія.

Законоучитель цесаревича протоіерей Павскій.

19 февраля, на другой день по кончинѣ императора Николая Павловича, былъ изданъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ государь Александръ II, объявляя о вступленіи своемъ на прародительскій престолъ, молитъ Бога даровать ему силы къ поднятію тяжкаго бремени — быть царемъ. Въ этомъ первомъ актѣ воли царской государь говорилъ: „Предъ лицомъ невидимо присутствующаго намъ Бога пріемлемъ священный обѣтъ — имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе отечества нашего“.

Дѣйствительно, тяжкое бремя легло на плечи царственнаго вождя Россіи. Доблестные защитники Севастополя изнемогали въ неравной борьбѣ съ войсками четырехъ державъ, ихъ вожди Корниловъ, Нахи-

мовъ и Истоминъ уже легли костьми на кровавыхъ бастіонахъ Севастополя. Молодой государь все еще напрягалъ силы для борьбы съ врагами, собирая регулярныя войска и народныя ополченія. При пріемѣ дворянства въ Зимнемъ дворцѣ онъ сказалъ: „Не унывать! Я съ вами, вы со мною!“ И, сотворивъ крестное знаменіе,

Александръ Николаевичъ въ юности.

продолжалъ: „Господь намъ да поможетъ! Не посрамимъ земли Русскія!“ Но, какъ говорилъ государь, „и для героевъ есть нѣчто невозможное“... Въ концѣ 11-мѣсячной геройской обороны пробилъ послѣдній часъ для Севастополя: послѣ страшнаго штурма южныхъ его укрѣпленій и взятія Малахова Кургана, 27 августа, наши войска должны были отступить на сѣверную сторону Севастополя, оставивъ его южную сторону врагамъ (см. „Русскую исторію“, V, вып. I, стр. 115—122).

Молодой государь не былъ склоненъ къ быстрому заключенію мира и прежде отправился на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Крымъ. На пути туда онъ заѣхалъ на свою родину въ Москву, гдѣ горячо молился, на мѣстѣ своего крещенія, предъ мощами святителя Алексія въ Чудовомъ монастырѣ и предъ святынями Успенскаго собора и гробницами предковъ въ Архангельскомъ соборѣ и посѣтилъ обитель преподобнаго Сергія. 22 сентября онъ прибылъ въ главную квартиру крымской арміи и обратился къ войскамъ съ слѣдующими задушевными словами: „Благодарю, ребята, за вашу службу, благодарю именемъ государя, — покойнаго отца моего. Я счастливъ, что имѣю возможность лично благодарить васъ за вашу геройскую службу. Давно это было моимъ задушевнымъ желаніемъ“. Подошедши къ Камчатскому полку и видя въ строю только одинъ его батальонъ, онъ сказалъ: „Одинъ батальонъ стоитъ четырехъ“. Онъ обратилъ также вниманіе на стоявшихъ подъ знаменемъ двухъ унтеръ-офицеровъ, богатырей ростомъ, похожихъ другъ на друга; онъ узналъ отъ командира полка, что это добровольно пришедшіе на войну новгородскіе крестьяне, отецъ и сынъ, Михайловы и что они по приговору товарищей получили Георгіевскіе кресты и были вооружены англійскими саблями, вмѣсто русскихъ тесаковъ. Государь сказалъ имъ: „Спасибо вамъ, ребята, за хорошій примѣръ; не забуду васъ; приходите ко мнѣ въ Петербургъ“. Посѣщая госпитали, онъ каждому раненому находилъ слово утѣшенія; навѣстилъ братское кладбище и молился на могилахъ убитыхъ и, прощаясь, сказалъ севастопольцамъ: „Ни вы, живые, ни семьи убитыхъ не будутъ мною забыты. Я предпринялъ этотъ дальній путь съ тѣмъ только, чтобы лично выразить вамъ чувства своего благоволенія и искренней признательности за вашу славную службу на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ вы проливали кровь за вѣру, царя и отечество“.

Войска, глубоко тронутыя сердечнымъ царскимъ участіемъ, забыли въ эту минуту, что вытерпѣли, защищая Севастополь. Слезы на ихъ глазахъ говорили лучше всякихъ словъ.

Всѣ были ободрены сдачей 18 ноября Карса Н. Н. Муравьеву. Переговоры въ Парижѣ окончили войну заключеніемъ мира (см. „Русск. исторію“, V, вып. I, стр. 124). Манифестъ 19 марта 1856 г. возвѣстилъ объ этомъ Россіи и намѣтилъ въ главныхъ чертахъ задачи правительственной дѣятельности. Вотъ что было сказано въ немъ:

„При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство. Правда и милость да царствуетъ въ судахъ. Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и ко всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ своихъ. Наконецъ,— и сіе есть первое

Н. Н. Муравьевъ (Карсскій).

и живѣйшее желаніе наше, — свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность — сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія“.

О *вынужденныхъ* уступкахъ въ манифестѣ было сказано:

„Сіи уступки не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы, отъ Бога намъ врученной. Да будутъ сіи выгоды вполнѣ

достигнуты совокупными стараніями нашими и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ“.

Въ день Бородинской годовщины 26 августа 1856 года государь короновался въ Успенскомъ соборѣ и манифестомъ даровалъ многія милости народу и въ ихъ числѣ помилованіе декабристамъ.

II.

Реформы императора Александра II. — Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.— Земское и городское самоуправленіе.—Судебная реформа и другія преобразованія.—Просвѣщеніе и церковь.

Царствованіе Александра II, отличаясь мирнымъ характеромъ, было посвящено обширнымъ и многосложнымъ реформамъ, жажда коихъ охватила въ ту пору многихъ, особенно тѣхъ, кто преувеличивали значеніе нашихъ неудачъ въ Севастопольскую войну, относя ихъ не на счетъ несовершенствъ военныхъ, а самаго государственнаго строя нашего.

Главнѣйшею изъ реформъ, такъ сказать, солнцемъ этого царствованія является освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Цѣлый рядъ русскихъ самодержцевъ, искренно желавшихъ этого освобожденія и дѣлавшихъ подготовительные шаги къ нему, останавливались передъ этой трудной задачей, въ виду того, что къ ея разрѣшенію не были подготовлены даже правящіе и образованные круги Россіи, среди которыхъ лишь въ видѣ немногихъ исключеній, въ качествѣ гуманныхъ чаяній и золотой мечты, по временамъ рѣяли мысли объ освобожденіи крестьянъ.

Самъ Александръ II нашелъ въ Россіи мало сочувствующихъ этому великому дѣлу, а еще менѣе помощниковъ въ его разработкѣ. Этихъ послѣднихъ онъ обрѣлъ, главнымъ образомъ, среди славянофиловъ Николаевскаго царствованія, въ лицѣ Ю. Ѳ. Самарина и князя Черкасскаго, а въ правящихъ кругахъ въ лицѣ Я. И. Ростовцева, Н. А. Милютина, графа Ланского и немногихъ другихъ. Между тѣмъ государь твердо рѣшилъ даровать крестьянамъ не только свсбоду, но и земельную собственность, чего не могли сдѣлать конституціонныя государства Запада, ранѣе Россіи отмѣнившія у себя крѣпостное право

Русскія войска подъ Карсомъ.

Императоръ Николай I благословляетъ сына на царство.

Если же у насъ эта реформа была разработана послѣдовательно, введена скоро и твердо и осуществлена безъ сильныхъ потрясеній, то этимъ Россія обязана самодержавной иниціативѣ, личной энергіи и напряженнымъ трудамъ самого государя, въ концѣ-концовъ привлекшаго сочувствіе правящихъ и образованныхъ элементовъ къ этому гуманному дѣлу.

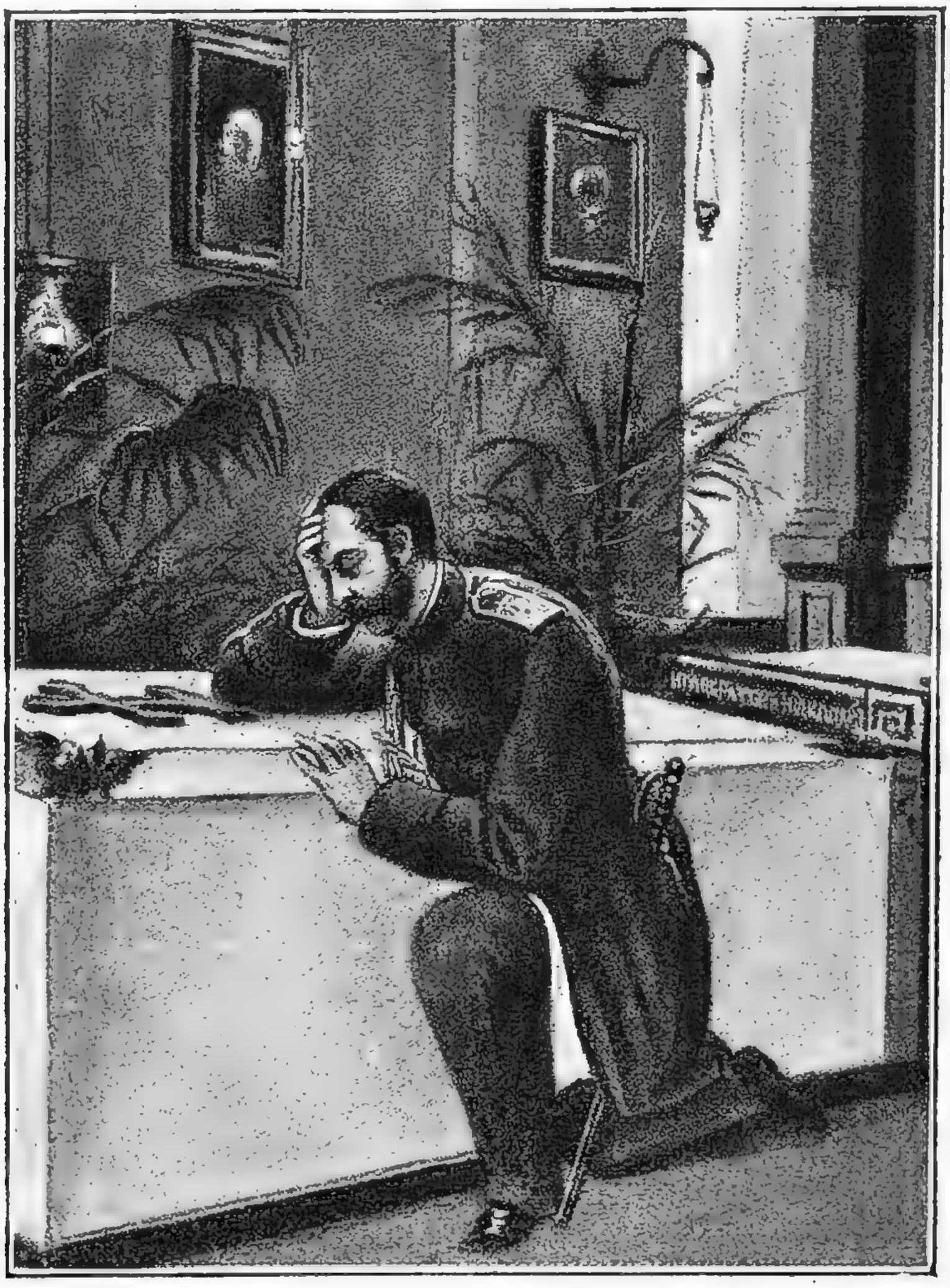
Не отрицая заслугъ въ этомъ дѣлѣ теоретическихъ и практическихъ его участниковъ, мы обязаны сказать, что освободителемъ крестьянъ является прежде всѣхъ и больше всѣхъ самъ императоръ Александръ II. Такимъ образомъ и въ этомъ дѣлѣ царская самодержавная власть шла впереди верхнихъ слоевъ своего народа.

Во второй годъ своего царствованія, въ 1856 году, послѣ заключенія Парижскаго мира, императоръ Александръ II, принимая въ Москвѣ 30 марта предводителей московскаго дворянства, сказалъ:

„Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе раз-

ныхъ неосновательныхъ слуховъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, и сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, думать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте мои слова дворянству для соображенія".

Слова государя, сказанныя въ Москвѣ, стали оказывать свое вліяніе на помѣщиковъ. Такъ, великая княгиня Елена Павловна пожелала освободить крестьянъ въ своемъ Полтавскомъ имѣніи и спрашивала государя, на какихъ основаніяхъ можно это сдѣлать. Другіе, желавшіе того же, воздерживались отъ исполненія своихъ



У гробницы родителя.

намѣреній также по незнанію таковыхъ основаній. Вслѣдствіе этого государь учредилъ изъ высшихъ сановниковъ особый (секретный) комитетъ для разработки основаній для отмѣны крѣпостного права. Въ первомъ же засѣданіи государь сказалъ, что „крѣпостное право отжило свое время“. Несмотря на это и на множество матеріаловъ въ пользу отмѣны крѣпостного права, въ комитетѣ господствовали нерѣшительность и разногласіе и совсѣмъ не поднимался вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею.

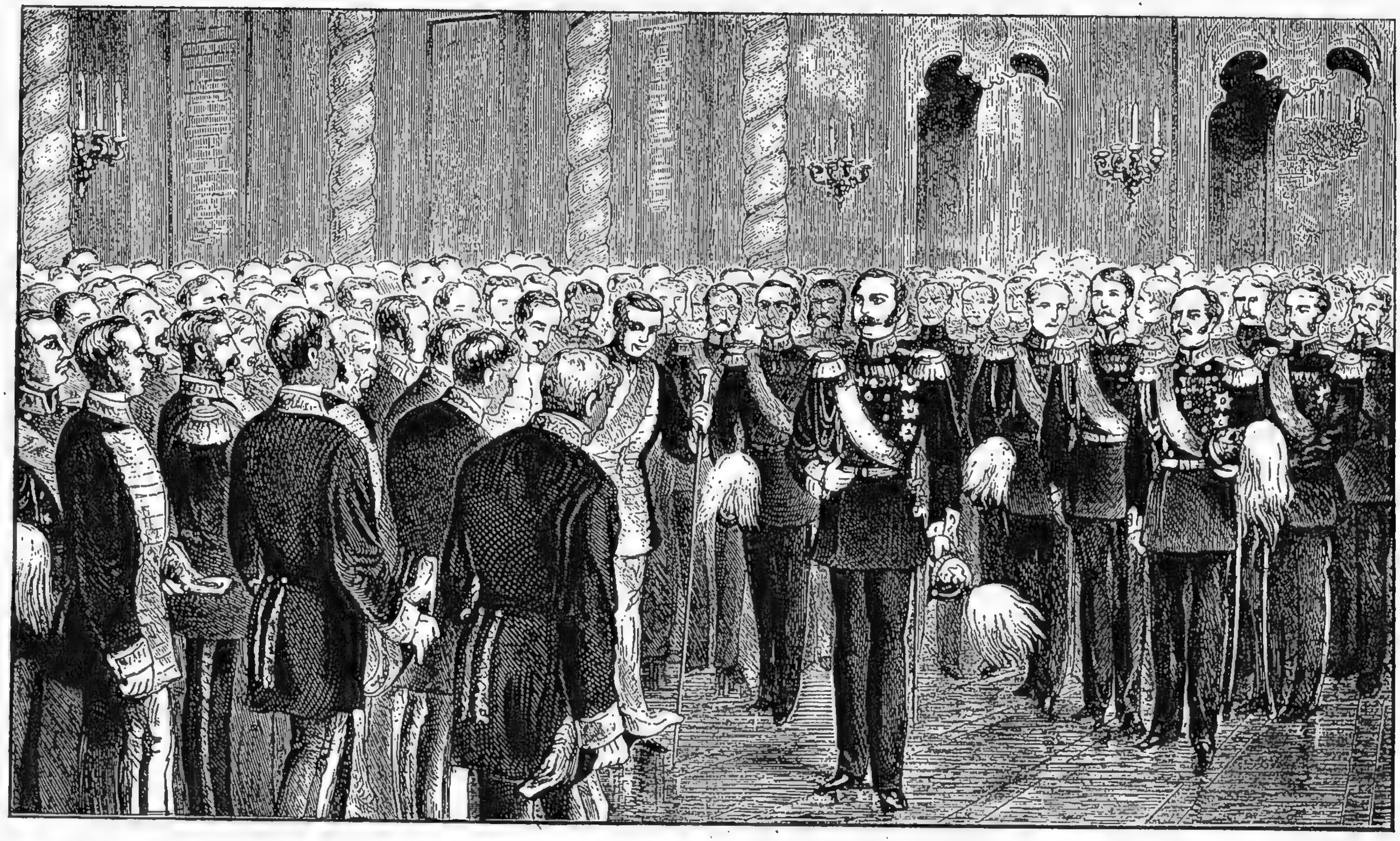
Но государь своимъ личнымъ воздѣйствіемъ не давалъ дѣлу остановиться. Въ концѣ 1857 года генералъ-губернаторъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній Назимовъ представилъ отъ тамошнихъ дворянъ адресъ съ выраженіемъ желанія освободить крестьянъ, по примѣру прибалтійскихъ губерній (безъ земли). Государь 20 ноября отвѣтилъ на это своимъ знаменитымъ рескриптомъ на имя генералъ-губернатора.

Разрѣшая открыть въ названныхъ губерніяхъ комитеты для разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ, государь указалъ для этого слѣдующія, имѣвшія огромную важность, основанія:

Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ въ теченіе опредѣленнаго времени въ свою собственность посредствомъ выкупа. Сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянамъ надлежащее, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

Этотъ рескриптъ былъ разосланъ по всѣмъ губерніямъ и далъ сильное движеніе вопросу впередъ. Адресы дворянствъ разныхъ губерній (Нижегородской, Петербургской, Московской и другихъ) заявляли, что дворяне желаютъ послѣдовать указаніямъ государя. И здѣсь также было Высочайше разрѣшено устраивать дворянскіе губернскіе комитеты, по примѣру открывшихся въ сѣверо-западномъ краѣ.

Въ январѣ 1858 года секретный комитетъ преобразованъ былъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, который составилъ программу вопросовъ для губернскихъ комитетовъ. Сюда поступали губернскіе проекты, которые просматривались самимъ государемъ и сводились въ одинъ сводъ особыми редакціонными комиссіями. Сюда привлечены были выборные отъ губернскихъ комитетовъ, по два человѣка отъ каждаго, въ томъ числѣ Ю. Ѳ. Самаринъ и



Александръ II говоритъ въ Кремлевскомъ дворцѣ о намѣреніи освободить крестьянъ.

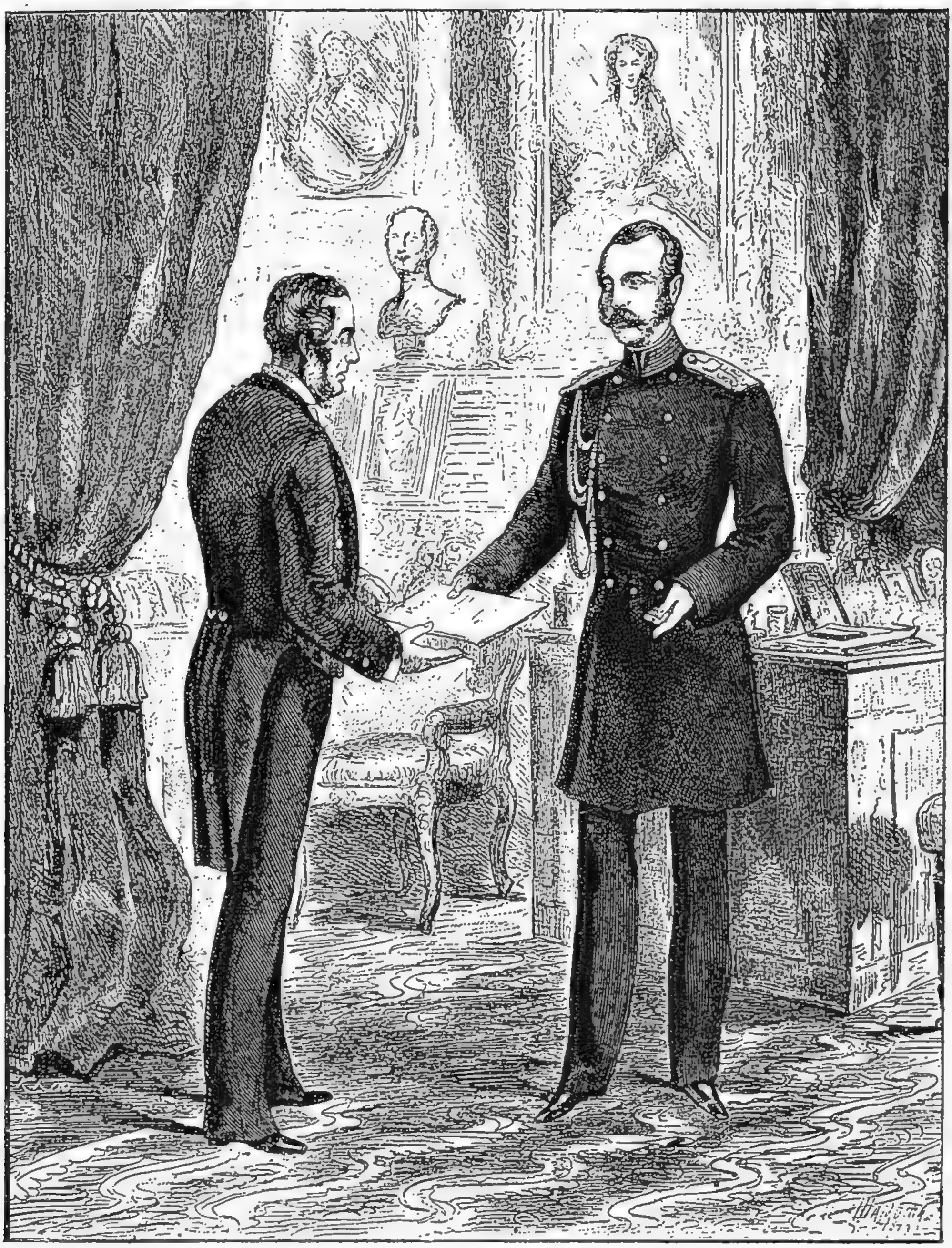
князь В. А. Черкасскій. Государь самъ дѣятельно слѣдилъ за этимъ дѣломъ. Говорилъ, что отъ этого дѣла зависитъ будущность Россіи. Принимая однажды выборныхъ отъ губернскихъ комитетовъ дворянъ, онъ сказалъ имъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Вамъ извѣстно, какъ святое это дѣло близко моему сердцу Увѣренъ, что и вы считаете его святымъ. У меня двѣ цѣли или лучше сказать одна — благо государства. Я увѣренъ, что въ томъ же заключается и ваша цѣль. Я хочу, чтобы улучшеніе быта крестьянъ было не на словахъ, а на дѣлѣ, и чтобы переворотъ совершился безъ потрясеній. Но для этого безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ вашей стороны обойтись невозможно Я желаю, чтобы эти пожертвованія были, сколь возможно, менѣе тягостны и обременительны для дворянъ".

Генералъ-адъютантъ Ростовцевъ.

Къ октябрю 1860 года редакціонныя комиссіи выработали проектъ преобразованія, и онъ былъ переданъ въ главный комитетъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, а отсюда по надлежащемъ исправленіи все дѣло поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. 28 января на его собраніи предсѣдательствовалъ самъ государь и сказалъ достопамятную рѣчь:

„Дѣло объ освобожденіи крестьянъ,—говорилъ государь,—которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно — что откладывать этого дѣла нельзя; почему я *требую отъ Государственнаго Совѣта*, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю, и это моя непремѣнная воля, чтобы дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія, какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ.



Государь и министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской.

Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и всѣ вы также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, ибо они касаются самыхъ близкихъ матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу былъ сдѣланъ *по вызову самого дворянства*, и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣ-

Князь В. А. Черкасскій.

Н. А. Милютинъ.

тельствовать объ этомъ предъ потомствомъ. Прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ, и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

„Вамъ, — продолжалъ государь, — извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ уничтожить его. а на это есть моя прямая воля Царская.

„Предшественники мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти.

„Покойный мой родитель постоянно былъ занятъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 г.,

бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту главнымъ комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ преобразованіе быта крестьянъ совершилось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, а именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое, и только теперь, послѣ сорока лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній, и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя моего издать въ 1847 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ.

„Я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали, какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрою ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго нашего отечества. Теперь, съ Божіею помощью, приступимъ къ самому дѣлу“.

Большинство членовъ Государственнаго Совѣта было противъ разныхъ пунктовъ проекта, но государь согласился съ меньшинствомъ.

19 февраля 1861 года наступила новая эра для русскаго народа,—послѣдовалъ Высочайшій манифестъ Царя-Освободителя [1]).

Вотъ достопамятныя слова этого манифеста:

„Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій всероссійскій престолъ,

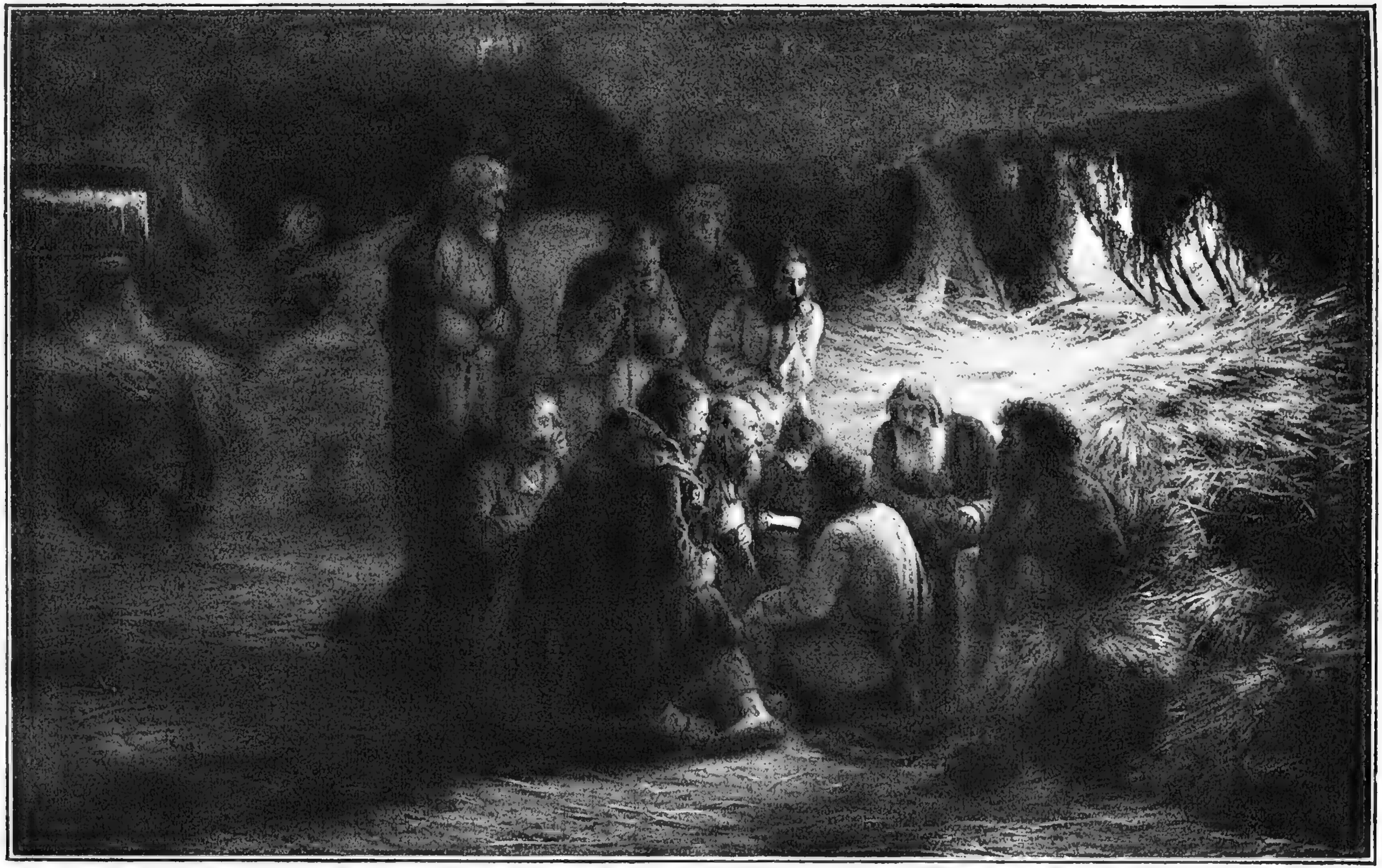
---

[1]) Редактированіе его было поручено Филарету, митрополиту московскому.

въ соотвѣтствіе сему призванію, мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ обнимать нашею царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ *всякаго званія и состоянія*, отъ благородно владѣющаго мечомъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

„Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ государства, мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но, при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ“.

За симъ государь указываетъ, что самъ онъ, зная по опыту о преданности Россійскаго дворянства престолу и отечеству, для начала дѣла освобожденія крестьянъ обратился къ дворянству, которое для пользы отечества и съ уменьшеніемъ своихъ выгодъ добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей, а потому императоръ отъ себя и отъ имени отечества изъявлялъ дворянству признательность, что оно, побуждаемое уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права; а между крестьянами нѣкоторые думая о свободѣ, забывали объ обязанностяхъ, но по закону христіанскому всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ, воздавать всѣмъ должное и въ особенности



Чтеніе крестьянамъ манифеста 19-го февраля 1861 года.

кому должно урокъ, дань, страхъ, честь; крестьяне, получая отъ помѣщиковъ земли, обязаны нести соотвѣтственныя повинности и трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью и честною въ страхѣ Божіемъ жизнію, сами себѣ должны доставить благополучное существованіе".

Манифестъ заканчивался такъ:

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго".

Вмѣстѣ съ манифестомъ обнародовано было положеніе о крестьянахъ. Этимъ актомъ высочайшей воли свыше чѣмъ 22 милліона людей освободились отъ двухвѣкового крѣпостного состоянія, и русскій народъ вздохнулъ свободною грудью; сбылись завѣтныя, но безсильныя мечты немногихъ лучшихъ русскихъ людей, и не принадлежащая до сихъ поръ крестьянину земля, которую онъ такъ долго орошалъ пóтомъ своимъ, по закону 19 февраля 1861 года, сдѣлалась его собственностью, и крестьяне получили личныя права, дающія имъ, какъ и прочимъ сословіямъ, права семейныя, право повсемѣстнаго жительства, право воспитанія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, право производить торговлю, содержать фабрики, заводы, записываться въ цехи, вступать въ гильдіи; кромѣ того, дабы облегчить крестьянамъ выкупъ полевыхъ угодій, правительство постановило выдавать крестьянамъ ссуды, въ размѣрѣ $^4/_5$ оцѣночной суммы поступающихъ въ душевой надѣлъ земель, за что они обязывались вносить въ казну 49 лѣтъ выкупные платежи. Съ переходомъ на выкупъ крестьянъ окончились ихъ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ. Выкупъ земель предоставлялось дѣлать или каждому порознь крестьянину или крестьянскимъ обществамъ. Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляли за установленныя повинности въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебную ихъ осѣдлость, а для обезпеченія ихъ быта и исполненія обязанностей предъ государствомъ и помѣщиками, то количество земли и другихъ угодій, которое опредѣляется мѣстными положеніями.

Опредѣленіе количества надѣла и крестьянскихъ повинностей предоставлялось добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками, а взаимныя отношенія ихъ въ этомъ дѣлѣ опредѣлялись уставными грамотами, которыя должны быть составлены въ теченіе года; провѣрка уставныхъ грамотъ возлагалась на мировыхъ посредниковъ, назначаемыхъ губернаторами изъ дворянъ, при участіи упол-

номоченныхъ отъ крестьянскихъ обществъ. Мировые посредники, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, составляли уѣздные мировые съѣзды, кои были подчинены губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ.

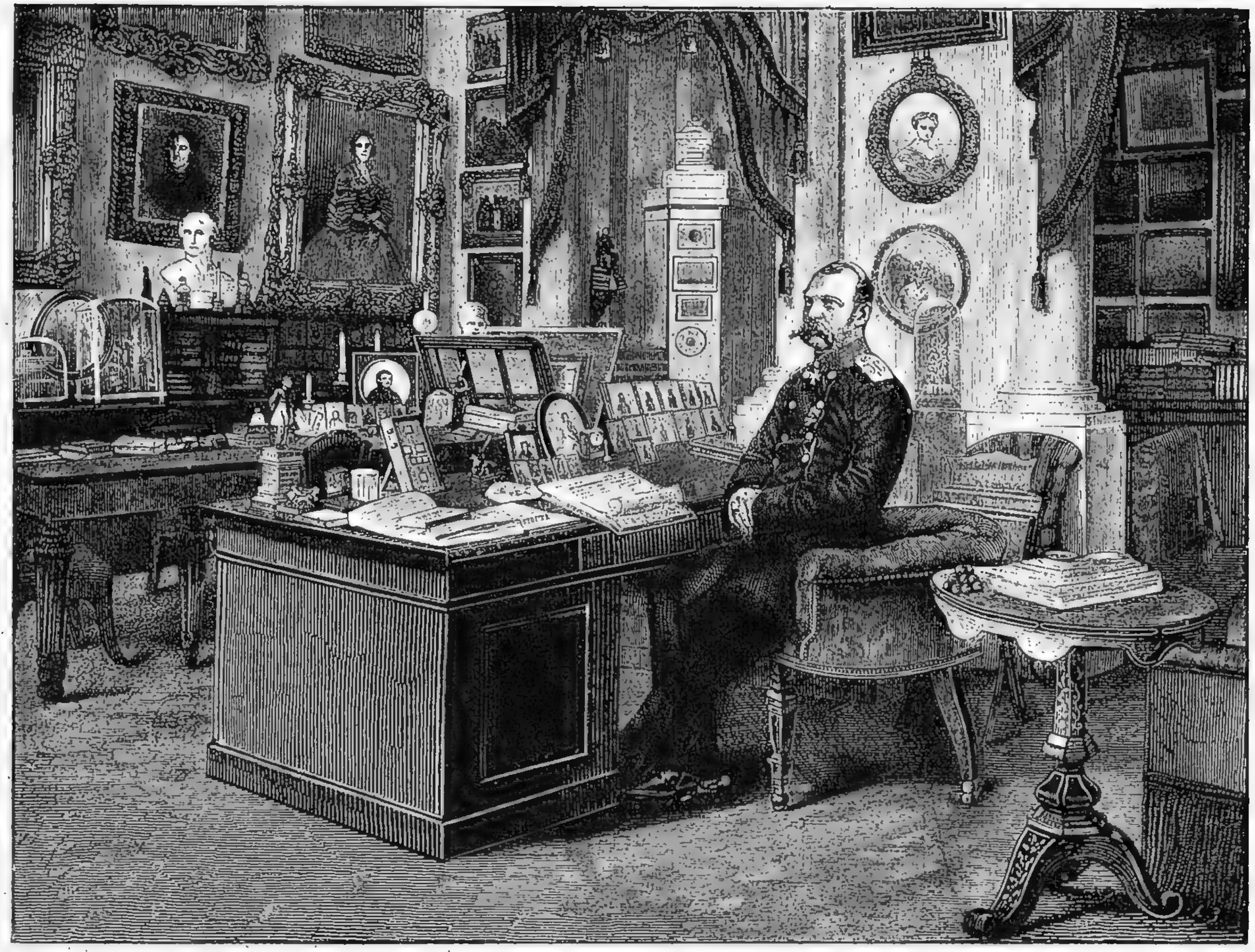
Кромѣ правъ личныхъ, крестьяне получили въ 1861 году право своего крестьянскаго самоуправленія, которое предоставлено сельскому сходу домовладѣльцевъ, во главѣ коего стоялъ выборный сельскій староста, и волостному сходу съ волостнымъ старшиной во главѣ. Учрежденъ былъ и волостной крестьянскій судъ.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ объявленъ въ Петербургѣ и Москвѣ въ прощеное воскресенье, 5 марта. Освобожденные крестьяне съ тихою радостью направились въ храмы молиться за виновника своего освобожденія. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, въ недѣлю Православія, 12 марта, громадная толпа крѣпостныхъ крестьянъ собралась въ Петербургѣ, около Зимняго дворца, благодарить государя. Выборные депутаты были допущены въ самый дворецъ, а къ остальнымъ государь вышелъ на площадь. Народъ со слезами на глазахъ трогательно благодарилъ его за дарованную свободу. Нигдѣ не произошло безпорядковъ, за исключеніемъ Казанской и Пензенской губерній, гдѣ между крестьянами появились революціонные толкователи новаго положенія, внушавшіе крестьянамъ, будто объявленная воля — не та, которую далъ госу-

Императрица Марія Александровна въ 1877 году.

дарь и что они должны сопротивляться введенію новаго положенія, и что если въ нихъ будутъ стрѣлять, то нужно только выдержать три залпа, послѣ которыхъ имъ объявятъ-де чистую, настоящую волю. Вслѣдствіе такой агитаціи приходилось вызывать воинскія команды. Зачинщики этихъ безпорядковъ были судимы военнымъ судомъ. Объѣзжая Россію, государь во многихъ мѣстахъ лично объяснялъ крестьянамъ, что, кромѣ той воли, какую онъ далъ, другой воли не будетъ, а потому они должны въ точности исполнять всѣ обязанности, налагаемыя на нихъ законами и положеніемъ 19 февраля 1861 года.

Такъ спокойно совершилось, „по манію самодержавнаго царя“, освобожденіе 22 милліоновъ крестьянъ,—великое дѣло, изумившее даже демократическую республику Сѣверо-Американскихъ Соеди-



Александръ II въ своемъ кабинетѣ.

Александръ II читаетъ манифестъ народу на Дворцовой площади.

Цесаревичъ Николай Александровичъ. Скончался въ 1865 году.

ненныхъ Штатовъ, гдѣ освобожденіе негровъ не отъ крѣпостной зависимости, а отъ полнаго рабства привело къ продолжительной и кровопролитной войнѣ между южными штатами, стоявшими за рабовладѣльчество, и сѣверными, отстаивавшими освобожденіе.

Крестьянская реформа была лишь началомъ пребразованій императора Александра II. Въ 1864 году издано было положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, которымъ давалось мѣстное самоуправленіе, посредствомъ выборныхъ, уѣздамъ и губерніямъ, въ дѣлѣ преимущественно хозяйственныхъ пользъ и нуждъ. Оно вѣдало земское обложеніе населенія, народное продовольствіе и здравіе, низшія школы (съ хозяйственной стороны), дорожное дѣло, взаимное земское страхованіе и т. п. Участіе въ земскихъ дѣлахъ предоставлено было владѣющимъ имущественнымъ

Императоръ Александръ II.

цензомъ въ землѣ или другомъ недвижимомъ имуществѣ, и владѣющимъ промышленнымъ или торговымъ заведеніемъ (съ опредѣленной доходностью).

Эти избиратели составляютъ уѣздные съѣзды: а) землевладѣльцевъ, б) городскихъ избирателей и в) выборныхъ отъ сельскихъ обществъ. На этихъ съѣздахъ избираются на три года уѣздные гласные, ежегодно одинъ разъ собирающіеся на уѣздныя земскія собранія, которыя избираютъ предсѣдателя и членовъ земской управы, какъ исполнительные органы, устанавливаютъ земскій бюджетъ, рѣшаютъ вопросы по земскому хозяйству, обсуждаютъ отчеты управы и проч. На томъ же собраніи избираются на три года гласные въ губернское земское собраніе, вѣдающее земское хозяйство губер-

ніи и избирающее губернскую земскую управу. Предсѣдательствуютъ на первыхъ собраніяхъ уѣздные, а на вторыхъ—губернскіе предводители дворянства. Надзоръ за земскимъ самоуправленіемъ принадлежитъ губернатору, могущему остановить исполненіе рѣшеній земства, несогласныхъ съ закономъ или съ общими интересами государства. Но земскимъ собраніямъ предоставлено право обжаловать рѣшенія губернаторовъ въ Сенатъ.

Черезъ 6 лѣтъ, въ 1870 году, въ замѣну городского устройства Екатерины II (см. „Русскую Исторію“, III, стр. 87, 88), издано было новое городское положеніе, по коему права городскихъ избирателей предоставлены домовладѣльцамъ и владѣльцамъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, безъ различія сословій. Составляя избирательныя собранія, они избирали гласныхъ въ городскую думу, а та, въ свою очередь, избираетъ городского голову и городскую управу, имѣющую исполнительную власть по городскому хозяйству, регулируемую думою на ея засѣданіяхъ въ теченіе очередныхъ четырехъ лѣтъ.

Еще императоръ Николай I, послѣ изданія Свода законовъ, много заботъ посвятилъ разработкѣ вопроса о преобразованіи нашихъ судебныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ на основаніи законовъ Екатерины II. Продолжая это дѣло, императоръ Александръ II совершилъ важныя преобразованія въ этой сферѣ судебными уставами 20 ноября 1864 года, направленными къ устраненію медлительности, безгласности, сословности и злоупотребленій прежнихъ судовъ. Цѣлью этого преобразованія, какъ сказано въ высочайшемъ указѣ, было водвореніе въ Россіи суда скораго, праваго, милостиваго, равнаго для всѣхъ.

Судебныя учрежденія получили слѣдующую организацію. Ближайшую къ населенію инстанцію составили мировые судьи, избираемые на три года въ уѣздномъ земскомъ собраніи, а въ городахъ—въ думѣ. Они разбираютъ гражданскія и уголовныя дѣла меньшей важности, въ своихъ мировыхъ участкахъ, на которые дѣлятся уѣзды и города. Ихъ рѣшенія обжаловываются въ мировой съѣздъ. Въ губернскихъ городахъ учреждены окружные суды, въ кои предсѣдатель, члены и судебные слѣдователи назначаются правительствомъ. Въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, ведущихъ къ лишенію или ограниченію правъ состоянія, принимаютъ участіе присяжные засѣдатели, выбираемые въ числѣ 12-ти, по очереди изъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій. Въ ихъ присутствіи публично и гласно производится разборъ дѣла при участіи обвинительной власти, т.-е.

прокурора, и защитника обвиняемаго — адвоката; послѣднее слово предоставляется обвиняемому. На основаніи всего происходившаго на судѣ присяжные засѣдатели, по внутреннему убѣжденію, по совѣсти, рѣшаютъ вопросъ, виновенъ или невиновенъ обвиняемый, а коронные судьи примѣняютъ къ нимъ соотвѣтствующія статьи закона относительно наказанія въ случаѣ обвиненія. Приговоры окружныхъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей и по всѣмъ гражданскимъ могутъ быть обжалованы въ судебную палату соотвѣтствующаго округа. Высшій надзоръ за судами принадлежитъ Сенату, который кассируетъ или отмѣняетъ приговоръ суда и передаетъ его разсмотрѣніе въ другомъ судебномъ составѣ.

Немаловажное значеніе имѣютъ финансовыя и экономическія реформы Александра II. Для упорядоченія государственныхъ финансовъ установлено было единство приходо-расходной кассы въ Министерствѣ финансовъ, съ упраздненіемъ таковыхъ въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ. Установлено было также, чтобы доходы и расходы отдѣльныхъ вѣдомствъ регулировались не ихъ особыми смѣтами и дополнительными ассигнованіями, а общегосударственнымъ бюджетомъ, разсматриваемымъ въ Государственномъ Совѣтѣ, утверждаемымъ Высочайшею волею и опубликованнымъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ 1860 году разныя государственныя кредитныя учрежденія были упразднены, ихъ дѣла были сосредоточены въ Государственномъ банкѣ и его конторахъ и отдѣленіяхъ, устроенныхъ въ наиболѣе важныхъ городахъ. Государственному банку поручены веденіе денежныхъ и кредитныхъ операцій государственнаго хозяйства и поддержка путемъ кредита и расчетовъ промышленности и торговли. Для дальнѣйшаго развитія народнаго кредита поощрялось учрежденіе частныхъ банковъ: городскихъ—общественныхъ и акціонерныхъ—земельныхъ, промышленныхъ и торговыхъ, ссудосберегательныхъ кассъ и тому подобныхъ учрежденій. Для экономическаго подъема Россіи особыя заботы были приложены къ умноженію и развитію путей сообщенія, какъ водныхъ, такъ и сухопутныхъ. Особенно сильно подвинулось у насъ желѣзнодорожное строительство, при помощи казны и акціонервыхъ компаній. Россія, имѣвшая менѣе тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ къ 25-лѣтію царствованія Александра II, имѣла рельсовую сѣть въ 22.000 верстъ; а судоходство ея сильно подвинулось умноженіемъ грузовыхъ и пассажирскихъ пароходовъ на рѣкахъ и моряхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россія покрылась сѣтью телеграфныхъ сообщеній. Вслѣдствіе всего

Графъ Д. А. Толстой.

этого торговые и промышленные обороты народа возросли весьма значительно. Отмѣнены были винные откупа, и разрѣшена свободная торговля питейная, которая была обложена особыми сборами, взимаемыми акцизнымъ управленіемъ. Обширную организацію получилъ Государственный Контроль, распредѣленный между центральнымъ управленіемъ и контрольными палатами въ губерніяхъ.

Въ это царствованіе много было сдѣлано для дальнѣйшаго развитія у насъ образованія. Такъ было издано положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, и число ихъ стало быстро умножаться путемъ открытія казенныхъ и особенно земскихъ училищъ. Для приготовленія учителей начальныхъ школъ заводились учительскія семинаріи. Количество среднихъ учебныхъ заведеній для мальчиковъ съ 88 увеличилось до 280. Послѣ горячей борьбы въ печати изъ-за классической и реальной системы, подъ вліяніемъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ М. Н. Каткова, дано было преобладаніе въ среднемъ образованіи классицизму, основанному на изученіи языковъ латинскаго и греческаго. Министръ народнаго просвѣще-

нія графъ Д. А. Толстой преобразовалъ среднія учебныя заведенія: одни въ классическія гимназіи, дававшія своимъ воспитанникамъ, получившимъ аттестатъ зрѣлости, доступъ въ университеты; другія въ реальныя училища, подготовлявшія къ высшимъ техническимъ заведеніямъ. Учреждены были въ Варшавѣ и Одессѣ новые университеты и подготовлено было открытіе для Сибири Томскаго университета. Въ 1863 году университетамъ дано было самоуправленіе. Лицей въ Нѣжинѣ былъ преобразованъ въ историко-филологическій институтъ, а Демидовскій, въ Ярославлѣ,—въ высшее юридическое училище. Въ Петербургѣ учрежденъ былъ новый филологическій институтъ, а въ Москвѣ защитники классицизма М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ основали Лицей Цесаревича Николая; С. Н. Фишеръ устроила женскую классическую гимназію въ Москвѣ. Возникло много различнаго рода ремесленныхъ и техническихъ училищъ и въ ихъ числѣ сельско-хозяйственная высшая школа въ Петровскомъ-Разумовскомъ, близъ Москвы. Для образованія дѣвушекъ основано было множество женскихъ гимназій, и даже разрѣшались высшіе женскіе курсы.

Ю. Ѳ. Самаринъ.

Еще при жизни отца, въ отрочествѣ и юности своей, Александръ Николаевичъ питалъ доброе расположеніе къ русской литературѣ, совершенно понятное потому, что въ ту пору во дворецъ царицы-бабушки и въ покои царицы-матери получили доступъ талантливѣйшіе писатели наши: Карамзинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковскій и другіе. Изъ нихъ Жуковскій, какъ уже извѣстно, сталъ вліятельнымъ учителемъ Александра Николаевича. Совершенно естественно, что онъ, по своемъ воцареніи, сталъ проявлять еще большія, чѣмъ его отецъ, симпатіи къ русской литературѣ. Въ первые же годы

онъ дозволилъ русскимъ журналамъ обсуждать политическіе вопросы. Редакторъ „Русскаго Вѣстника“ М. Н. Катковъ такъ привѣтствовалъ это: „Все, что есть у насъ силы и энтузіазма, все мы отдадимъ нашему царственному вождю; съ радостью и преданностью пойдемъ мы въ добрый путь подъ его знаменемъ, пойдемъ съ полной вѣрой, что знамя вождя нашего есть истинная честь, свѣтъ и благо нашей родины“.

Печать, какъ періодическая, такъ и книжная, стала быстро развиваться, число изданій и той и другой размножалось. Всюду шло обсужденіе преобразованій, начиная съ освобожденія и устройства крестьянъ.

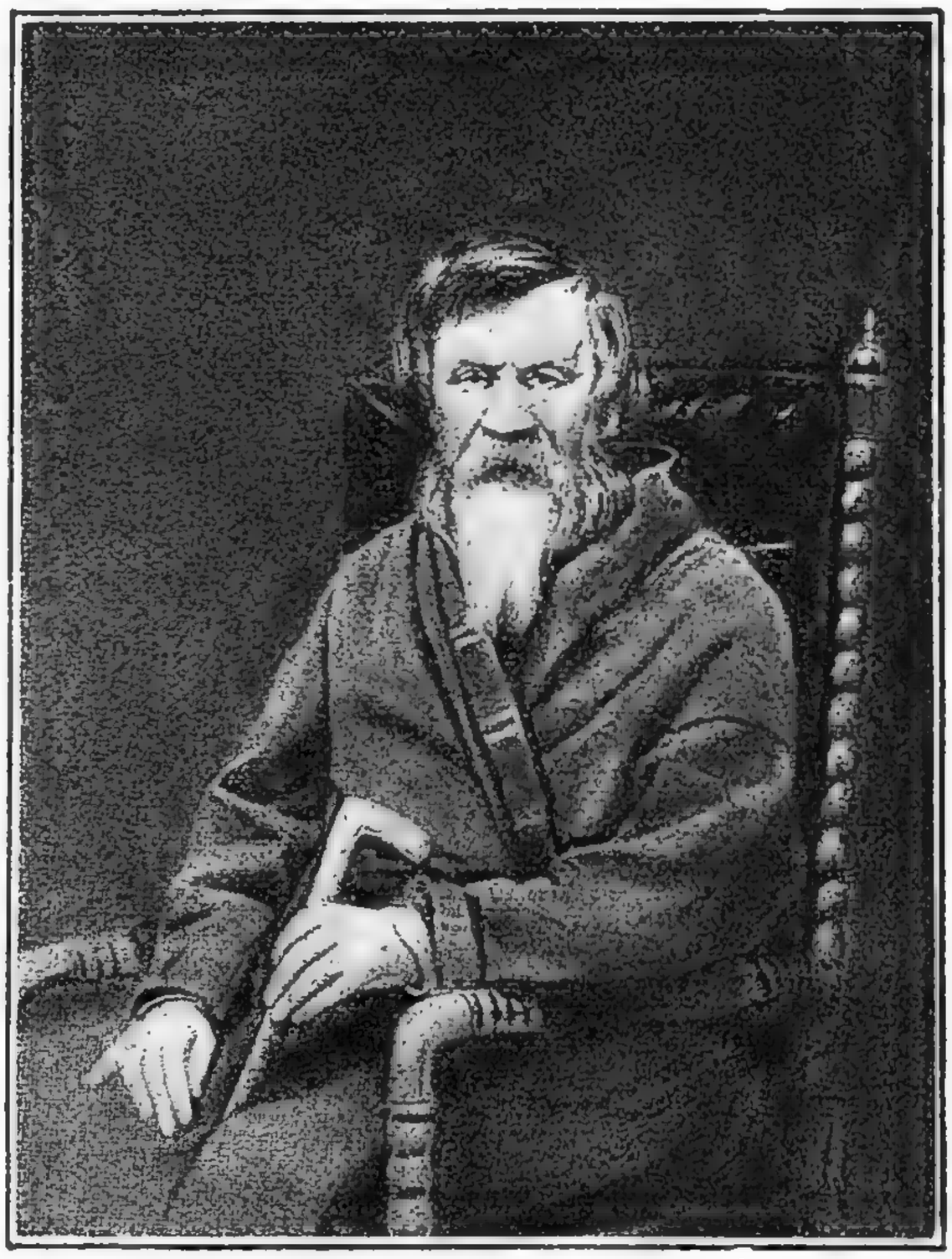
И. С. Аксаковъ.

Въ 1865 году изданы были льготныя для печати „Временныя Правила“, смягчавшія дѣйствія цензурнаго устава. Въ высочайшемъ указѣ Сенату по этому поводу было сказано: „Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи у насъ судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, нижеслѣдующія дополненія и измѣненія. Отъ предварительной цензуры освобождены въ столицахъ: всѣ выходящія въ свѣтъ повременныя изданія, издатели которыхъ выразятъ на то желаніе; оригинальныя сочиненія не менѣе 10 печатныхъ листовъ и переводныя сочиненія не менѣе 20 листовъ. Всѣ безцензурныя изданія въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ подвергаются судебному преслѣдованію, а повременныя изданія, кромѣ того, и административнымъ взысканіямъ“. Освобожденіе части печати отъ предварительной цензуры еще сильнѣе увеличивало количество печатныхъ произведеній.

Въ эту пору яснѣе проявились тѣ направленія нашей печати, которыя уже намѣтились въ прежнее царствованіе: русское, національное и западническое, космополитическое и смѣшанное, занимавшее средину между тѣмъ и другимъ.

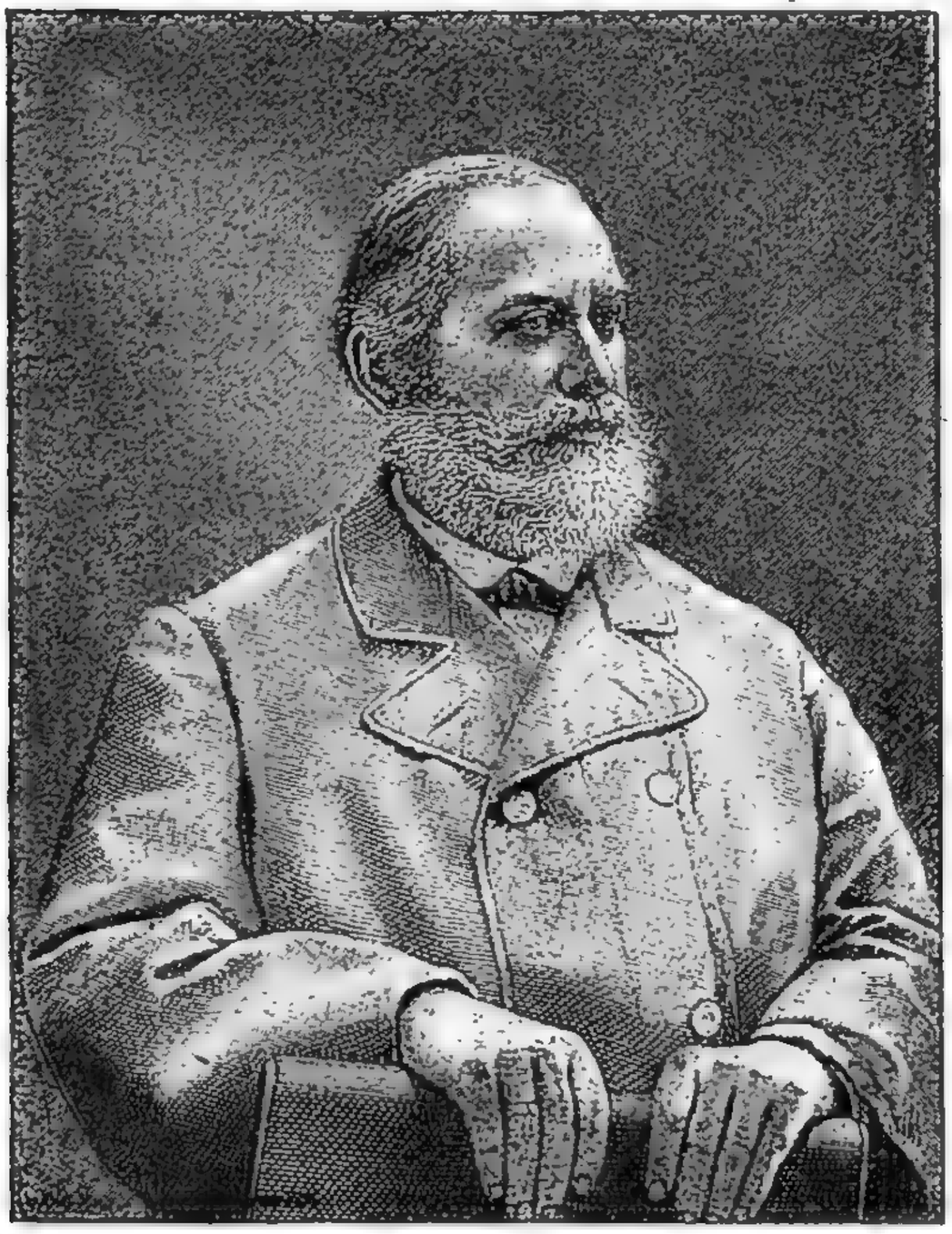
Представителями русскаго направленія въ это время были отрѣшившійся отъ своего прежняго англоманства М. Н. Катковъ,

П. М. Леонтьевъ, В. П. Мещерскій и славянофилы Константинъ и Иванъ Сергѣевичи Аксаковы, Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. Данилевскій, К. Н. Леонтьевъ, Страховъ, В. В. Комаровъ и другъ. Но лагерь западниковъ былъ гораздо многочисленнѣе. Лѣвое его крыло примыкало къ эмигранту Герцену и его „Колоколу“. Въ этомъ крылѣ свирѣпствовало отрицательное (нигилистическое) отношеніе къ національнымъ основамъ русской жизни: православію, самодержавію и народности и поклонничество всему западному, особенно въ его крайностяхъ. Выдававшіе себя за прогрессистовъ и называвшіе всѣхъ иначе мыслящихъ реакціонерами, эти радикалы были поклонниками въ философіи матеріализма, позитивизма и эволюціонной теоріи Дарвина, въ соціально-экономической области—соціализма, въ государственномъ правѣ—демократіи, или чистой, или по меньшей мѣрѣ смѣшанной съ монархіей въ видѣ парламентаризма. Наиболѣе выдающимися представителями этого радикализма или нигилизма были шестидесятники: Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ и другіе, пріобрѣвшіе сильное вліяніе на молодежь и подготовлявшіе въ ней революціонное движеніе, до хожденія въ народъ и террористическихъ актовъ включительно. Въ періодической печати органами русскаго направленія были „Русскій Вѣстникъ“ и „Московскія Вѣдомости“ Каткова, „День“ и „Русь“ Аксакова, „Русскій Міръ“ Черняева, „Дневникъ Писателя“ Достоевскаго, „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго. Органами радикализма—„Современникъ“, „Русское Слово“ и „Отечественныя Записки“ сатирика Щедрина. Умѣреннѣе были „Голосъ“ Краевскаго, „Вѣстникъ Европы“ Стасюлевича, „Страна“ Полонскаго, „Русскія Вѣдомости“, органъ московскихъ профессоровъ.



М. П. Погодинъ.

Русское историческое самосознаніе въ это царствованіе значительно подвинулось впередъ, благодаря изданію и разработкѣ первоисточниковъ Русской исторіи. Къ возникшему прежде Обществу исторіи и древностей россійскихъ, присоединялись новыя: Историческое общество, Общество древней письменности и Археологическое общество въ Петербургѣ, Археологическое общество въ Москвѣ, Археографическія комиссіи въ Вильнѣ и Кіевѣ, Общество Нестора-лѣтописца въ послѣднемъ, архивныя комиссіи по губернскимъ городамъ, Архивъ Министерства Юстиціи и Иностранныхъ дѣлъ и Историческій Музей въ Москвѣ, церковно-археологическіе музеи въ разныхъ городахъ.



С. М. Соловьевъ.

Начавшій въ предшествующее царствованіе свою „Исторію Россіи“ С. М. Соловьевъ выпускалъ ее по тому въ годъ и довелъ ее до восьмидесятыхъ годовъ царствованія Екатерины II (всего 29 томовъ). По составленію общихъ курсовъ русской исторіи работали въ это время Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Иловайскій, Бѣляевъ, Кояловичъ и друг. По археологіи много цѣннаго сдѣлали Снѣгиревъ, Забѣлинъ, графъ Уваровъ и проч. Для изданія памятниковъ Русской исторіи много потрудились Горскій, Невоструевъ, Бычковъ. По Русской церковной исторіи много поработали архіепископъ Филаретъ Гумилевскій, митрополитъ Макарій, Е. Голубинскій, Знаменскій и друг. По древней русской словесности работали Буслаевъ, Срезневскій, Тихонравовъ, Е. Барсовъ и другіе.

Въ области естествознанія выдвинулись: Менделѣевъ, Богдановъ, Н. Данилевскій (критикъ Дарвина), Щуровскій. Въ медицинѣ — Пироговъ, Боткинъ и Захарьинъ. Въ философіи — Юркевичъ, Карповъ, Кудрявцевъ, Новицкій и другіе. Въ критикѣ — А. Григорьевъ, Страховъ и другіе.

Несмотря на то, что допущенный до господства въ печати радикализмъ крайне отрицательно относился къ искусству, оно въ эту пору сдѣлало значительные шаги впередъ. Представители изящной словесности, начавшіе выступать еще при Николаѣ I, вполнѣ проявили свои таланты въ царствованіе его сына. Именно при немъ печатали свои лучшія произведенія такіе „люди сороковыхъ годовъ“, какъ С. Т. Аксаковъ („Семейная Хроника“), Достоевскій („Записки изъ мертваго дома“, „Преступленіе и наказаніе“, „Братья Карамазовы“ и пр.), Тургеневъ („Наканунѣ“, „Дворянское гнѣздо“, „Отцы и дѣти“ и др.), Толстые, Алексѣй („Князь Серебряный“, Смерть Грознаго“, „Царь Ѳедоръ“ и т. д.) и Левъ („Война и миръ“, „Анна Каренина“ и проч.), Гончаровъ („Обломовъ“, „Обрывъ“ и проч.), А. Н. Майковъ („Два міра“), Полонскій, Тютчевъ, Некрасовъ, Островскій („Свои люди сочтемся“, историческія драмы и проч.), Маркевичъ („Четверть вѣка назадъ“, „Бездна“ и проч.), Писемскій, Печерскій, Лѣсковъ и другіе.

Историкъ Костомаровъ.

Большой успѣхъ сдѣлала русская музыка, особенно благодаря Русскому музыкальному обществу и двумъ его консерваторіямъ, основаннымъ въ это царствованіе въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ то же время выдвинулись Даргомыжскій, Сѣровъ, два Рубинштейна, Чайковскій, Римскій-Корсаковъ, Ипполитовъ-Ивановъ, Мусоргскій и другг.

Процвѣтала также и живопись въ произведеніяхъ Айвазовскаго, Рѣпина, Васнецова, Верещагина, Крамского, Перова, Шишкина, Маковскихъ, Полѣнова, Боголюбова и многихъ другихъ.

Русская скульптура дала намъ прекрасные памятники: тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ, Екатерины II, Николая I, Крылова въ Петербургѣ и Пушкина въ Москвѣ. Въ архитектурѣ нашей

начали проявляться русскіе мотивы, ярко развившіеся въ послѣдующее царствованіе.

Не мало заботъ государь посвящалъ православной Церкви. Въ манифестѣ 19 марта 1857 года онъ говорилъ: „Сіе есть первое живѣйшее желаніе наше — свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ общественную нравственность—сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастья“. Не мало было въ это время сдѣлано для подъема образованія духовенства путемъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній и для улучшенія матеріальнаго быта духовенства. Изъ представителей Церкви особое вниманіе и благоволеніе государь удѣлялъ мастистому Филарету, митрополиту московскому, особенно по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея, а затѣмъ и кончины (въ 1861 году). Изъ другихъ іерарховъ этой эпохи выдвинулись: митрополиты Филаретъ кіевскій, Иннокентій и Макарій московскіе, Димитрій херсонскій, Филаретъ черниговскій и другіе. Въ шестидесятыхъ годахъ въ это царствованіе торжественно открыты были мощи святителя Тихона Воронежскаго.

Намъ остается еще сказать о введеніи въ это царствованіе общей воинской повинности, но объ этомъ будетъ рѣчь при обозрѣніи войнъ императора Александра II.

На открытіе памятника Николаю I въ Петербургѣ.

III.

Миролюбіе Александра II и военныя дѣйствія на Кавказѣ противъ тамошнихъ горцевъ.—Покореніе восточнаго и западнаго Кавказа.—Наши походы въ Средней Азіи.—Присоединеніе Амурскаго края и дѣла на Дальнемъ Востокѣ.

Императоръ Александръ II, какъ и дядя его, Александръ I, былъ очень миролюбивъ и склоненъ рѣшать международные споры дипломатическими сношеніями, дабы глубже погружаться въ дѣла внутренняго управленія. Несмотря на это, онъ былъ вынужденъ изъ 26 лѣтъ своего царствованія едва ли не половину провести въ войнахъ. Въ самомъ дѣлѣ, потративъ почти два года на окончаніе Севастопольской войны, онъ девять лѣтъ долженъ былъ воевать съ горцами на Кавказѣ, около двухъ лѣтъ употребилъ на усмиреніе польскаго мятежа и походы въ Средней Азіи и еще годъ слишкомъ на турецкую войну. Часть изъ указанныхъ военныхъ дѣйствій была ведена одновременно, но, слѣдуя одно за другимъ, они, конечно, заняли бы, пожалуй, болѣе половины этого царствованія.

Канцлеръ Горчаковъ.

Военныя дѣйствія, которыя велись въ началѣ царствованія Александра II, вызывались состояніемъ двухъ нашихъ окраинъ: кавказской и польской.

Императоръ Николай I не покорилъ кавказскихъ горцевъ потому, что этому помѣшали Севастопольская война и его смерть. Сыну его предстояло закончить это дѣло, и въ это царствованіе были покорены сперва восточный, а потомъ западный Кавказъ.

Когда окончилась Севастопольская война, были двинуты на Кавказъ освободившіяся отъ нея войска, а ихъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ Кавказа былъ назначенъ близкій къ государю князь Барятинскій. Оставшійся безъ поддержки Турціи и западныхъ державъ, Шамиль упорствовалъ, однако, въ защитѣ восточнаго Кавказа, но уже не имѣлъ прежняго обаянія и силъ (см. „Русскую Исторію“, V, стр. 86—88) и властвовалъ только на востокѣ Кавказа, гдѣ господствовала секта мюридовъ, преимущественно въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Теперь было уже легче бороться съ горцами, передвигая войска чрезъ проложенныя въ предшествующее царствованіе дороги и лѣсныя просѣки, отъ одного нашего укрѣпленія до другого. Походъ подъ начальствомъ князя Барятинскаго сопровождался рядомъ побѣдъ. Горныя племена одно за другимъ отпадали отъ Шамиля, особенно съ того времени, какъ нашими войсками взята была столица его, чеченская крѣпость Ведень. Это было тяжелымъ для него ударомъ. Барятинскій донесъ государю о покореніи всего сѣверо-восточнаго Кавказа. Такъ какъ всѣ воинственные чеченцы изъявили намъ покорность, то Шамиль съ своими вѣрными приверженцами бросился на югъ и пробрался въ дикія горныя возвышенности Дагестана и засѣлъ на казавшихся неприступными высотахъ Гунибъ-дага, въ аулѣ Гунибъ. Желая сдѣлать эту крѣпость еще неприступнѣе, Шамиль велѣлъ взорвать

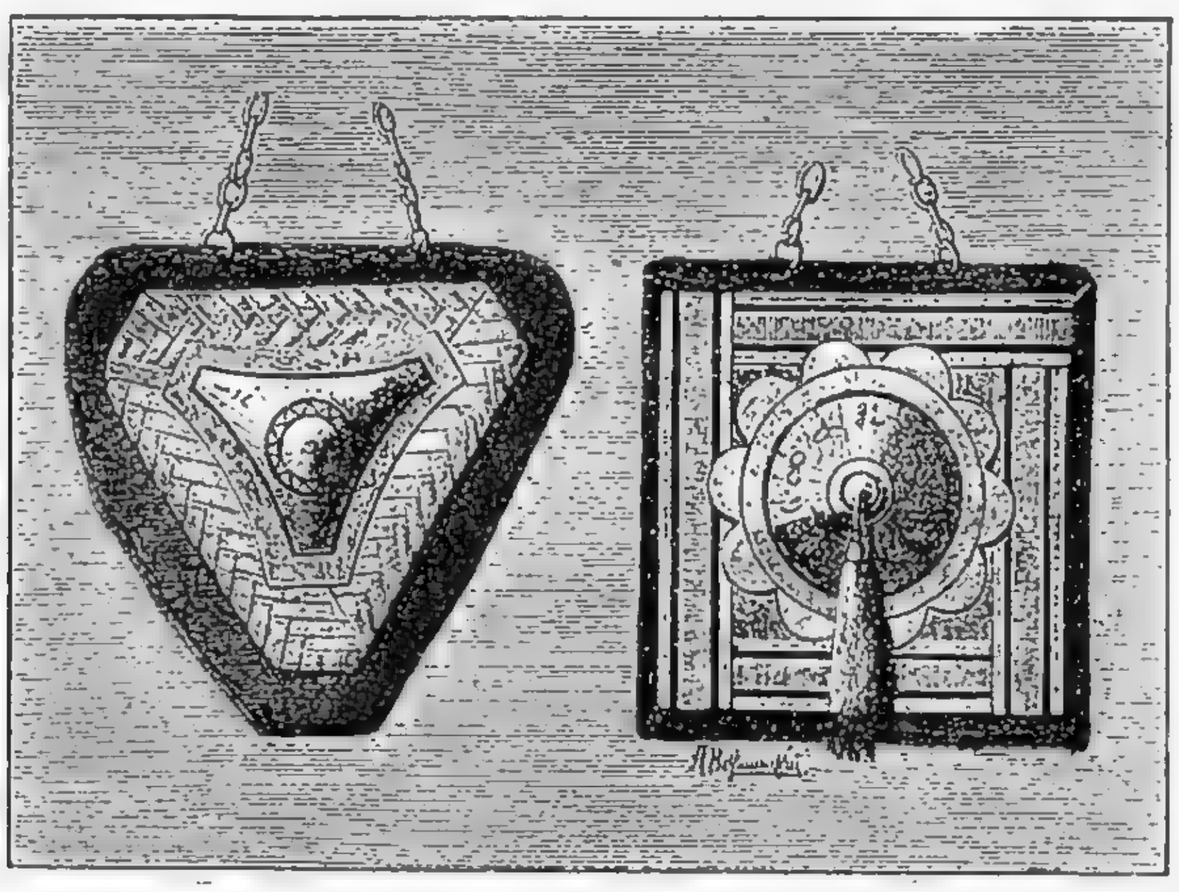
Князь Барятинскій.

порохомъ всѣ скалы, по которымъ пролегали горныя тропинки; устроить въ укрѣпленіи трехъярусныя и двухъярусныя постройки; поставить гдѣ нужно пушки; заготовить огромное количество камня, чтобы сбрасывать ихъ на русскихъ, если они отважатся на штурмъ. Несмотря на то, что вокругъ Шамиля собралось только около пятисотъ самыхъ, впрочемъ, заядлыхъ мюридовъ, Шамиль довольно спокойно сидѣлъ въ Гунибѣ.

Русскія войска съ разныхъ сторонъ стали подходить къ Гунибъ-дагу: они переправлялись чрезъ стремительныя горныя рѣчки, карабкались по отвѣснымъ утесамъ на веревкахъ, пробивали въ горахъ новые проходы и т. д... 17 августа 1859 года къ войскамъ прибылъ князь Барятинскій и послалъ къ Шамилю предложеніе о сдачѣ. Но оно было отвергнуто. Гордый имамъ отвѣчалъ: „Гунибъ — гора высокая. Надо мною еще выше — Богъ. Русскіе же стоятъ внизу: пусть штурмуютъ“. Но, вмѣсто ожидаемой осады, начался штурмъ, на который войска двинулись, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ ночь на 25 августа. Главная защита направлена была на восточный нѣсколько отлогій склонъ Гунибъ-дага. Но войска наши стали взбираться на плато, гдѣ стояло укрѣпленіе, съ юга и запада, по тѣмъ крутизнамъ, которыя составившійся въ горахъ Шамиль считалъ совершенно неприступными. Перебивъ сторожевую стражу, войска обратились на укрѣпленія, куда явились не только мюриды, но и женщины и старики, съ отчаяніемъ защищать свои гнѣзда. Приходилось штурмовать и отдѣльныя сакли. Князь Барятинскій сигналами остановилъ кровопролитіе, чтобы въ бою не былъ убитъ Шамиль, такъ какъ онъ опасался, что враги Россіи могутъ замѣнить его лже-Шамилемъ. Имаму послано новое предложеніе о сдачѣ. Только чрезъ два часа на саклѣ Шамиля поднятъ былъ бѣлый флагъ, и онъ выѣхалъ оттуда и направился въ небольшую березовую рощу, гдѣ окруженный своимъ штабомъ сидѣлъ Барятинскій. Сойдя съ коня, Шамиль подошелъ къ русскому полководцу. Тотъ сказалъ ему: „Ты, Шамиль, не принялъ моихъ условій, которыя я предлагалъ тебѣ и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ. Теперь я пріѣхалъ за тобою. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло, и она рѣшила его въ нашу пользу“. Старикъ отвѣтилъ взволнованнымъ голосомъ: „Я не внялъ твоимъ, сердарь, совѣтамъ. Прости и не осуждай меня. Я—простой уздень и тридцать лѣтъ дрался за свою вѣру. Но народы мои измѣнили мнѣ, и наибы мои разбѣжались, да и самъ я утомился борьбою“. Престарѣлый имамъ сдался на

Сдача Шамиля князю Барятинскому.

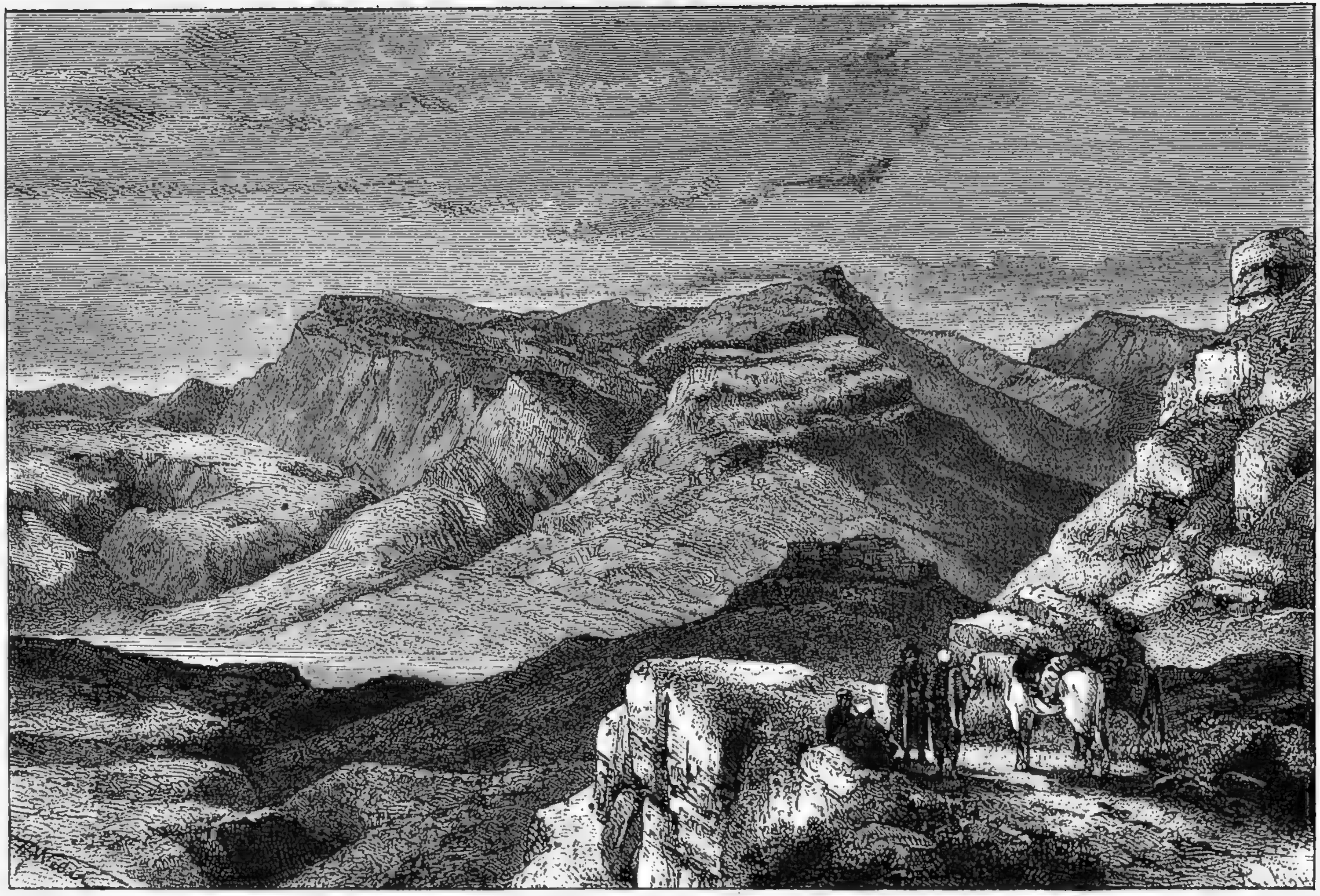
милость государя. Это произвело сильное впечатлѣніе на племена восточнаго Кавказа. Шамиль былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ государь принялъ его очень милостиво, назначилъ ему и его семьѣ щедрое содержаніе, а для житья указалъ ему Калугу. Старый врагъ Россіи и его семья питали очень теплыя чувства къ великодушному государю. Но подъ конецъ своей жизни Шамиль отправился въ Мекку и на пути, въ Аравіи, умеръ.



Ордена Шамиля.

Многія племена Кавказа, подъ вліяніемъ этой сдачи, добровольно покорились. Но оставалась непокорной западная часть Кавказа. Прилегая къ Черному морю, она была защищена здѣсь отъ нашихъ воздѣйствій, такъ какъ по Парижскому миру мы не могли держать на этомъ морѣ военныхъ судовъ. Этимъ обстоятельствомъ

За Чечню и Дагестанъ.



Гунибъ-дагъ.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

пользовались находившіяся съ нами въ мирныхъ отношеніяхъ державы, особенно Англія и Турція. Первая посылала горцамъ на военныя издержки значительныя суммы, а вторая на пароходахъ доставляла пушки, другое оружіе и порохъ и въ ряды горцевъ ставила своихъ солдатъ; французскій же посланникъ поддерживалъ боровшихся съ Россіей горцевъ въ Константинополѣ. На Кавказъ являлись и поляки, подготовлявшіе у себя возстаніе противъ Россіи; во время же мятежа сдѣлали даже попытку на англійскія деньги организовать на Кавказѣ (неудачно, однако) польскій легіонъ. Единственнымъ средствомъ къ замиренію этой окраины было выселить отсюда тамошнія племена, замѣнивъ ихъ русскими переселенцами. Мягкосердечный государь въ 1861 году самъ отправился на Кавказъ, чтобы переговорить съ представителями племенъ, которые прислали къ нему депутатовъ. Государь предложилъ имъ щедрую замѣну тѣхъ земель, которыя бы отошли подъ устройство нашихъ военныхъ поселеній, сохраненіе ихъ обычаевъ и дарованіе льготъ отъ повинностей. На другой день горцы заявили, что они готовы покориться Россіи, но требуютъ, чтобы русскія войска были

Генералъ Евдокимовъ.

немедленно отведены за Кубань, а всѣ укрѣпленія наши срыты. Но это было равнозначительно отказу отъ всего, что нами путемъ тяжкихъ и долговременныхъ жертвъ пріобрѣтено было силою оружія,—словомъ, окончательной потерѣ Кавказа. Генералъ Евдокимовъ получилъ приказаніе дѣйствовать энергически, и скоро былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа братъ государя, великій князь Михаилъ Николаевичъ. Русскія войска, подъ начальствомъ генерала Евдокимова (впослѣдствіи пожалованнаго въ графское достоинство) успѣшно и систематически повели военныя дѣйствія противъ горцевъ. Вытѣсняя враждебные намъ народы, они основывали въ завоеванныхъ мѣстностяхъ казачьи станицы, а затѣмъ подвигались дальше; горцы поняли опасность такой колонизаціи и говорили: „укрѣпленіе — это камень, брошенный въ полѣ: вѣтеръ и дождь снесутъ его; станицы — это растеніе, которое пускаетъ въ землю корни и понемногу обхватываетъ все поле“.

Враги наши не дремали: въ Трапезундѣ иностранные консулы въ предсѣдательствѣ французскаго дипломата организовали „комитетъ вспомоществованія черкесамъ“, который открыто собиралъ пожертвованія для борьбы съ Россіей на Кавказѣ и посылалъ туда нарѣзное оружіе; отправляемы были также агенты-подстрека-

тели, обнадеживавшіе горцевъ на скорую имъ помощь. Но все было напрасно. Черкесы были прижаты къ морю и вынуждены сложить оружіе.

Въ апрѣлѣ 1864 года великій князь Михаилъ Николаевичъ телеграфировалъ о важныхъ успѣхахъ нашихъ въ дѣлѣ покоренія западнаго Кавказа въ день рожденія государя, а тотъ отвѣтилъ ему слѣдующею телеграммой: „Лучшаго подарка получить не могъ. Спасибо отъ души тебѣ, графу Евдокимову и славнымъ нашимъ войскамъ“. 25 мая намѣстникъ уже поздравлялъ своего царственнаго брата съ окончаніемъ кавказскихъ войнъ, говоря: „Отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокорнаго племени“. Въ отвѣтномъ рескриптѣ государя было сказано: „Рядъ блистательныхъ подвиговъ, совершонныхъ славными кавказскими войсками, подъ предводительствомъ многихъ доблестныхъ вождей, ознаменовалъ многолѣтнюю кровавую борьбу, подъятую для огражденія нашихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ Кавказскимъ краемъ, отъ набѣговъ хищниковъ, для защиты отъ порабощенія мусульманами единовѣрныхъ намъ народовъ, добровольно вручившихъ свои судьбы подъ покровительство Россіи, и для умиротворенія края, издревле представлявшаго зрѣлище междоусобія, грабежей и разбоевъ“.

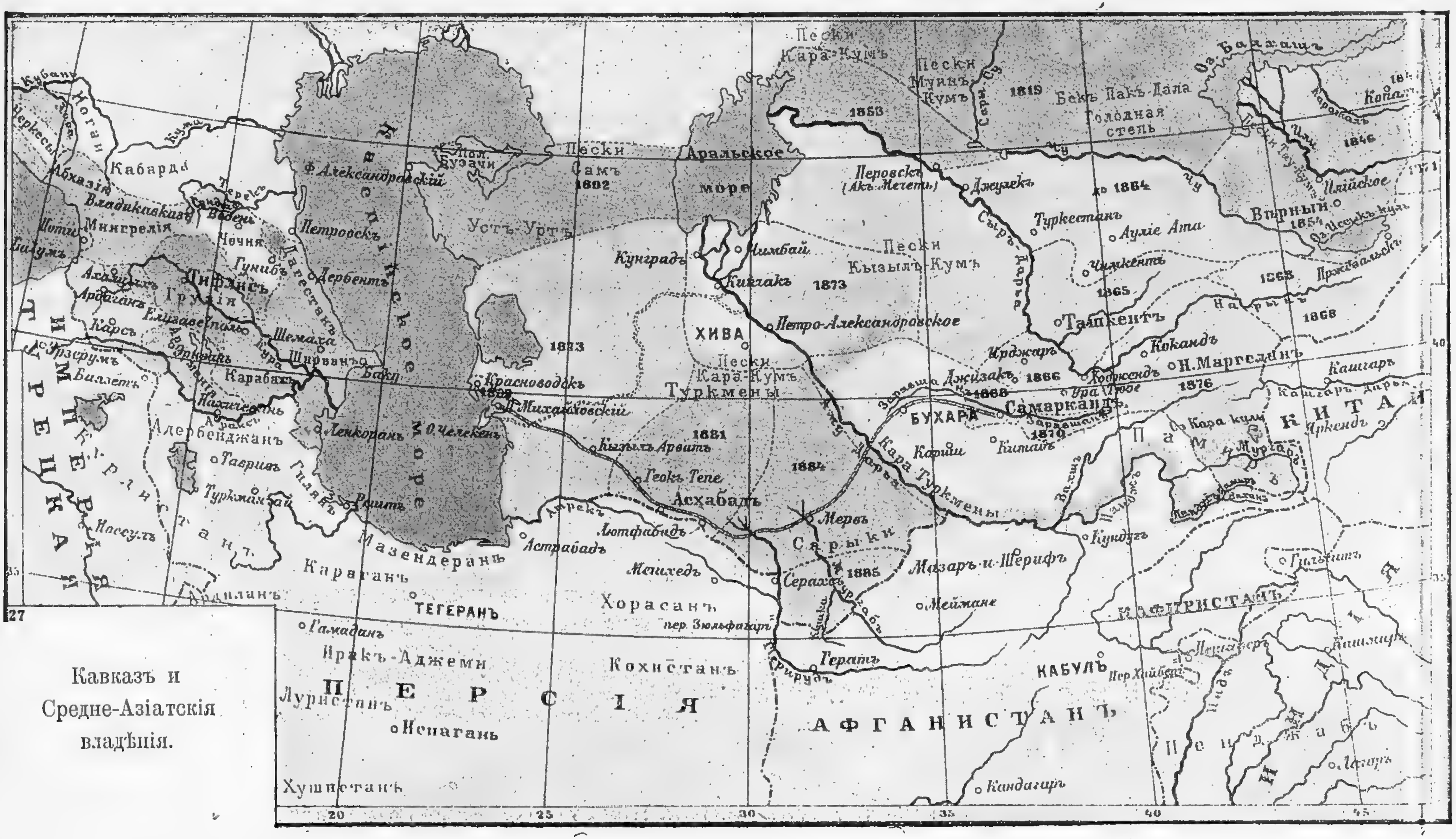
Съ разрѣшенія Александра II, 200 тысячъ черкесовъ съ своими семьями удалились въ Турцію и большею частью поселились на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ они подъ именемъ баши-бузуковъ истребили много славянъ.

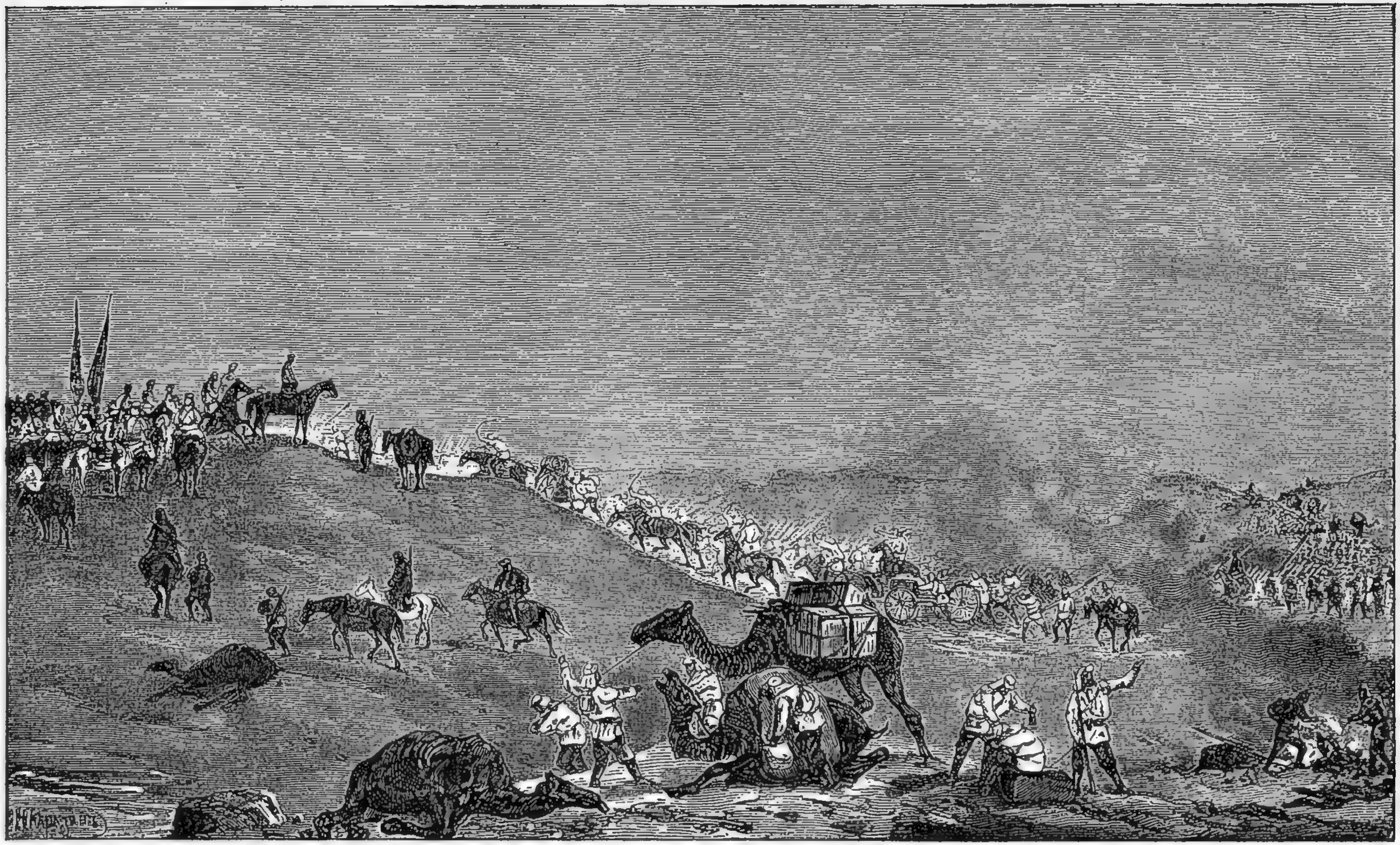
За покореніе Кавказа.

Какъ важно для Россіи покореніе Кавказа, можно усмотрѣть изъ слѣдующаго характеристичнаго факта: когда на западномъ Кавказѣ въ 60-хъ годахъ совершались послѣднія *судорожныя движенія защитниковъ черкесской независимости*, англійскій посолъ въ Константинополѣ открыто говорилъ: „Европа не можетъ равнодушно видѣть покореніе Кавказа Россіей. Независимый Кавказъ для нея также желателенъ, какъ бы желательна была независимость Польши. Независимость Кавказа могла бы содѣйствовать независимости Польши". И это говорилось наканунѣ польскаго мятежа 1863 года, въ коемъ не совсѣмъ чисты руки Альбіона.

Но еще раньше, какъ разъ послѣ сдачи Шамиля, англичане засыпали свою королеву Викторію адресами съ несчетными подписями и обвиняли свое министерство въ измѣнѣ за то, что оно не поддержало имама Чечни и Дагестана и отдало его въ жертву Россіи. На митингахъ и въ газетныхъ статьяхъ конца не было всяческимъ поношеніямъ Россіи. Это значило, что покореніе Кавказа имѣетъ для нашего могущества огромную важность.

Въ царствованіе Александра II Россія сдѣлала также очень большія пріобрѣтенія земель въ Средней Азіи, посредствомъ вооруженной борьбы съ тамошними ханствами Коканскимъ, Бухарскимъ и Хивинскимъ, расположенными въ бассейнѣ рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Постоянныя нападенія средне-азіатскихъ кочевниковъ на нашу пограничную линію, шедшую отъ Оренбургскаго края до Западной Сибири, волненія среди подвластныхъ намъ киргизовъ, уводъ и продажа нашихъ плѣнныхъ въ азіатское рабство, препятствія, чинимыя нашей торговлѣ, побуждали миролюбиваго Александра II къ снаряженію цѣлаго ряда экспедицій въ труднопроходимыя, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, средне-азіатскія степи. Такъ, въ 1864 году изъ западно-сибирскаго генералъ-губернаторства былъ отправленъ противъ коканцевъ отрядъ подъ начальствомъ генерала М. Г. Черняева, а изъ Оренбургскаго края—подъ предводительствомъ генерала Веревкина. Первый взялъ крѣпости Ауліету и Чимкентъ, а второй Туркестанъ, что сомкнуло съ Ново-Коканскою линіею Оренбургскую и Западно-Сибирскую линіи. Въ слѣдующемъ 1865 году М. Г. Черняевъ съ отрядомъ въ 2.000 человѣкъ предпринялъ дальнѣйшій походъ къ рѣкѣ Аму-Дарьѣ и 17 мая геройскимъ штурмомъ взялъ Ташкентъ, столицу Коканскаго ханства, имѣвшую 100.000 жителей и 30.000 войска. Ни подстрекательства англичанъ и турокъ, ни газаватъ, ни трудности походовъ по безводнымъ песчанымъ пустынямъ не въ силахъ были остановить дальнѣйшаго распростра-


Кубань
Могай
Черкесы
Кабарда
Абхазія
Владикавказъ
Мингрелія
Чечня
Гунибъ
Дербентъ
Дагестанъ
Тифлисъ
Грузія
Ахалцыхъ
Ардаганъ
Елизаветполь
Карсъ
Эрзерумъ
Ширванъ
Баку
Карабахъ
Ленкоранъ
Алербейджанъ
Тавризъ
Гилянь
Решть
Мазендеранъ
Астрабадъ
Караганъ
ТЕГЕРАНЪ
Гамаданъ
Ирак-Аджеми
Луристанъ
Испаганъ
Хушистанъ
Кохистанъ
ПЕРСІЯ
Хорасанъ
Мешхедъ
Нерчинскъ
Пам. Кузачи
Ф. Александровскій
Петровскъ
Дербентъ
Красноводскъ
Михайловскій
Кизылъ Арватъ
Геокъ Тепе
Асхабадъ
Дерекъ
Лутфабадъ
Пески Кара-Кумъ
Пески Муинъ Кумъ
Пески Кызылъ-Кумъ
Пески Кара-Кумъ Туркмены
Аральское море
Усть-Уртъ
Самъ
Кунградъ
Нимбай
Кичкакъ
ХИВА
Петро-Александровское
Перовскъ (Акъ Мечеть)
Джулекъ
Сыръ-Дарья
Туркестанъ
Ауліе Ата
Чимкентъ
Ташкентъ
Ирджаръ
Кокандъ
Н. Маргеланъ
Джизакъ
Самаркандъ
БУХАРА
Карши
Китабъ
Кара Туркмены
Мервъ
Сарыки
Серахсъ
Мазаръ-и-Шерифъ
Мейманэ
Герать
Сарудъ
КАБУЛЪ
Пер. Хайбакъ
АФГАНИСТАНЪ
Кандагаръ
Бекъ Пакъ-Дала
Голодная степь
Бай-хашъ
Копалъ
Илійское
Впрный
Пржевальскъ
Кашгаръ
Яркендъ
Мургабъ
Памиръ
Кашгаръ Дарья
Гильгитъ
Кашмиръ
Пешаверъ
Индъ
Пенджабъ
Лагоръ
КИТАЙ
1819
1853
1846
1854
1864
1865
1866
1868
1873
1876
1881
1884
1885
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926

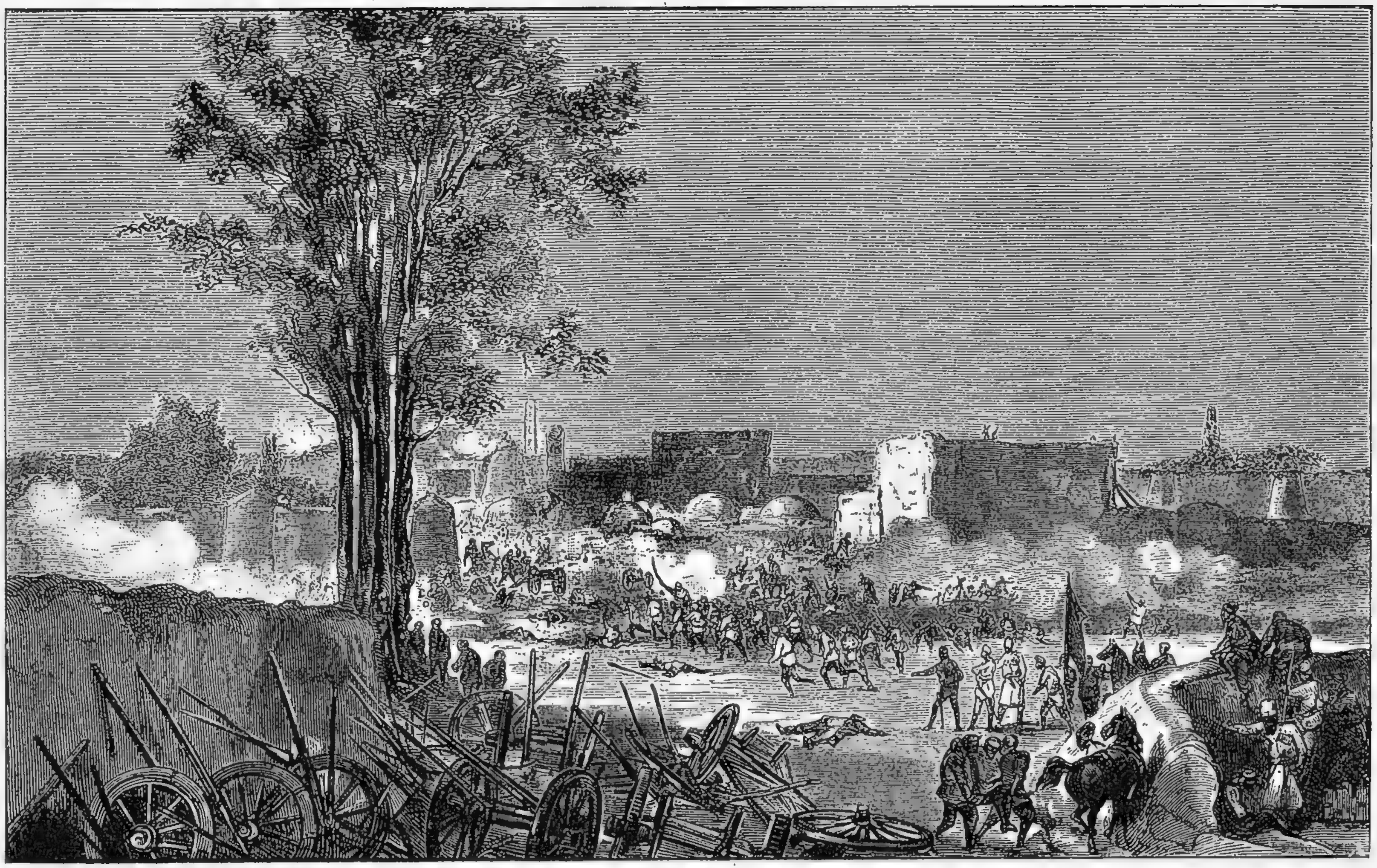


Русскій походъ въ степи Средней Азіи.

М. Г. Черняевъ.

ненія русскаго владычества въ Средней Азіи. Бухарскій эмиръ двинулъ свои войска противъ русскихъ, но они были разбиты въ 1866 году смѣнившимъ М. Г. Черняева генераломъ Романовскимъ, который затѣмъ взялъ городъ Ходжентъ, а съ прибытіемъ къ войскамъ генерала Крыжановскаго взяты были сильныя крѣпости Ура-Тюбе и Джизакъ.

Для защиты этихъ значительныхъ владѣній императоръ Александръ II учредилъ въ 1867 году туркестанское генералъ-губернаторство и мѣстный военный округъ, поставивъ во главѣ ихъ генералъ-адъютанта Кауфмана, имѣвшаго мѣстопребываніе въ Ташкентѣ. Въ 1868 году онъ разбилъ подъ Самаркандомъ большую бухарскую армію и овладѣлъ безъ боя этою древнею столицею Тамерлана. Послѣ недолгой борьбы за это новое наше пріобрѣтеніе, эмиръ бухарскій просилъ мира, призналъ наши завоеванія, открылъ свободную торговлю для русскихъ купцовъ въ своемъ ханствѣ, съ отвѣтственностью за ихъ безопасность, уничтожилъ невольничество и обязался уплатить намъ военныя издержки. Въ 1870 году кавказскія войска заняли Мангашлыкскій полуостровъ



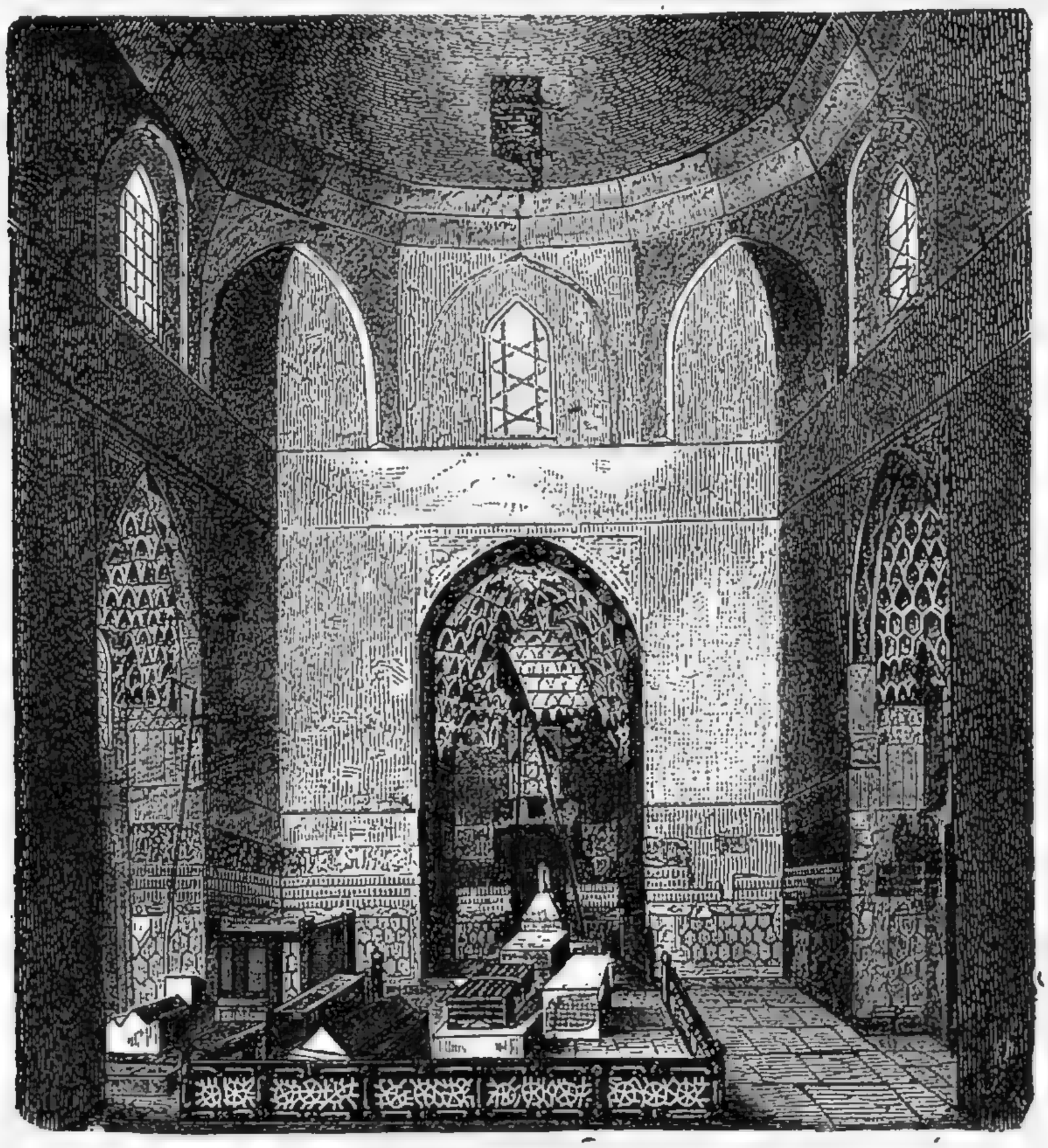
Наши войска предъ Хивой.

Генералъ-адъютантъ Кауфманъ.

и основали городъ Красноводскъ. Въ 1871 году подъ начальствомъ генерала Колпаковскаго предпринята была экспедиція на Кульджу, для усмиренія ея хана, волновавшаго нашихъ киргизовъ; слѣдствіемъ этого было десятилѣтнее владѣніе наше Кульджей, отданной, однако, по договору китайцамъ, вопреки желанію ея жителей.

За Хиву.

Наши успѣхи возбудили въ Англіи опасенія за судьбы Индіи. Невзирая на то, что государь открыто удостовѣрялъ, что наши движенія въ Средней Азіи вызваны нашими полудикими сосѣдями, Англія настаивала, чтобы между ея и нашими владѣніями была опредѣлена нейтральная полоса, недоступная ни ихъ, ни нашимъ войскамъ и политическому вліянію тѣхъ и другихъ. Послѣ трех-



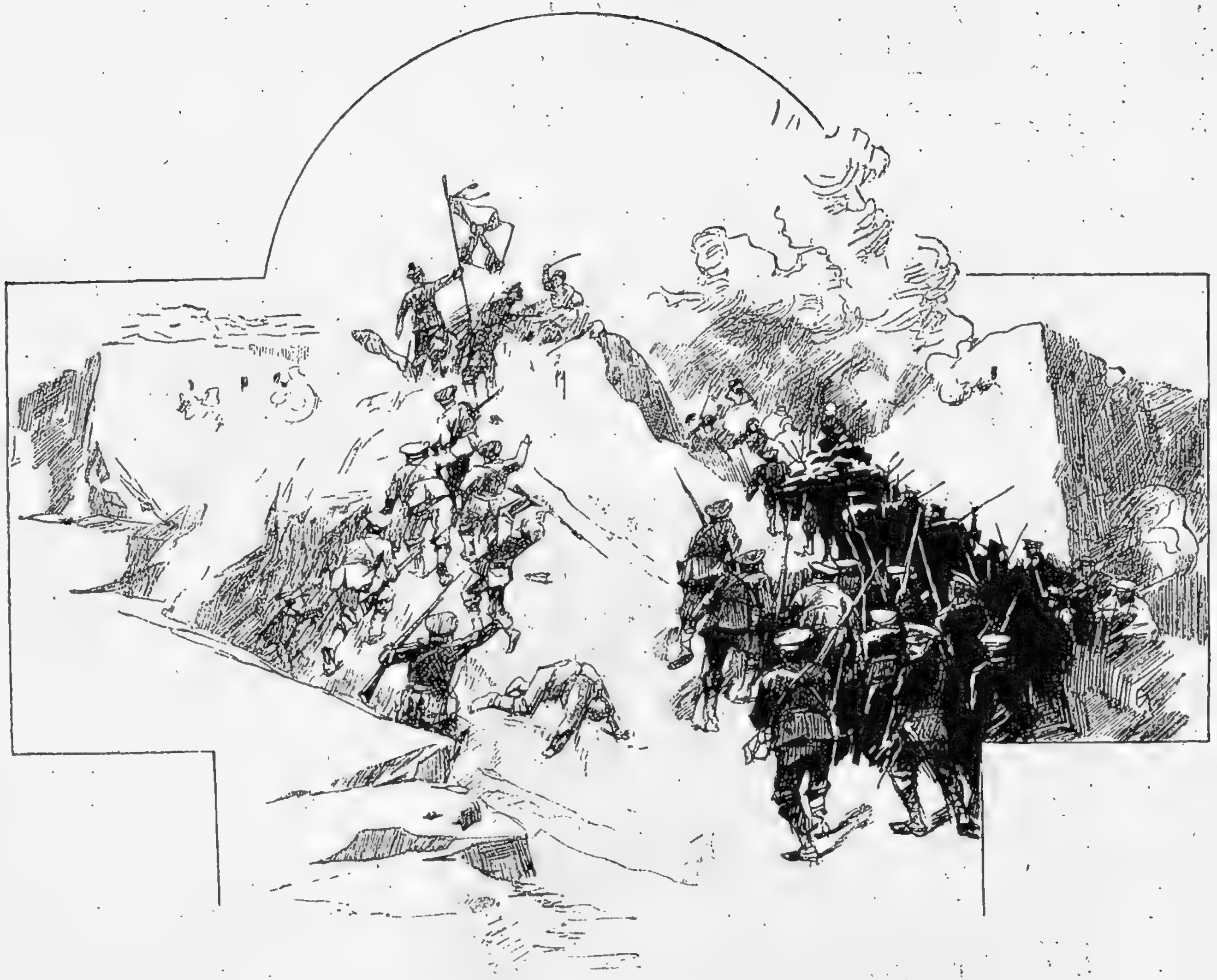
Могила Тамерлана въ Самаркандѣ.

лѣтнихъ переговоровъ въ 1873 году нейтральнымъ государствомъ былъ объявленъ Афганистанъ.

Въ томъ же году усмирена была нами и Хива, захватывавшая въ рабство нашихъ купцовъ и поддерживавшая нашихъ среднеазіатскихъ враговъ. Тремя отрядами: отъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря (Кавказскій), изъ Оренбурга (Уральскій) и изъ Ташкента (Туркестанскій), съ страшными трудностями, въ особенности отъ зноя и жажды, двинулись наши войска на это разбойническое гнѣздо. Принявши общее начальство надъ ними, генералъ-адъютантъ Кауфманъ разгромилъ вышедшихъ противъ насъ туркменъ и

взялъ Хиву. Ея ханъ долженъ былъ уступить Россіи правый берегъ Аму-Дарьи, допустить русское пароходство на этой рѣкѣ, заплатить военныя издержки, освободить захваченныхъ русскихъ купцовъ и на вѣчныя времена уничтожить рабство. Смуты въ остальныхъ владѣніяхъ Коканскаго ханства заставили насъ присоединить и ихъ въ 1876 году.

Послѣднимъ завоеваніемъ Александра II было покореніе Ахалъ-Текинскаго оазиса, откуда туркмены — теке дѣлали частые набѣги. Походъ на этотъ оазисъ въ 1879 году, по причинѣ малочисленности отправленнаго отряда, не имѣлъ успѣха. Въ слѣдующемъ году отправленъ былъ подъ начальствомъ М. Д. Скобелева уже болѣе значительный отрядъ. 12 января 1881 года главное укрѣпленіе текинцевъ Геокъ-Тепе взято было нашими войсками штурмомъ.



Штурмъ Геокъ-Тепе.

Русскія завоеванія несли въ Среднюю Азію уничтоженіе рабства, прекращеніе фанатическаго деспотизма и кровавыхъ междоусобій, спокойствіе, развитіе торговли и промышленности, и самими мѣстными народцами власть Бѣлаго Царя считалась сущимъ благодѣяніемъ для новыхъ подданныхъ, представлявшимъ полный контрастъ съ эксплуатаціоннымъ владычествомъ англичанъ на азіатскомъ востокѣ.

Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

Расширились въ это царствованіе и наши владѣнія на Дальнемъ Востокѣ, по берегамъ Великаго океана.

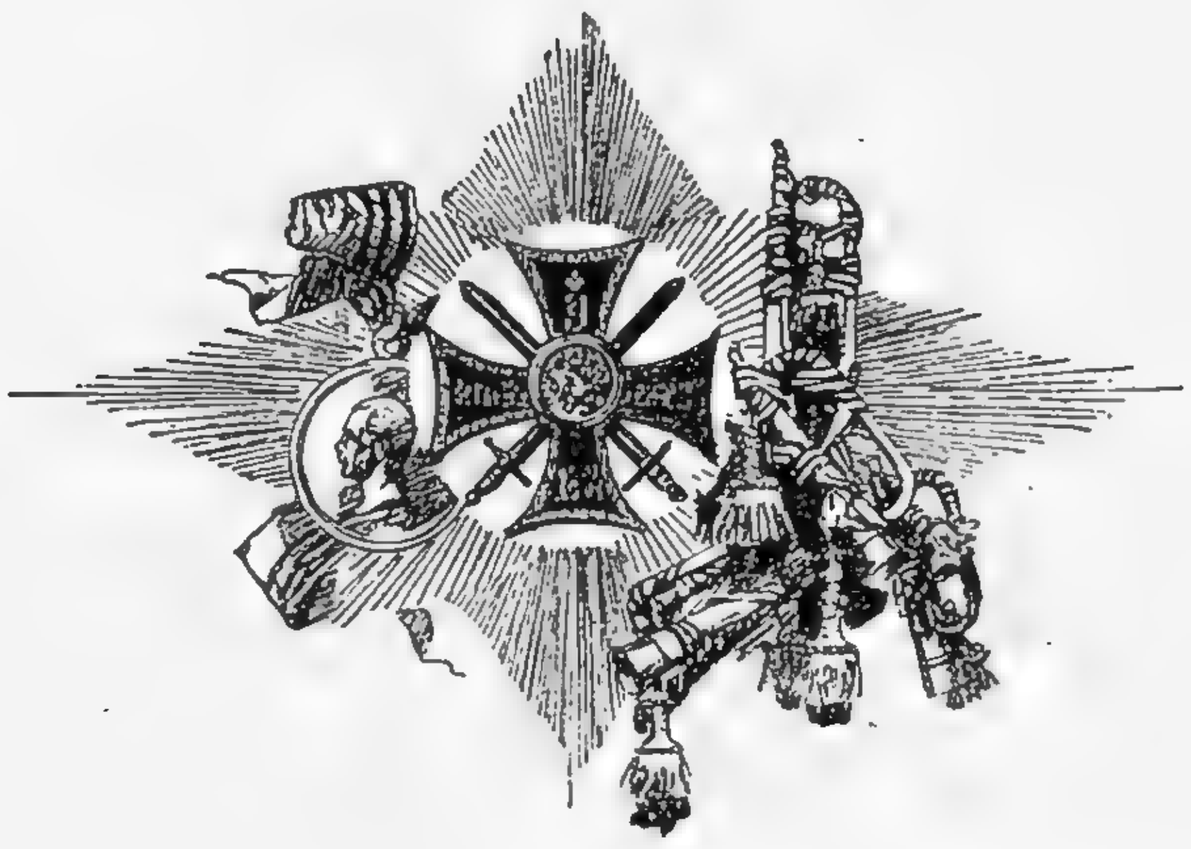
Допетровская Русь, благодаря такимъ русскимъ колонизаторамъ, какъ Ерофей Хабаровъ, пріобрѣла для насъ Пріамурскій край, но царевна Софья Алексѣевна, въ періодъ своего правленія, по Нерчинскому договору, въ 1689 году, уступила этотъ плодородный приокеанскій край Китаю; и только въ царствованіе Александра II эта цѣнная уступка возвращена была намъ назадъ, и мы въ этомъ важномъ пунктѣ на Дальнемъ Востокѣ опять подошли къ Великому океану.

Занимавшій съ 1847 года постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ понималъ важность пріобрѣтенія для нашего сообщенія съ этимъ океаномъ такой рѣки, какъ огромный Амуръ, и оказалъ энергическую поддержку адмиралу Невельскому, занявшему устье этой рѣки. Съ 1851 по 1853 годъ производились здѣсь изслѣдованія, а также на островѣ Сахалинѣ, въ большей своей части тогда принадлежавшемъ Японіи. Эти изслѣдованія еще болѣе уяснили важность утвердиться здѣсь. Война 1854 года подтвердила всю основательность соображеній Н. Н. Муравьева, и Николай Павловичъ разрѣшилъ перевозить наши войска по Амуру и вступилъ въ переговоры съ Китаемъ относительно разграниченія нашей дальне-восточной окраины. Послѣ долгихъ переговоровъ, Муравьевъ заключилъ 16 мая 1858 года Айгунскій трактатъ съ Ки-

таемъ, сдѣлавшій теченіе Амура до самаго устья нашей границей. Муравьевъ получилъ графское достоинство и наименованіе Амурскаго. Но обладаніе однимъ лѣвымъ берегомъ этой рѣки не обезпечивало, однако, твердости нашего положенія въ этихъ водахъ. Нашъ посланникъ въ Пекинѣ, Н. П. Игнатьевъ, въ 1860 году переговорами съ китайскимъ правительствомъ, по пекинскому договору, добился не только окончательной ратификаціи прежняго трактата, но и уступки устья рѣки Уссури и территоріи между этой рѣкой, Кореей и моремъ съ портами на немъ. Дружественная въ то время Японія уступила намъ южную часть острова Сахалина, который составляетъ стратегическій ключъ къ Приамурскому краю, въ обмѣнъ на Курильскіе острова, потерявшіе для насъ значеніе послѣ того, какъ за небольшую плату нами были уступлены Соединеннымъ Штатамъ наши владѣнія въ Сѣверной Америкѣ.

Во вновь пріобрѣтенный край начались переселенія русскаго казачества и крестьянства, и здѣсь скоро возникли новые города, начавшіе быстро развиваться: такъ, на среднемъ Амурѣ былъ основанъ Благовѣщенскъ, на его устьѣ — Николаевскъ, а между ними, невдалекѣ отъ впаденія Уссури, Хабаровскъ. Такъ Россія начала свою колонизацію у Великаго океана.

Но въ это время мы подверглись не малой опасности на западѣ нашихъ владѣній, именно въ Польшѣ, вслѣдствіе возникшаго въ ней мятежа.



IV.

Вопросы о западныхъ окраинахъ, польской и финляндской. — Благожелательныя отношенія императора Александра II къ полякамъ.—Начало ихъ волненій и реформы на польской окраинѣ. — Польскій мятежъ и вмѣшательство въ это внутреннее дѣло западныхъ державъ.—Патріотическіе протесты противъ этого.— Усмиреніе мятежа въ Литвѣ и Польшѣ. — Финляндія, возстановленіе въ ней сейма и другія реформы, давшія толчекъ сепаратизму на этой окраинѣ.

Поляки въ царствованіе императора Николая I жили спокойно, и западныя державы, даже въ пору Севастопольской войны, не находили благопріятныхъ условій поднимать ихъ противъ насъ. Но измѣненіе русскихъ отношеній къ Польшѣ въ благопріятную для нея сторону и ожиданіе реформъ сразу же, по воцареніи Александра II, возбудили среди поляковъ надежду на возстановленіе у нихъ конституціи 1815 года, а покровительство Наполеона III итальянцамъ въ борьбѣ ихъ противъ Австріи породило и въ польской средѣ мечтанія о томъ, не освободитъ ли новый французскій императоръ отъ власти Россіи Польшу, или не поставитъ ли ребромъ польскій вопросъ такъ, какъ это было при его дядѣ, Наполеонѣ I. Опять воскресли мечтанія о возстановленіи старой Рѣчи Посполитой и даже объ отбудованіи западно-русскихъ областей, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ.

Напротивъ того, въ это время у насъ въ самомъ государѣ и въ правящихъ кругахъ господствовала мысль, что ослабленіе въ Польшѣ строгаго правленія и реформы въ смыслѣ расширенія правъ не только примирятъ поляковъ съ Россіей, но и сблизятъ ихъ съ русскимъ народомъ. Со смертію суроваго Паскевича намѣстникомъ

Польши назначенъ былъ добродушный князь Горчаковъ (бывшій главнокомандующій подъ Севастополемъ). Государь далъ амнистію (прощеніе) полякамъ, замѣшаннымъ въ прежнихъ политическихъ преступленіяхъ; позволилъ возвратиться изъ-за границы эмигрантамъ (бѣжавшимъ туда); возвратилъ изъ Сибири множество сосланныхъ; повелѣлъ сложить много недоимокъ и денежныхъ взысканій въ краѣ; отмѣнилъ административныя строгости и началъ устанавливать либеральный режимъ. Въ 1856 году государь посѣтилъ Варшаву и, принимая польскую депутацію, сказалъ ей много примирительнаго. Первыми его словами были слѣдующія: „Господа. я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный наилучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего я долженъ сказать, что взаимное наше положеніе необходимо выяснить. Я заключаю васъ въ своемъ сердцѣ такъ же, какъ финляндцевъ и прочихъ моихъ русскихъ подданныхъ, но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. Итакъ, прежде всего оставьте, господа, мечтанія. Тѣхъ, кто захотѣлъ бы остаться при нихъ, я сумѣю сдержать, сумѣю воспрепятствовать ихъ мечтамъ выступать изъ предѣловъ воображенія. Счастье Польши зависитъ отъ полнаго сліянія ея съ народами моей имперіи. То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержу его дѣло. Финляндія и Польша одинаково мнѣ дороги, какъ и всѣ прочія части моей имперіи. Но вамъ нужно знать, для блага самихъ поляковъ, что Польша должна пребывать навсегда въ соединеніи съ великою семьею русскихъ императоровъ“...

Но поляки не хотѣли быть въ семьѣ русскихъ подданныхъ, да и самъ Александръ II не желалъ въ полной силѣ поддерживать „порядокъ, установленный его отцомъ“, мягкосердечно относился къ польскимъ мечтаніямъ и допускалъ мѣры, скорѣе затруднявшія, чѣмъ облегчавшія сліяніе Польши съ Россіей. Если часть поляковъ съ престарѣлымъ Адамомъ Чарторыйскимъ, составивъ партію бѣлыхъ, готова была довольствоваться конституціоннымъ польскимъ королевствомъ, находящимся въ уніи (соединеніи) съ Россіей, подъ властью русскихъ государей, то другая часть ихъ, подъ главенствомъ графа Андрея Замойскаго (радикалы), мечтала о полномъ „отбудованіи ойчизны“ отъ насъ, вмѣстѣ съ Малороссіей и Бѣлою Русью, желая отбросить насъ въ предѣлы прежней Московіи. Но правительство, въ своихъ мѣстныхъ и центральныхъ органахъ, не вникало ближе въ эти мечтанія и планы, и въ 1857 году было разрѣшено общепольское „Земледѣльческое общество“ подъ предсѣдатель-

ствомъ именно названнаго Андрея Замойскаго. Земледѣльческія задачи были только легкимъ покровомъ политическихъ цѣлей этой революціонной организаціи. Она постаралась захватить въ свои руки народное образованіе и печать. Въ газетахъ, учебникахъ, народныхъ книжкахъ и разныхъ брошюрахъ это „земледѣльческое“ общество, охватившее не только польскія, но и литовскія и русскія губерніи, рисовало былое величіе польскаго королевства, героевъ-пановъ, пекшихся будто о крестьянахъ, благочестивыхъ ксендзовъ, защищавшихъ католическую вѣру отъ выдуманныхъ гоненій русскаго правительства. Подъ вліяніемъ этой агитаціи поляки съ нетерпѣніемъ ожидали еще до начала шестидесятыхъ годовъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ которымъ начнутся-де по всей Россіи бунты, для подавленія которыхъ всѣ русскія войска будутъ уведены-де изъ польскаго края.

Невзирая на такую революціонную пропаганду, для Польши подготовлялись реформы въ видахъ возбужденія симпатій ея къ Россіи; но это принималось поляками какъ выраженіе нашей робости и поощряло революціонеровъ на болѣе энергическія дѣйствія. Для Польши подготовлялось учрежденіе государственнаго совѣта изъ польскихъ магнатовъ и католическаго духовенства, выборное самоуправленіе, губернское, уѣздное и городское, даже полицейскія должности замѣщались поляками.

Но этимъ поляки, конечно, не думали ограничиться: они, уже подготовивъ возстаніе въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Руси, собирались внести революцію въ самую Россію, въ ея великорусскія части. Близкій къ графу Замойскому вождь революціи Мѣрославскій въ своемъ планѣ борьбы съ Россіей писалъ:

„Неизлѣчимымъ демагогамъ (польскимъ) нужно открыть клѣтку для полета за Днѣпръ (т.-е. въ Россію). Пусть тамъ распространяютъ казацкую гайдамачину (крестьянскіе бунты) противъ поповъ, чиновниковъ и бояръ, увѣряя мужиковъ, что они стараются удержать ихъ въ крѣпости (т.-е. въ крѣпостномъ состояніи). Должно имѣть въ готовности полный запасъ смутъ и излить его на пожаръ (поляки ждали крестьянскихъ и другихъ безпорядковъ), зажженный уже во внутренности Москвы. Вся агитація малороссіанизма пусть переносится за Днѣпръ; тамъ обширное поле для пугачевщины... Вотъ въ чемъ состоитъ вся наша панславистическая и коммунистическая школа. Вотъ весь польскій герценизмъ. Пусть онъ издали помогаетъ *польскому освобожденію*, терзая сокровенныя внутренности *русскаго царизма*. Это достойное ремесло *для полуполяковъ и полурус-*

Императоръ Александръ II во второй половинѣ царствованія.

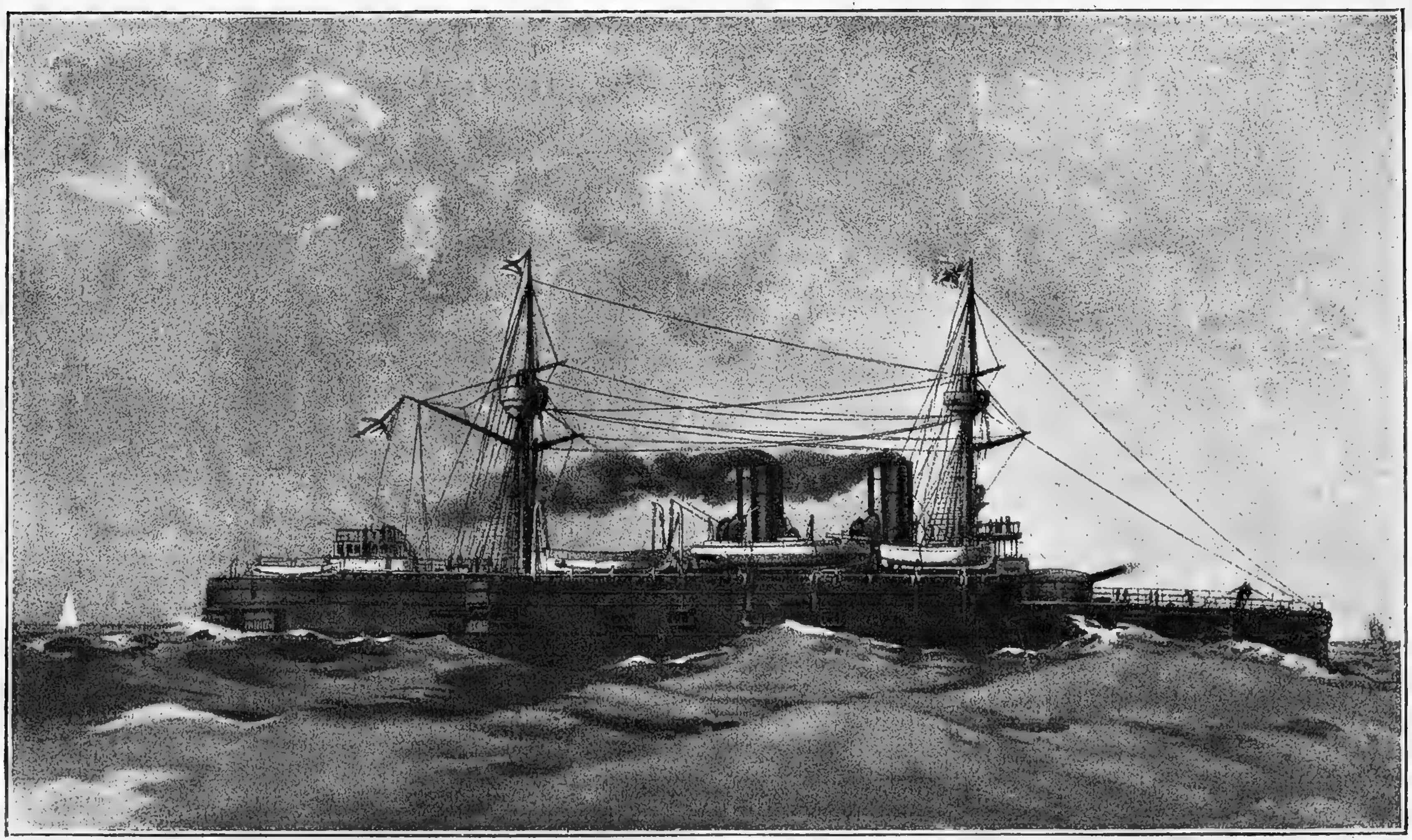
скихъ (такъ называлъ тогдашнюю нашу интеллигенцію Мѣрославскій), наполняющихъ нынѣ всѣ ступени гражданской и военной іерархіи въ Россіи. Пусть они вдоль и поперекъ *заплюютъ анархіей русскій царизмъ*, отъ котораго, наконецъ, освободится сосѣдняя намъ московская народность. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ для нашей и вашей (польской и русской свободы): перенесеніе же его въ предѣлы Польши будетъ считаться измѣною отчизнѣ и будетъ у насъ наказываться смертью, какъ государственная измѣна“ [1]).

Между тѣмъ подземная, конспиративная работа уже начала давать себя знать и на поверхности польской, въ видѣ разнаго рода „показныхъ явленій польскаго недовольства Россіей“. Въ Варшавѣ устраивали на площадяхъ народныя сборища, торжественное пѣніе въ костелахъ революціонныхъ гимновъ и разныя уличныя процессіи, въ которыхъ принимали участіе толпы женщинъ и молодежи съ ксендзами во главѣ. Власти и полиція своимъ бездѣйствіемъ окураживали эти демонстраціи, которыя все больше и больше стали получать крайне вызывающій характеръ. Пришлось вызывать на улицы русскія войска, которыя подвергались не только оскорбленіямъ, но и нападеніямъ. Но когда въ виду этихъ послѣднихъ появились и жертвы такихъ столкновеній, то сформированный уже главный революціонный комитетъ („народовый жондъ“), издалъ приказъ, чтобы всѣ женщины являлись на улицахъ въ траурѣ „по невинно убитымъ“. Тѣхъ женщинъ, которыя не исполняли этого революціоннаго повелѣнія, обливали сѣрной кислотою.

Несмотря на это, правительство все дальше шло по пути либеральныхъ уступокъ полякамъ: не только открытъ былъ вышеупомянутый польскій государственный совѣтъ и введено польское выборное самоуправленіе, но и поставленъ былъ во главѣ всего гражданскаго управленія Польши природный полякъ—маркизъ Велепольскій, какъ сторонникъ польской автономіи въ умѣренныхъ-де размѣрахъ. Его колеблющіяся и направо и налѣво мѣры и даже запоздалыя дѣйствія противъ крайнихъ революціонеровъ, какъ, напр., закрытіе „Земледѣльческаго общества“, которое уже исполнило свое предреволюціонное назначеніе, не оказали ровно никакого вліянія; пребываніе русскихъ среди поляковъ стало невыносимымъ. Пришлось ввести въ Польшѣ военное положеніе; но его строгости оставались на бу-

---

[1]) Іезуитски натравливая, по своему «польскому катихизису», въ Россіи нигилистовъ и революціонеровъ, поляки собирались вѣшать ихъ въ Польшѣ, если они попытаются и здѣсь подрывать національно-политическія и церковныя начала.



Броненосецъ „Александръ II“.
(Построенъ при императорѣ Александрѣ III).

магѣ и не примѣнялись на дѣлѣ. И въ ту пору, когда начались, какъ предвѣстники мятежа, террористическіе акты (сдѣланы были покушенія на жизнь замѣнявшаго намѣстника генерала Лидерса, на самого Велепольскаго и другихъ), дано было новое прощеніе замѣшаннымъ въ политическія преступленія полякамъ и назначенъ былъ намѣстникомъ Царства польскаго великій князь Константинъ Николаевичъ, прибывшій въ Варшаву съ самыми доброжелательными по отношенію къ полякамъ намѣреніями. Но на другой же день по пріѣздѣ его туда сдѣлано было покушеніе на его жизнь. Въ изданномъ послѣ этого воззваніи Константинъ Николаевичъ говорилъ: „Поляки, ввѣрьтесь мнѣ, какъ я ввѣрился вамъ. Да одушевляетъ насъ единое чувство. Будемъ трудиться сообща и въ мирѣ для счастія Польши“... Но поляки отвѣчали на это адресомъ въ духѣ крайняго сепаратизма. Однако политика кротости и милостей продолжалась, а у поляковъ уже все было готово къ возстанію: народовый жондъ открыто собиралъ подати со всѣхъ поляковъ и посредствомъ своихъ жандармовъ-вѣшателей терроризовалъ непокорныхъ и умѣренныхъ; всюду раздавалось оружіе, и ожидался лишь сигналъ къ началу возстанія. Но руководители его, понимая, что оно само по себѣ успѣха имѣть не будетъ, принимали множество мѣръ къ тому, чтобы заручиться такою или иною поддержкою Польшѣ въ западныхъ державахъ, сбить съ толку общественное мнѣніе русскаго образованнаго общества и навести параличъ на наше правительство.

Какъ по волшебному мановенію въ Западной Европѣ, особенно въ Англіи, Франціи и Австріи, печать заговорила объ угнетеніяхъ слабой Польши сильной Россіей, о томъ, что гуманность и цивилизація требуютъ-де освобожденія поляковъ отъ варварской и жестокой власти московитовъ. Пускались въ ходъ всевозможные способы воздѣйствія на слабодушіе Россіи, ее стыдили въ заграничныхъ газетахъ, обращались къ ея великодушію, благоразумію, къ политической мудрости, прибавляя къ совѣтамъ угрозы. Въ парламентахъ политиканы клеветали на Россію и громили ее за угнетеніе „великой націи“ и даже въ своихъ рѣчахъ побрякивали оружіемъ. Въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ разныхъ завидовавшихъ Россіи державъ охотно, по-дружески, принимали польскихъ эмигрантовъ и снабжали ихъ совѣтами и даже и болѣе существеннымъ... Готовился западно-европейскій походъ противъ Россіи, сперва, конечно, дипломатическій, цѣлью котораго было смутить и отуманить насъ, чтобы мы своими руками сдѣлали то, что можетъ унизить и ослабить насъ и возсоздать Польшу...

Между тѣмъ неизвѣстно кѣмъ устроенныя революціонныя организаціи усилили и въ Россіи свою подпольную работу: среди крестьянъ разбрасывали прокламаціи соціалистическаго содержанія о новомъ передѣлѣ земель и народной волѣ; между молодежью распространялись самыя радикальныя изданія и подняты были въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ волненія (прежде другихъ въ Московскомъ университетѣ), въ которыхъ примѣтно было участіе поляковъ; пошли, начиная съ Петербурга, пожары, особенно сильные въ приволжскихъ городахъ, съ явными признаками поджоговъ.

В. Кн. Константинъ Николаевичъ.

Все это вмѣстѣ взятое смущающимъ и угнетающимъ образомъ дѣйствовало на умы въ Россіи. Оторванная отъ народныхъ историческихъ основъ часть образованнаго общества требовала дальнѣйшихъ, разслабляющихъ государственную власть реформъ, выражала сочувствіе полякамъ и пропагандировала отдѣленіе Польши отъ Россіи. Даже люди національнаго образа мыслей, какъ редакторъ „Дня“, славянофилъ И. С. Аксаковъ, говорили о великодушіи къ полякамъ и совѣтовали созвать польскій сеймъ и спросить у представителей польскаго народа, желаютъ ли они остаться за Россіей или отдѣлиться отъ нея. Въ правительственныхъ кругахъ, куда проникли такія орудія польской справы, какъ Іосафатъ Огрызко, господствовали колебанія и склонность къ дальнѣйшимъ уступкамъ полякамъ, которые въ этомъ находили для себя ободреніе.

При такой смутѣ въ умахъ въ Россіи, въ январѣ 1863 года, поляки взялись за оружіе и подняли знамя возстанія. Поводомъ къ нему взятъ былъ объявленный рекрутскій наборъ съ однихъ горожанъ

(крестьяне не проявляли склонности принять участіе въ возстаніи). По приказанію революціоннаго жонда поляки не явились на призывъ и бѣжали въ лѣса, гдѣ быстро формировались и вооружались шайки (банды), которыя распространились не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ и въ западно-русскихъ областяхъ. Въ ночь съ 10 на 11 января рѣшено было устроить Варѳоломеевскую ночь для нашихъ войскъ. На спящихъ русскихъ солдатъ въ разныхъ мѣстахъ одновременно сдѣланы были заранѣе и втайнѣ подготовленныя нападенія. Но эта рѣзня удалась далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, которые были замышлены. Только 500 изъ нашихъ, захваченныхъ врасплохъ, солдатъ были или переранены или убиты. Диктаторомъ польскихъ войскъ былъ провозглашенъ Лангевичъ. Наши войска начали преслѣдовать шайки повстанцевъ, но тѣ уходили отъ нихъ, внезапно появлялись то въ тѣхъ, то въ другихъ мѣстахъ, нерѣдко звѣрски истребляя безоружныхъ русскихъ; многихъ священниковъ и русскихъ помѣщиковъ повстанцы повѣсили и много русскаго добра пограбили и пожгли. Тайный революціонный комитетъ намѣчалъ убійства, именовавшіяся „казнями“, и разсылалъ повсюду убійцъ. Ихъ поддерживали ксендзы и шляхта.

Все еще неоставленныя надежды возвратить поляковъ на мирный путь мягкими мѣрами удерживали правительство отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Императоръ Александръ II еще разъ испробовалъ свое долготерпѣніе по отношенію къ полякамъ. Въ день Пасхи изданъ былъ манифестъ, въ которомъ государь предлагалъ повстанцамъ сложить оружіе. „Въ нашихъ заботахъ о будущности края,—говорилось въ этомъ актѣ, — мы готовы всѣ предшедшія смуты покрыть забвеніемъ и, вслѣдствіе того, въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, столь же безцѣльному для однихъ, сколько тягостному для другихъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ нашихъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за какія-либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1 будущаго мая“.

Но эта милость была сочтена въ станѣ враговъ за выраженіе слабости. Революціонная польская справа отвѣтила на это двумя воззваніями, отвергавшими милость и требовавшими полнаго отдѣленія Польши отъ Россіи, а Англія и Франція, гордыя своимъ торжествомъ подъ Севастополемъ и поддерживаемыя Австріей и другими державами, за исключеніемъ одной Пруссіи, открыто принявшей нашу сторону,

М. Н. Катковъ.

дерзко потребовали отъ насъ также автономіи Польши. За этимъ требованіемъ скрывалась угроза Россіи новою европейскою войною.

Но оскорбленный въ своихъ національно-историческихъ глубинахъ духъ народный воспрянулъ и поднялся въ защиту единства и нераздѣльной цѣлости Россіи. Подъ его воздѣйствіемъ исчезли, какъ дымъ, внутреннія колебанія, возстановилась сила и энергія государственной власти; а предъ нею отступило дерзкое вмѣшательство западныхъ державъ въ наши внутреннія дѣла, разсѣялась мнимая опасность европейской войны, и вздутый нашимъ малодушіемъ кровавый пуфъ польскаго мятежа лопнулъ, а значеніе Россіи поднялось во всей ея силѣ.

Мощнымъ вождемъ и выразителемъ этого русскаго національнаго движенія явился, впереди всѣхъ, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, редакторъ-издатель „Московскихъ Вѣдомостей“. Его пламенныя передовыя статьи выяснили всю неправду и всю призрачность

польскаго вопроса, черпавшаго свою силу изъ нашего напраснаго, мнительнаго малодушія.

Въ эти критическіе моменты упадка духа, унынія, либеральнаго злорадства, подлинно, съ геройскою смѣлостью, съ силою грома, заговорилъ М. Н. Катковъ. Остановимся подробнѣе на его статьяхъ, имѣющихъ большое историческое значеніе.

„Хотимъ ли мы,—писалъ онъ въ 1863-году,—удовлетворить нынѣшнимъ притязаніямъ польскаго патріотизма и пожертвовать ему существованіемъ Россіи? Въ такомъ случаѣ надобно намъ выводить изъ Царства Польскаго войска, отступать все далѣе и далѣе къ Уральскому хребту и готовиться къ мирной кончинѣ. Если же мы этого не хотимъ, то нужны рѣшительныя мѣры. Всякое же наружное угожденіе національному чувству въ Царствѣ Польскомъ станетъ гибелью для Польши и Россіи. Война—такъ война, военное положеніе—такъ военное положеніе“...

„Предотвратить войну можемъ мы только сознаніемъ нашихъ силъ, только полною вѣрою въ историческія судьбы нашего народа; предотвратить войну можемъ мы только энергическою рѣшимостью не уклоняться ни отъ какого вызова“... „Только въ томъ случаѣ, если мы будемъ слѣдовать собственной политикѣ, о насъ скажутъ, что мы—государство, имѣющее будущность, а не случайно, одной силою нахватанныя разнородныя части, которыя можно отнимать, одна за другою, какъ полагаютъ поляки“...

„Энергическія мѣры, энергическія мѣры! — восклицалъ М. Н. Катковъ. — Но энергическія мѣры не значатъ проливать кровь. Энергическія мѣры значатъ ограждать людей отъ насилія, успокоить страну, находящуюся подъ властію непонятнаго кошмара. Энергическія мѣры значатъ не подталкивать одной рукой въ лѣса („до лясу“), чтобы бить ихъ другой“...

„...Въ дѣлахъ общаго блага первое правило—не допускать никакихъ побужденій, хотя бы самыхъ возвышенныхъ и прекрасныхъ, не посовѣтовавшись прежде всего и крѣпче всего съ чувствомъ долга: щедроты—дѣло прекрасное, но онѣ хороши не прежде, какъ по уплатѣ долговъ. Потому-то съ развитіемъ опытности люди политическіе стараются руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно интересами своей страны и своего народа и отнюдь не допускаютъ никакихъ соображеній въ видахъ какой-либо отвлеченной справедливости или какихъ-нибудь великодушныхъ идей“...

„Когда частный человѣкъ уступаетъ что-нибудь, онъ жертвуетъ своимъ интересомъ въ пользу своего ближняго. Въ пользу ка-

кихъ же ближнихъ могло бы государство поступаться своими интересами? Не ясно ли, что, отрекаясь изъ уступчивости отъ своихъ интересовъ, добровольно воздерживаясь отъ принятія той или другой мѣры, могущей оградить эти интересы, государство можетъ служить лишь интересамъ противоположнымъ, т.-е. враждебнымъ ему, тѣмъ интересамъ, съ которыми оно обязано бороться? Но можетъ ли быть крѣпко и существовать спокойно такое государство, которое бы стало упражняться въ подобной уступчивости своимъ врагамъ“...

„Что ни принесли бы намъ грядущія событія, миръ или войну, Россіи нечего страшиться ни мирныхъ козней своихъ недруговъ, ни еще менѣе ихъ воинственныхъ угрозъ, до тѣхъ поръ, пока бодрствуетъ народный духъ ея, пока не ослабѣли ея народныя силы, пока она не утратила вѣры въ свою великую будущность“...

„Только энергіей, только рѣшимостью поддерживать, во что бы то ни стало, свои права и интересы, а отнюдь не уступчивостью, великая держава можетъ побѣждать опасности и выходить изъ затрудненія. И впредь, чѣмъ менѣе мы будемъ соображаться съ чужими мнѣніями и настояніями, чѣмъ неуклоннѣе и тверже будемъ мы имѣть въ виду наши собственныя права и интересы, чѣмъ рѣшительнѣе будемъ мы руководствоваться нашими собственными видами, тѣмъ вѣрнѣе мы обезпечимъ миръ и уваженіе къ намъ Европы. Намъ нечего заботиться о томъ, чтобы снискать благоволеніе той или другой державы; намъ нужно заботиться только о томъ, чтобы во всемъ дѣйствовать согласно съ достоинствомъ и интересами нашей страны“...

„Самымъ вѣрнымъ способомъ посрамить нашихъ враговъ было бы окончательное присоединеніе Польши къ Россіи на новыхъ основаніяхъ, которыя отрезвили бы задоръ галльскаго пѣтуха и заставили бы умолкнуть рыканія британскаго льва“...

Когда игравшія въ руку инородцамъ наши космополиты, указывали, будто русскіе, наперекоръ своимъ немногимъ-де патріотамъ, вторятъ тому, что говорилось въ пользу поляковъ на митингахъ и въ парламентахъ Западной Европы, М. Н. Катковъ указалъ, какъ тысячи русскихъ людей въ Москвѣ служили въ церквахъ панихиды по убитымъ въ Польшѣ русскимъ воинамъ и говорилъ о нихъ:

„Они собраній не имѣютъ, рѣчей не говорятъ и адресовъ никому не посылаютъ. Они—люди простые и темные. Они—люди малые, люди бѣдные и нищіе духомъ. Но они русскіе люди, и они издалека, въ своей темной глубинѣ, прежде, чѣмъ люди на горахъ,

люди просвѣщенные и умные, говорящіе, пишущіе и правящіе,— они издалека заслышали голосъ отечества и отозвались на него, въ смиреніи и простотѣ сердца, тихою молитвою. Они не дѣлали торжественныхъ заявленій, они не имѣли намѣренія производить впечатлѣнія; они и слыхомъ не слыхали о политическихъ демонстраціяхъ. У нихъ одно прибѣжище, гдѣ пробуждается и говоритъ въ нихъ духовное начало, одно прибѣжище — ихъ храмъ, и тутъ ихъ политика, тутъ ихъ философія. Тысячи ихъ собирались въ храмы молиться за упокой русскихъ солдатъ, убитыхъ въ бояхъ противъ польскихъ мятежниковъ, и молиться о ниспосланіи успѣховъ русскому оружію, собирались въ то время, когда наши враги съ торжествомъ свидѣтельствовали о недостаткѣ патріотическаго духа въ нашемъ обществѣ и указывали разложеніе и гніеніе на его поверхности“...

Но скоро воспрянувшій народный духъ охватилъ и стоящіе надъ темными массами общественные элементы: со всѣхъ сторонъ, въ особенности изъ среды дворянства, понеслись къ царскому престолу всеподданнѣйшіе адресы, свидѣтельствовавшіе, что всѣ русскіе люди готовы отдать все, чтобы отстоять честь и достоинство единой, недѣлимой, мощной и великой Россіи.

Очень характеристиченъ адресъ московскихъ старообрядцевъ, которые писали: „Великій государь! Много голосовъ подъемлется къ твоему престолу: дозволь и намъ сказать нашу правду. Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ предъ цѣлымъ міромъ и приравнять насъ къ себѣ. Они лгали на насъ. Мы хранимъ свой обрядъ, но мы твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ. Но тебѣ, царь-освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ твоего царствованія старина наша слышится. На тебѣ, государь, почіетъ духъ царей нашихъ доброжелательныхъ. Не только тѣломъ, но и душою мы—русскіе люди. Россія намъ матерь родная: мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были русскіе люди, работали за Русскую землю и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцовъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу приняли? Враги, злоумышляя противъ твоей державы, возжигаютъ мятежъ въ Польшѣ и грозятъ намъ войною. Великій государь! Десница Божія возвеличила державу твоихъ предковъ! Она дастъ царю-освободителю одолѣніе на давнихъ враговъ и притѣснителей Русской земли, которые народъ русскій отъ корня отрывали и вѣру его насиловали. Престолъ твой и Русская земля не чужое

Александръ II.

добро намъ, а наше кровное, мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ все достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава твоя, а возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о тебѣ старина наша русская“...

Горячо привѣтствовалъ М. Н. Катковъ такой всенародный подъемъ русскаго патріотизма и по этому поводу говорилъ въ одной изъ своихъ передовыхъ статей: „Всякій зналъ себя за русскаго, называлъ себя русскимъ, но всякому ли случалось въ жизни чувствовать это съ потрясающимъ могуществомъ страсти? И вотъ всѣ, отъ мала до велика, становятся живыми органами этого чувства; во всѣхъ становится кровною силою то, что такъ недавно было для всѣхъ отвлеченнымъ понятіемъ: единство Русской земли, — общаго отечества... Всѣ мелкія и искусственныя понятія, всѣ пустоцвѣты нашего такъ называемаго образованія должны уступить мѣсто тѣмъ

основнымъ, тѣмъ могущественнымъ, тѣмъ вѣчнымъ силамъ, на которыхъ зиждется всенародная жизнь. Мы воочію видимъ теперь, какъ воплощаются въ насъ эти силы, какъ блѣднѣетъ и исчезаетъ предъ нами все фальшивое, все налганное и пустословное, бродившее въ нашихъ мысляхъ. Все исчезаетъ, какъ ржавчина и плѣсень въ глубокой всколыхавшейся водѣ“...

Какъ запоздалые пережитки проявлялись робкія уступки полякамъ съ русской стороны и, напротивъ того, наглыя дерзости съ польской. Государственный совѣтъ въ Варшавѣ готовился обсуждать вопросъ о неприкосновенности личности даже при военномъ положеніи, какъ будто въ Англіи не пріостанавливается „Habeas corpus—act“ въ пору смутъ; а поляки-чиновники произвели въ варшавскомъ казначействѣ экспропріацію 3.600.000 рублей и 20 пудовъ золота и оставили въ „пустой кассѣ расписку, что вся эта сумма принята отъ русскаго правительства полностью для революціоннаго жонда“. Но это были послѣднія судороги польской крамолы.

Русская государственная власть поднялась во весь ростъ. Государь, принимая депутацію съ Русскими адресами, 17 апрѣля сказалъ: „Враги наши надѣялись найти насъ разъединенными, но они ошиблись. При одной мысли объ угрожающей намъ опасности, всѣ сословія Русской земли соединились вокругъ престола и показали царю своему то довѣріе, которое для него всего дороже. Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдетъ, но если она намъ суждена, то я увѣренъ, что съ Божіей помощью мы сумѣемъ отстоять предѣлы имперіи и нераздѣльно соединенныхъ съ нею областей“.

По приказанію государя вице-канцлеръ князь Горчаковъ далъ отпоръ державамъ на ихъ дерзкое вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Между прочимъ, онъ писалъ русскому послу въ Парижѣ: „Вы не скроете (отъ министра иностранныхъ дѣлъ Наполеона III), какъ затруднительна была бы наша задача, если бы во Франціи не захотѣли понять силу обязательствъ, налагаемыхъ на насъ народными чувствованіями, въ которыхъ должно видѣть не просто порывы и симпатіи массъ, но которыя связываются съ самыми драгоцѣнными преданіями, съ самыми жизненными интересами страны, ввѣреннымъ русскимъ народомъ патріотизму своего августѣйшаго государя“.

М. Н. Катковъ выражалъ благоговѣйную признательность къ державной рукѣ, управляющей судьбами Россіи, за то, что она не дрогнула въ минуту государственной опасности: „Чувство досады

и разочарованія въ виновникахъ непріязненной намъ политики,—говорилъ онъ,—должно радовать, а не смущать насъ, и намъ нѣтъ надобности успокаивать взволнованное ихъ чувство. Мы не умиротворимъ ихъ никакими извиненіями, никакою любезностью, никакою мягкостью въ оборотахъ нашей рѣчи; мы умиротворимъ ихъ только тѣмъ уваженіемъ, которое внушитъ имъ наше народное достоинство. Если у нихъ останется хоть тѣнь сомнѣнія въ нашей силѣ и въ нашемъ достоинствѣ, они будутъ придираться къ намъ, они будутъ наступать на насъ; если же въ нихъ такого сомнѣнія не останется, если они совершенно убѣдятся, что слова наши не просто слова, что имъ сопутствуетъ дѣло, то мы можемъ считать всякое объясненіе конченнымъ, нашихъ противниковъ пораженными, а себя—побѣдителями".

М. Н. Муравьевъ (Виленскій).

Борьба съ мятежомъ была поведена теперь съ надлежащей энергіей. Въ Вильну назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ всего Сѣверо - Западнаго края М. Н. Муравьевъ. При отправленіи его туда ему говорили, чтобы онъ сохранилъ для Россіи хотя бы Литву, что свидѣтельствовало еще о неувѣренности въ сохраненіи за нами Польши. Но Муравьевъ твердыми и рѣшительными мѣрами быстро и съ небольшимъ сравнительно числомъ жертвъ прекратилъ мятежъ во ввѣренномъ ему краѣ. Назначенный намѣстникомъ въ Варшаву, Ѳ. Ѳ. Бергъ дѣйствовалъ тамъ менѣе энергично, но правильно, и тамъ чрезъ нѣкоторое время возстаніе также было усмирено.

Для устройства быта польскихъ крестьянъ, которые не поддавались мятежному вліянію пановъ, отправлены были въ Привислинскій край дѣятели по освобожденію у насъ крестьянъ — князь В. А. Черкасскій и Н. А. Милютинъ. 19 февраля 1864 года изданъ

былъ высочайшій манифестъ о надѣленіи землею польскихъ крестьянъ, которые освобождены отъ крѣпостной зависимости еще Наполеономъ I, но безъ земли, что ихъ ставило въ тяжкую зависимость отъ помѣщиковъ. Крестьянамъ дано было общинное самоуправленіе, въ отдѣльныхъ гминахъ (соединеніе нѣсколькихъ селъ въ одно общество), посредствомъ выборныхъ войтовъ (старшинъ) и другихъ гминныхъ должностныхъ лицъ. Отдѣльныя правительственныя учрежденія Польши, какъ финансовое, почтовое и губернское управленія, были отмѣнены и преобразованы на началахъ, общихъ съ другими частями имперіи. Привислинскій край вмѣсто 5 губерній былъ раздѣленъ на 10. Приняты были въ западныхъ губерніяхъ мѣры для защиты крестьянскаго населенія отъ гнета польско-католической шляхты. Указомъ, отъ 10 декабря 1865 года, для усиленія русскаго элемента въ помѣщичьемъ классѣ, повелѣно конфискованныя и сесквестрованныя имѣнія въ западныхъ губерніяхъ продавать лицамъ русскаго происхожденія. Такъ какъ въ этихъ губерніяхъ населеніе въ городахъ въ своей большей части состоитъ изъ евреевъ и ополяченныхъ обывателей, то здѣсь не введены были земская и судебная реформы. Въ 1875 году состоялось присоединеніе къ православной Церкви уніатовъ въ юго-восточной части Привислинскаго края, составившихъ особую Холмскую епархію. Но подъ давленіемъ польскихъ ксендзовъ и помѣщиковъ многіе возсоединенные обратились здѣсь въ католичество.

Гораздо искуснѣе поляковъ повели дѣло обособленія своего края отъ Россіи финляндцы. При императорѣ Николаѣ I, котораго они боялись, и который не далъ бы имъ ни конституціоннаго устройства, ни правъ, способствующихъ ихъ областной обособленности, они сидѣли такъ смирно, что не давали повода ни русскимъ генералъ-губернаторамъ ни самому государю вникнуть въ оставленныя при Александрѣ I въ неопредѣленномъ положеніи отношенія Финляндіи къ Русской имперіи. Но въ шестидесятыхъ годахъ они постарались использовать либеральное благодушіе Александра II и Русскую неосвѣдомленность въ финляндскихъ дѣлахъ въ пользу пріобрѣтенія Финляндіи ничѣмъ не заслуженныхъ ею правъ. Такъ, Александръ II, поглощенный польскими дѣлами и еще не установившій окончательно на нихъ своего взгляда, по просьбѣ финляндцевъ, созвалъ въ 1863 году сеймъ въ Гельсингфорсѣ и въ рѣчи, составленной статсъ-секретаремъ по финляндскимъ дѣламъ

Армфельтомъ (финляндецъ) обѣщалъ дать Финляндіи сеймовый уставъ. Въ ловко и запутанно составленный финляндцами уставъ этотъ внесены были обязательства Россіи держаться неизвѣстныхъ ей шведскихъ законовъ 1772 и 1789 годовъ, при чемъ Финляндія получала своего рода конституцію и автономію, съ отдѣльнымъ самоуправленіемъ, съ дѣлопроизводствомъ и преподаваніемъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ, съ своей особой отъ имперіи таможен-

Ѳ. Ѳ. Бергъ.

ной границей, даже съ своей особой финляндской монетой. Въ 1879 году, при военномъ министрѣ Милютинѣ, въ довершеніе ея обособленности, она получила, наконецъ, свое финляндское войско... Уже съ шестидесятыхъ годовъ, шведоманскіе политиканы сочли болѣе ненужнымъ носить маску прежняго лояльнаго отношенія къ своей благодѣтельницѣ Россіи и, вопреки расположенному къ ней финскому народу, стали всячески унижать въ Финляндіи русскихъ, напр., подвергали оскорбленіямъ наши войска, плевали на наше духовенство, глумились надъ православнымъ богослуженіемъ и т. д. Впрочемъ, чтобы не доводить дѣла до послѣдней крайности, они

иногда въ своихъ судахъ приговаривали за оскорбленіе русскихъ оскорбителей ихъ къ денежному штрафу въ 72 копейки на наши деньги... Финляндцы начали даже строить памятники въ честь шведскихъ вымышленныхъ побѣдъ надъ русскими, а писатели и профессора стали разрабатывать теорію, что Финляндія есть-де самостоятельное государство, соединенное съ Россіей, по договору, только личностью государя, который, будучи великимъ княземъ финляндскимъ, въ то же время есть Русскій императоръ... Она имѣетъ-де свою особую государственность.

V.

Иностранная политика Александра II, его миролюбіе и невмѣшательство въ общеевропейскія дѣла. — Сближеніе съ Пруссіей послѣ усмиренія польскаго мятежа и нашъ дружественный по отношенію къ ней нейтралитетъ во время войнъ ея съ Даніей, Австріей и Франціей.—Введеніе у насъ общеобязательной воинской повинности послѣ разгрома Пруссіей Франціи. — Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи и славянское движеніе противъ Турціи на Балканскомъ полуостровѣ. — Сербско-турецкая война и наша война съ Турціей 1877—1878 годовъ. — Подвиги русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ и на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.— Санъ-Стефанскій договоръ и Берлинскій конгрессъ.

При своемъ погруженіи во внутреннія дѣла Россіи и при глубокомъ миролюбіи, Александръ II свелъ свое участіе въ обще-европейскихъ дѣлахъ до минимума, ограничиваясь предложеніями мирнаго посредничества въ случаяхъ угрожавшихъ военныхъ столкновеній за Западѣ. Онъ терпѣливо относился къ захваченной, послѣ Севастопольской войны, Наполеономъ III гегемоніи въ Европѣ. Сдержанно отнесся къ вопросамъ о національномъ объединеніи сперва Италіи, а потомъ Германіи подъ властью Пруссіи, къ войнамъ Сардиніи и Франціи съ Австріей изъ-за ея владѣній въ Италіи, а также къ созданію Итальянскаго королевства подъ властью короля Виктора-Эммануила, благодаря трудамъ Кавура и Гарибальди. Только вмѣшательство западно-европейскихъ державъ въ рѣшеніе польскаго вопроса въ предѣлахъ самой Россіи побудило Александра II выйти изъ своего спокойнаго, сдержаннаго положенія и дать отпоръ нашимъ западнымъ неблагожелателямъ и свой полный нейтралитетъ сдѣлать съ этой поры дружественнымъ по отношенію къ Пруссіи. Благодаря такому именно отношенію къ послѣдней Россіи и могли удаваться всѣ предпріятія князя Бисмарка, который былъ прежде прусскимъ посломъ въ Пе-

тербургѣ и своимъ сочувственнымъ Россіи образомъ дѣйствій въ польскомъ вопросѣ снискалъ расположеніе Александра II. Пользуясь этимъ, Пруссія съ Австріей набросилась на Данію, а затѣмъ она захватила Шлезвигъ-Гольштейнъ. Россія не оказала должнаго противодѣйствія этому, хотя Россійскій императорскій домъ, со времени Анны Петровны и ея сына Петра III, имѣлъ право на герцогскія части Гольштиніи. Такъ началось расширеніе Пруссіи не на счетъ Германіи, а на счетъ сосѣднихъ государствъ, а въ Килѣ она пріобрѣла важную опору для своего флота въ Балтійскомъ морѣ. Заручившись въ свою пользу нашимъ дружественнымъ нейтралитетомъ, Бисмаркъ потомъ разгромилъ Австрію при Садовой и выбросилъ ее изъ состава Германіи, которая все болѣе стала объединяться подъ властью Пруссіи, а мы ничего не извлекли для себя изъ своего благопріятнаго положенія, хотя могли бы возвратить себѣ отъ Австріи Червонную Русь (Галицію) и поднять свой авторитетъ на Балканскомъ полуостровѣ среди тамошнихъ славянскихъ племенъ. Напротивъ того, мы допустили вторженіе туда нѣмецкаго вліянія, въ видѣ утвержденія на румынскомъ престолѣ принца Карла Гогенцоллернскаго. Этотъ маневръ пролагалъ путь туда и Австріи, которую за потерю ея положенія въ Германіи Бисмаркъ готовъ былъ удовлетворить господствомъ на Балканскомъ полуостровѣ, что предрѣшало будущую оккупацію Австріей Босніи и Герцеговины и дальнѣйшія ея вторженія въ жизнь славянскихъ народовъ въ Турціи.

Въ то время, какъ Бисмаркъ замышлялъ дальнѣйшее движеніе къ объединенію Германіи „кровью и желѣзомъ“ около Пруссіи, Россія сдѣлала было движеніе къ сближенію съ Франціей, интересы которой, освобожденные отъ печальныхъ недоразумѣній, нигдѣ не сталкивались съ интересами Россіи. Самъ государь въ видахъ сближенія поѣхалъ въ 1867 году въ Парижъ на свиданіе съ Наполеономъ III. Но поляки, въ лицѣ Березовскаго, сдѣлали покушеніе на жизнь царственнаго гостя въ самой столицѣ Франціи, а французскіе присяжные дали снисхожденіе преступнику, конечно, изъ угожденія полякамъ. Скоро Франціи пришлось глубоко пожалѣть объ этомъ. Во время разгрома Франціи Пруссіею въ 1870 году, Россія не только держала дружественный нейтралитетъ по отношенію къ своей сосѣдкѣ, но и выставила свои войска на границахъ Австріи, чтобы та не могла подать помощи Франціи. Пруссія же за такую совершенно безкорыстную поддержку нашу лишь тѣмъ утѣшала Россію, что она содѣйствовала-де наказанію развращенной и чреватой революціонерствомъ Франціи и вовлекла Россію въ союзъ свой съ тою

Императоръ Александръ III.

же Австріей (тройственный союзъ). Единственно, что Россія пріобрѣла въ эту пору—это было возвращеніе Россіи права держать военный флотъ на Черномъ морѣ (отмѣна соотвѣтствующей статьи Парижскаго трактата 1856 года была признана и европейской конференціей въ Лондонѣ въ 1871 году). Но участіе въ этой тройной лигѣ не приносило никакой пользы Россіи, а когда государь нашъ въ 1875 году помѣшалъ вновь задуманному Бисмаркомъ разгрому Франціи, усилились, не безъ сосѣдскаго содѣйствія, интриги Австріи на Балканскомъ полуостровѣ противъ Россіи и славянъ, приведшія насъ къ войнѣ съ Турціей.

Однако послѣ разгрома Франціи въ 1870 году стало ясно, что Россіи, кромѣ дипломатическихъ сношеній съ державами, на словахъ твердившими о мирѣ, а на дѣлѣ поглощенными вооруженіями для новыхъ и новыхъ войнъ, необходимо увеличеніе и переустройство своего войска. Вслѣдствіе этого государь обратился отъ гражданскихъ реформъ къ военной. Такъ какъ Пруссія одержала верхъ надъ Франціей, благодаря, между прочимъ, и своей общей воинской повинности, то таковая была введена и у насъ. Уже ранѣе этого императоръ Александръ II облегчилъ у насъ военную службу, сокративъ ея срокъ съ 25 лѣтъ на 15, и смягчилъ ея суровость отмѣной тѣлесныхъ наказаній и другихъ строгостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ запретилъ отдачу въ военную службу за проступки и преступленія. Наконецъ, было рѣшено отбываніе воинской повинности одними податными сословіями распространить на всѣ сословія. Новымъ воинскимъ уставомъ, Высочайше утвержденнымъ 1 января 1874 года, „дѣло защиты отечества поставлено было общимъ дѣломъ народа, и всѣ безъ различія званій и состояній были соединены на это святое дѣло“. Открывая возможность во всякое время увеличить составъ арміи въ большемъ количествѣ, чѣмъ при прежнихъ наборахъ, новый уставъ значительно облегчалъ самое отбываніе воинской повинности. Къ ея отбыванію призывались на 21 году всѣ молодые люди, но брались для пополненія арміи и флота только тѣ, кому доставался жребій. Остальные же, излишніе для комплектованія военныхъ силъ, зачислялись въ государственное ополченіе, которое созывается лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени. Въ ратники ополченія зачисляется и все мужское населеніе имперіи отъ 20 до 40 лѣтъ, способное носить оружіе. 15-лѣтній срокъ службы облегченъ тѣмъ, что дѣйствительное ея отбываніе для неимѣющихъ льготъ ограничивается 6-лѣтнимъ нахожденіемъ въ войскахъ, послѣ чего солдатъ отпускаютъ по до-

Императрица Марія Ѳеодоровна.

мамъ, и они числятся въ запасѣ; запаснымъ же предоставляется избирать любой родъ занятій, но они обязаны являться на учебные сборы и могутъ быть призваны во время войны на дѣйствительную службу. Единственный работникъ въ семьѣ освобождается отъ нея; если призываемый доканчиваетъ свое образованіе или нуждается въ поправленіи здоровья, ему дается соотвѣтственная отсрочка отъ призыва на службу. Образованіе въ тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ, по установленному въ законѣ ихъ разряду, давало сокращеніе служебнаго срока, до одного года включительно (для людей съ высшимъ образованіемъ). Учителя и духовныя лица совсѣмъ освобождаются отъ воинской повинности. Откупаться деньгами отъ воинской повинности или замѣнять себя охотникомъ не дозволяется. Для моряковъ служба ограничивается 7-ю годами и 3-мя—пребываніе въ запасѣ. Главнымъ дѣятелемъ по выработкѣ проекта воин-

ской повинности и ея введенію былъ военный министръ Д. А. Милютинъ. Чрезъ три года намъ пришлось воевать съ помощью по новому организованной арміи съ Турціей.

Поводъ къ этой войнѣ дали возстаніе сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ противъ турокъ и война съ ними Сербіи и Черногоріи.

Вслѣдствіе кроваваго гнета турокъ въ іюнѣ 1875 года сербы Герцеговины подняли противъ нихъ возстаніе, ихъ примѣру послѣдовали боснійскіе сербы. Въ своихъ воззваніяхъ они говорили: „Братья, намъ всѣмъ суждено погибнуть отъ тяжкой неволи. Лучше всѣ умремъ до единаго съ оружіемъ въ рукахъ и не дадимъ туркамъ на глазахъ у насъ осквернять наши церкви, безчестить нашихъ женъ и дѣтей, отнимать у насъ малыхъ дѣтей и все, что имѣемъ". Началась кровавая расправа турокъ. Несчастные славяне обратились съ призывомъ о помощи къ черногорцамъ и жителямъ сербскаго княжества, которые, въ виду того, что западно-европейскія державы на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года отняли у Россіи право непосредственной защиты православныхъ въ Турціи и взяли ее въ свои руки, не рѣшались поднять оружіе противъ турокъ. Между тѣмъ западныя державы оставались равнодушными къ участи славянъ и тѣмъ поощряли турокъ къ новымъ звѣрствамъ надъ своими славянскими подданными. Особенно тяжкимъ стало положеніе болгаръ. Поселенные среди нихъ черкесы (баши-бузуки), по приказу Оттоманской Порты, начали страшную и продолжительную рѣзню въ Болгаріи: такъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, истреблено было 30.000 болгаръ, безъ различія пола и возраста. Англія и Австрія въ это время были на сторонѣ Турціи; Пруссія, Франція и Италія показывали полное равнодушіе къ славянству; наше же правительство, вспоминая то противодѣйствіе, какое оказывали западныя державы при императорѣ Николаѣ I его защитѣ христіанскихъ подданныхъ Турціи, не рѣшалось выступить съ энергическими мѣрами въ восточномъ вопросѣ.

Д. А. Милютинъ.

Но чаша терпѣнія балканскихъ славянъ переполнилась: Черногорія и Сербія взялись за оружіе; Русскій народъ, наперекоръ своей

западничествующей интеллигенціи и печати („Голосъ“ Краевскаго, „Вѣстникъ Европы“ Стасюлевича, „Петербургскія Вѣдомости“ и проч.), охваченъ былъ глубокимъ сочувствіемъ къ страданіямъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Полились пожертвованія въ славянскій благотворительный комитетъ, во главѣ котораго стоялъ И. С. Аксаковъ, въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, во главѣ которыхъ стоялъ М. Н. Катковъ, и т. д. Пожертвованія шли даже изъ селъ отъ простыхъ крестьянъ. Изъ Россіи стали отправляться сперва сотнями, а потомъ тысячами добровольцы, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ бороться съ турками. Въ ихъ ряды начали вступать и такіе выдающіеся люди, какъ генералы Черняевъ и Дохтуровъ, полковники: Кирѣевъ, Комаровъ, Раевскій, гвардейскіе офицеры и множество казаковъ. Сербскій князь Миланъ Обреновичъ, по прибытіи въ Бѣлградъ русскихъ добровольцевъ, назначилъ главнокомандующимъ своей арміи М. Г. Черняева, а начальникомъ ея штаба—полковника В. В. Комарова (редакторъ „Русскаго Міра“ и „Свѣта“).

П. П. Игнатьевъ.

Вмѣстѣ съ нашими добровольцами Сербія выставила противъ турокъ стотысячную армію, а маленькая Черногорія собрала всего только двадцать тысячъ. При громадномъ народномъ сочувствіи въ Россіи и въ другихъ славянскихъ земляхъ, сербы и черногорцы, въ особенности послѣдніе, успѣшно начали войну съ турками. Но эта борьба была неравною: послѣдніе были сильнѣе славянъ, особенно потому, что имъ почти открыто и деньгами и оружіемъ помогала Англія. Турки вездѣ терпѣли пораженія отъ доблестныхъ черногорцевъ. Но, направивъ весьма

значительныя силы противъ сербовъ, они скоро сломили ихъ: сербская армія 29 октября 1876 года была разбита при Дюнишѣ; дорога въ Бѣлградъ была открыта, и Сербію ожидала рѣзня болѣе страшная, чѣмъ та, которая такъ недавно опустошила Болгарію.

Императоръ Александръ II, вмѣстѣ съ народомъ и вопреки оторванной отъ него большей части интеллигенціи, враждебно относившейся въ ту пору къ славянамъ, съ живымъ участіемъ слѣдилъ за ихъ борьбою и въ рѣшительную минуту простеръ имъ свою руку: чрезъ своего посла въ Константинополѣ, графа Н. П. Игнатьева, онъ потребовалъ отъ султана, чтобы онъ, въ теченіе двухъ сутокъ, остановилъ военныя дѣйствія противъ Сербіи и Черногоріи. Султанъ исполнилъ требованія русскаго ультиматума, такъ какъ они были поддержаны мобилизаціей части русской арміи къ нашимъ южнымъ границамъ.

Проѣзжая чрезъ Москву, государь на выходѣ въ кремлевскіе соборы, сказалъ 10 ноября представлявшимся ему въ Кремлевскомъ дворцѣ сословіямъ: „Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію. Но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я бы желалъ до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я стараюсь достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія [1]) въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій. Желаю весьма, чтобы мы могли прійти къ общему соглашенію. Если же это не состоится, и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя бы обезпечивали исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоя-

[1]) Русскій ультиматумъ, а главное мобилизація арміи заставили державы и даже Англію, во главѣ министерства которой стоялъ Бэконсфильдъ, заклятый врагъ Россіи, взяться рѣшать дипломатическимъ путемъ участь славянъ, чтобы не дать Россіи одной и самостоятельно устроить ихъ судьбу; а Англія и Австрія затяжкой дипломатическихъ воздѣйствій на Турцію имѣли въ виду дать ей возможность получше приготовиться къ войнѣ съ Россіей (сравн. Царствов. Николая I, стр. 34—39).

Главнокомандующій Дунайской арміей В. К. Николай Николаевичъ.

тельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи этого потребуетъ. Увѣренъ, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе".

Константинопольская конференція державъ выработала проектъ незначительныхъ реформъ для населенныхъ христіанами областей Турціи. Но эта послѣдняя, подстрекаемая англійскимъ посломъ Лейярдомъ и увѣренная, что только одна Россія искренно стоитъ за христіанъ, ничего изъ требованій державъ не исполняла. Когда же Россія уже готовилась объявить войну, пущена была въ ходъ еще новая дипломатическая затяжка въ видѣ Лондонскаго протокола о реформахъ. Но Порта, уже приготовившая съ помощью Англіи болѣе военныхъ силъ, чѣмъ сколько ихъ двинула Россія, дерзко отвергла требованія державъ, а Россіи уже ничего не оставалось, какъ объявить войну. Войска наши стояли уже на южныхъ границахъ. Прибывшій въ Кишиневъ государь подписалъ 12 апрѣля 1877 года

манифестъ о войнѣ и приказалъ объявить его въ присутствіи своемъ войскамъ, предназначеннымъ дѣйствовать на Балканскомъ полуостровѣ. Въ немъ было сказано: „Всѣмъ нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Кровь и достояніе нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда намъ дороги. Все царствованіе наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости нашей сохранять Россіи благословенія мира. Мы первоначально поставили себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ. Мы не переставали стремиться въ продолженіе двухъ лѣтъ къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Но ожиданія наши не оправдались. Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы. Турція отказомъ своимъ поставляетъ насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія“.

Главнокомандующими были назначены братья государя—великіе князья: Дунайскою — Николай Николаевичъ Старшій и Закавказскою — Михаилъ Николаевичъ. Одинъ изъ отрядовъ первой арміи былъ впослѣдствіи ввѣренъ цесаревичу Александру Александровичу, а корпусомъ при немъ командовалъ великій князь Владиміръ Александровичъ. Кромѣ того, въ военныхъ дѣйствіяхъ приняли участіе великіе князья Алексѣй и Сергѣй Александровичи, Николай Николаевичъ Младшій и другіе, а по открытіи военныхъ дѣйствій къ дѣйствовавшей на Дунаѣ арміи прибылъ самъ государь и сталъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ истиннымъ братомъ милосердія.

12 апрѣля наши войска перешли чрезъ рѣку Прутъ и вступили въ Румынію, которая заключила съ нами договоръ о пропускѣ ихъ чрезъ свои владѣнія, а потомъ и о присоединеніи къ намъ своихъ войскъ.

Дунайская армія состояла первоначально изъ 4-хъ дѣйствующихъ корпусовъ и 3-хъ резервныхъ (всего 243 тысячи человѣкъ при 802 орудіяхъ).

Этимъ нашимъ войскамъ предстояли первыми двѣ задачи: перейти чрезъ Дунай, и затѣмъ—чрезъ Балканы. Трудныя сами по себѣ, онѣ были особенно тяжелы, вслѣдствіе особо неблагопріятныхъ для насъ условій того времени.

Потерянные нами въ дипломатическихъ переговорахъ полгода турки употребили на усиленіе дунайскихъ крѣпостей (Разграда, Шумлы, Силистріи, Рущука, Виддина, Никополя и друг.) и для сосредоточенія значительныхъ войскъ на Дунаѣ, который они за-

няли снаряженной при помощи англичанъ броненосною эскадрой. Переправа наша чрезъ рѣку близъ границъ Сербіи была неудобна потому, что въ тылъ намъ могла ударить Австрія, державшаяся въ это время очень двусмысленно. Отправка войскъ за Дунай чрезъ Черное море, гдѣ господствовалъ турецкій флотъ и куда могъ явиться англійскій, была невозможна, потому что, несмотря на отмѣну упомянутой выше части парижскаго трактата, мы не успѣли еще построить здѣсь военный флотъ. Ко всему этому Дунай въ ту весну былъ въ особенно большомъ разливѣ. Но главнокомандующій и наша армія стали на высотѣ трудной задачи, и переправа чрезъ Дунай была подготовлена и исполнена блестяще.

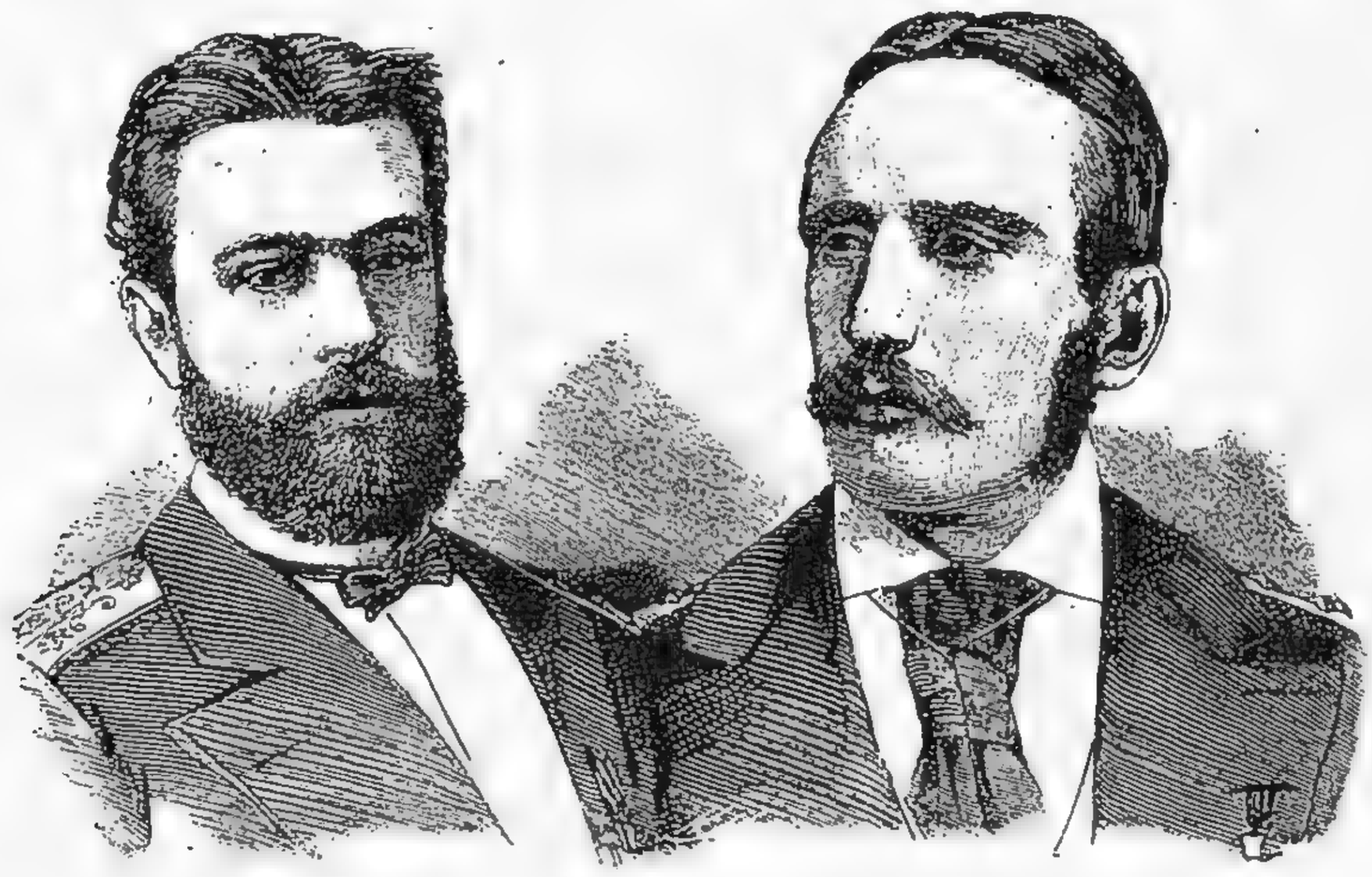
В. К. Владиміръ Александровичъ.

Къ концу мая войска наши подошли къ Дунаю. Главнокомандующій въ разныхъ пунктахъ рѣки приказалъ поставить батареи для защиты лѣваго ея берега отъ пападеній турокъ. Для того, чтобы турецкія суда не помѣшали нашей переправѣ, пришлось для парализованія ихъ движеній принять очень сложныя мѣры, которыя прекрасно исполнили наши моряки. Они привезли сюда изъ Кронштадта по желѣзнымъ дорогамъ паровыя шлюпки и заперли, при помощи минныхъ заграждений, турецкіе броненосцы въ рукавахъ нижняго Дуная и въ разныхъ мѣстахъ средняго его теченія. Но этого мало, они сдѣлали рядъ отважныхъ нападеній съ минами на непріятельскія суда и взрывами нѣкоторыхъ изъ нихъ навели такую панику, что они жались около крѣпостей, подъ защитой ихъ артиллеріи, отказавшись отъ плаванія по Дунаю, что облегчило намъ переправу. Такъ 29 апрѣля у Браилова, когда наши моряки устраивали вторую линію минныхъ заграждений, турецкіе броненосцы начали обстрѣливать работавшихъ, но наша артиллерія стала съ берега защищать моряковъ. Два мѣтко направленныхъ нашихъ снаряда одновременно ударили въ одинъ изъ турецкихъ броненосцевъ „Лютфи-Джелилъ“ и произвели на немъ

такой взрывъ, что онъ мгновенно взлетѣлъ на воздухъ (смотри рисунокъ академика Боголюбова).

Въ ночь на 14 мая доблестные лейтенанты Ѳ. В. Дубасовъ (нынѣ адмиралъ и генералъ-адъютантъ) и Шестаковъ, подъ градомъ пуль и бомбъ, атаковали на своей миноноскѣ одинъ изъ трехъ стоявшихъ въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная броненосцевъ „Хивзи-Рахманъ“, искусно подвели подъ него двѣ мины и тоже взорвали его на воздухъ (см. рисунокъ того же художника).

Въ подобныхъ же атакахъ выдвинулись и другіе наши моряки, какъ Скрыдловъ и Рождественскій. Въ этого рода минныхъ предпріятіяхъ принимали участіе и великіе князья Алексѣй Александровичъ и

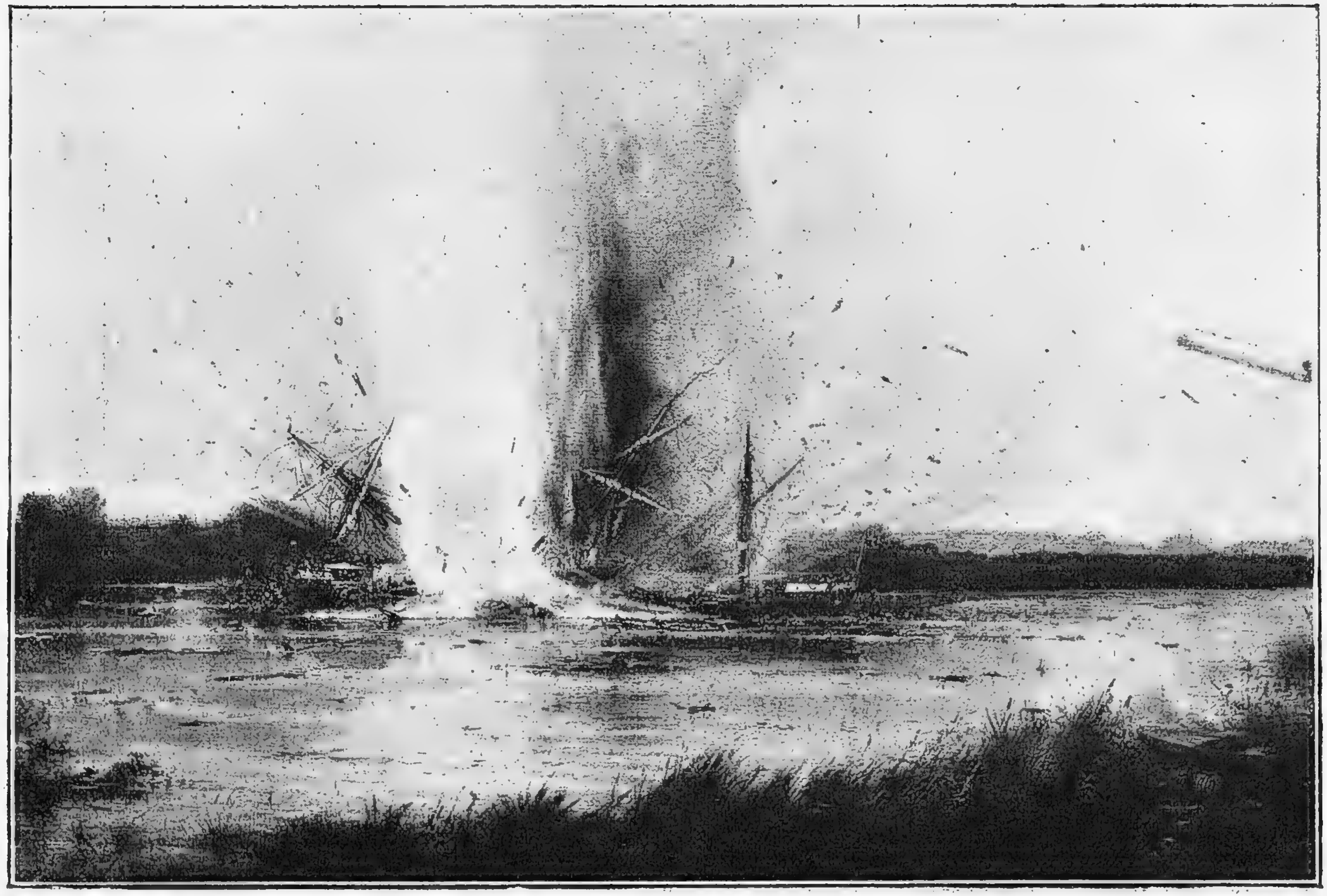


Лейтенанты Шестаковъ и Дубасовъ.

Константинъ Константиновичъ. Всѣ эти атаки навели такой страхъ на турецкій флотъ, что онъ прижался къ своимъ крѣпостямъ и едва обнаруживалъ свое существованіе, уже не мѣшая главнокомандующему въ выборѣ мѣстъ для переправы чрезъ Дунай.

Объѣхавъ береговую его линію, великій князь въ глубокой тайнѣ не только отъ корреспондентовъ, но и отъ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, избралъ мѣстами для переправы— на нижнемъ Дунаѣ Галацъ и Браиловъ, на среднемъ — Зимницу. Демонстративными движеніями войскъ турки были сбиты съ толку и никакъ не могли угадать мѣсто переправы.

Ночью 10 іюня, сперва при лунномъ свѣтѣ, а потомъ и при полной темнотѣ, нашъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Жукова, началъ по частямъ переправу на лодкахъ отъ Галаца къ занятымъ турками Буджакскимъ высотамъ. Переплывшій огромное водное пространство, Рязанскій полкъ былъ встрѣченъ



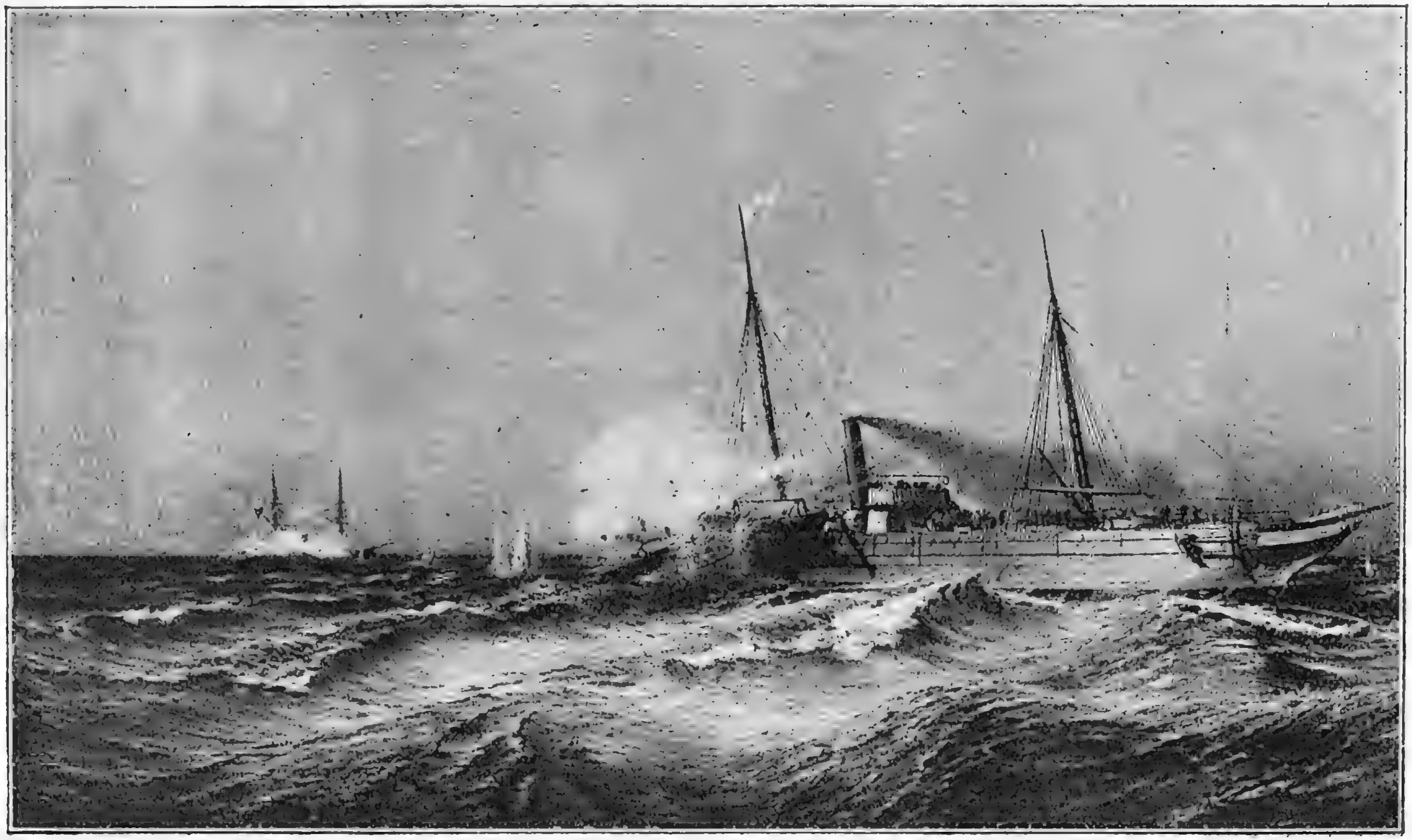
Взрывъ броненосца „Лютфи-Джелилъ“ въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная.

Взрывъ турецкаго броненосца Дубасовымъ и Шестаковымъ.

убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ турокъ. Но прибывшіе ряжцы поддержали товарищей и ружейнымъ огнемъ и рукопашнымъ штыковымъ боемъ, и турки должны были покинуть Буджакскія высоты, что открыло возможность остальнымъ отрядамъ генерала Циммермана безопасно переправиться отъ Браилова къ Мачину, въ Добруджу. Турки отошли отъ Дуная и отдали въ наши руки его нижнее теченіе отъ Гирсова до устья.

Чтобы скрыть отъ непріятелей мѣсто главной нашей переправы у Зимницы, осадная наша артиллерія съ 12 іюня начала бомбардировку Никополя и Рущука. Между тѣмъ на рѣкѣ Ольтѣ были приготовлены плоты, понтоны, лодки, матеріалы для постройки моста, которые и были сплавлены въ Дунай. Генералъ Драгомировъ, начальствовавшій 14-й пѣхотной дивизіей, получилъ приказъ главнокомандующаго начать переправу въ ночь на 15 іюня. Въ 12 часовъ при лунномъ свѣтѣ на плотахъ и понтонахъ двинулся съ нѣсколькими пушками и двумя сотнями казаковъ Волынскій полкъ, по направленію къ Систову, стоящему на правомъ берегу Дуная. Его быстрое теченіе, несмотря на усилія гребцовъ, сильно мѣшало отрядамъ подплывать къ намѣченнымъ мѣстамъ; приходилось карабкаться на крутые берега, цѣпляясь за росшіе кустарники; а поднявшись на гребень, нужно было сразу же вступать въ ружейный бой съ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Къ счастію, прибылъ поромъ съ двумя пушками, поддержавшими изнемогавшихъ молодцовъ-волынцевъ. Дружнѣе закипѣлъ бой, когда прибылъ второй отрядъ съ Минскимъ полкомъ, съ которымъ явились генералы Драгомировъ и Скобелевъ 2-й. Къ утру дальнѣйшую переправу облегчилъ пароходъ, который, буксируя двѣ баржи, перевозилъ по цѣлому батальону. Но турки сильно обстрѣливали ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, какъ высадившіяся, такъ и плывшія по Дунаю войска, при чемъ потопили нѣсколько поромовъ. Но скоро наши перешли въ наступленіе и, гдѣ приходилось штыками, принудили турокъ къ тремъ часамъ дня покинуть высоты. Бой на рѣкѣ и на сушѣ стоилъ намъ значительныхъ потерь: выбыло изъ строя убитыми и ранеными 28 офицеровъ и бо-

Генералъ-адъютантъ Драгомировъ.



Бой Н. М. Баранова на пароходѣ „Веста“ съ турецкимъ броненосцемъ.

Переправа войскъ черезъ Дунай у Галаца.

Переправа чрезъ Дунай у Зимницы.

В. К. Алексѣй Александровичъ.

лѣе 800 нижнихъ чиновъ. Но это обезпечило намъ переправу чрезъ Дунай главныхъ силъ арміи.

16 іюня переправился на лодкѣ самъ государь, горячо благодарилъ войска и отправился въ Систово, гдѣ восторженно былъ встрѣченъ болгарами, украсившими зеленью улицы города и засыпавшими цвѣтами царскій путь.

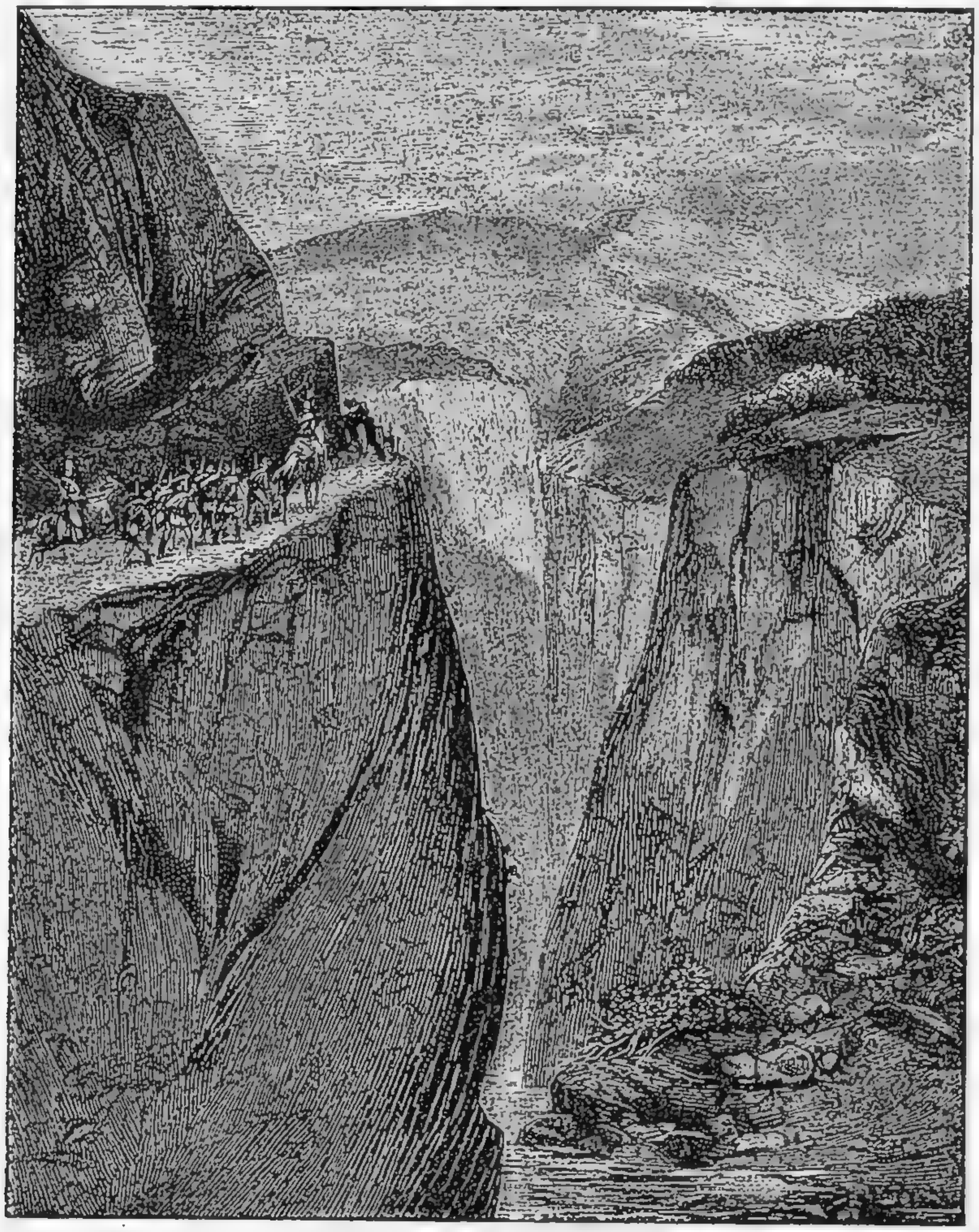
Быстро наводился на Дунаѣ нашъ понтонный мостъ, но разразившаяся 17 числа буря разорвала его и потопила часть понтоновъ: пришлось возстанавливать мостъ, и онъ былъ опять готовъ къ 20-му.

Послѣ переправы на правый берегъ часть войскъ, подъ начальствомъ генерала Гурко, направлена была къ Балканамъ для занятія въ нихъ горныхъ проходовъ. Другой отрядъ подъ начальствомъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича направился на востокъ, сперва къ рѣкѣ Янтрѣ, а потомъ къ Лому. Въ составъ этого отряда вошли два корпуса—12-й и 13-й; изъ нихъ первый находился подъ начальствомъ великаго князя Владиміра Александровича. Вслѣдствіе расположенія вблизи крѣпости Рущука онъ назывался Рущукскимъ отрядомъ и имѣлъ важное назначеніе — охранять лѣвый флангъ нашей арміи отъ войскъ Мегметъ-Али-паши, расположенныхъ въ

четвероугольникѣ крѣпостей (Рущукъ, Силистрія, Варна и Шумла). Третій отрядъ, въ составѣ одного корпуса, подъ начальствомъ генерала Криднера, былъ двинутъ къ крѣпости Никополю, который былъ атакованъ нашими войсками. На 4 іюня назначенъ былъ штурмъ Никополя. Но гарнизонъ его въ числѣ 7.000 человѣкъ сдался въ плѣнъ, при чемъ намъ достались 6 знаменъ, 113 пушекъ, болѣе 10.000 ружей и два броненосца.

Малочисленный отрядъ генералъ-адъютанта Гурко блистательно совершилъ походъ за Балканы. Перейдя чрезъ Дунай 21 іюня, онъ 25-го отнялъ у турокъ столицу Болгаріи Тырново и рѣшилъ отбить у нихъ перевалъ чрезъ Балканы, у Шипки, который былъ занятъ только 25.000 войска, потому что считался, по горнымъ условіямъ своего положенія, неприступнымъ. Смѣлый генералъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, составилъ планъ напасть на Шипку съ двухъ сторонъ: съ сѣверной и южной. Часть своего отряда онъ перевелъ чрезъ считавшійся у турокъ непроходимымъ чрезвычайно крутой и узкій перевалъ Ханкіойскій (см. рисунокъ). Не считая вѣроятнымъ переходъ здѣсь русскихъ, турки оставили его совсѣмъ безъ всякой защиты: они говорили, что туда не залетаютъ птицы и не забѣгаютъ звѣри и что тамъ обитаютъ одни горные духи, устраивающіе людямъ гибельныя козни. Однако Гурко 28 іюня двинулъ туда передовой отрядъ, для возможнаго расширенія дороги, по которой едва проходилъ одинъ вьюкъ. Но не дозволилъ производить взрывы скалъ порохомъ и динамитомъ, чтобы не привлечь сюда непріятелей. Генералъ Раухъ и капитанъ Сахаровъ, снявъ мундиры, одинъ съ ломомъ, а другой съ киркой, шли впереди и работали для расширенія пути, чтобы ободрить солдатъ. Несмотря на ужасный зной и страшное утомленіе, невозможное было совершено: отрядъ Гурко былъ за Балканами въ тылу защитниковъ Шипки. Но проходя чрезъ долину Казанлыка, Гурко три дня подъ рядъ почти у каждой деревни сражался съ турками, обращая ихъ въ бѣгство. 5 іюля послѣ боя онъ занялъ Казанлыкъ, вслѣдствіе чего опоздалъ въ этотъ день сдѣлать нападеніе на Шипку, которая была безуспѣшно атакована нашимъ отрядомъ и съ сѣвера отъ Габрова. Отъ этого зависѣло и то, что нападеніе и самого Гурко на слѣдующій день, 6 іюля, также не имѣло успѣха. Впрочемъ, русскіе уже добрались до горы Св. Николая, какъ турки подняли бѣлый флагъ. Когда наши стрѣлки вышли изъ своихъ прикрытій, турки залпами осыпали ихъ пулями и принудили ихъ уйти съ высотъ, оставивъ тамъ своихъ раненыхъ. Когда на другое утро русскіе го-

товились возобновить свою атаку, явился турецкій офицеръ съ письмомъ отъ паши, предлагавшимъ сдачу горы Св. Николая. Заключено было условіе, и назначенъ былъ срокъ ея въ 12 часовъ дня. Но турки не подавали признаковъ жизни: они разбѣжались по горнымъ тропинкамъ, о чемъ узналъ Гурко отъ посланнаго Скобелевымъ вѣстового: тотъ 7 іюля поднялся изъ Габрова на



Ханкіойскій перевалъ.

Шипку съ отрядомъ и не нашелъ тамъ турокъ. У Шипки найдены были мертвыми наши раненые, которыхъ заживо страшно изуродовали турки, наносившіе умирающимъ мучительнѣйшія раны: одинъ былъ найденъ съ отрубленной головой, но съ поднятой для крестнаго знаменія рукой; у другого были перерѣзаны жилы на рукахъ и ногахъ, и онъ застылъ въ страшныхъ судорогахъ и т. д.

Похоронивъ этихъ великомучениковъ, Гурко, обрадованный занятіемъ столь важнаго перевала, съ орлиной, суворовской, быстротой

Шипка. Гора Св. Николая.

Генералъ-адъютантъ Гурко.

перешелъ и Малыя Балканы и готовъ былъ утвердиться въ долинѣ Марицы. Его отряды чрезвычайно успѣшно дѣйствовали противъ турокъ у Эни-загры, Эски-загры и Джуранлѣ. Но скоро оказалось, что горсть храбрецовъ дѣйствовала противъ передовыхъ частей большой арміи Сулеймана-паши. Онъ былъ отозванъ изъ Черногоріи, которая этимъ была спасена отъ погибели, и, пораженный удивительнымъ геройствомъ русскихъ, вначалѣ думалъ, что имѣетъ дѣло съ главными силами нашими. Но скоро дѣло объяснилось, и Гурко долженъ былъ предъ полчищами Сулеймана отступить за Балканы. Защита Шипкинскаго перевала была поручена генералу Радецкому, который отбилъ здѣсь десять бѣшеныхъ атакъ Сулеймана и такимъ образомъ сохранилъ намъ Шипку до самаго конца войны.

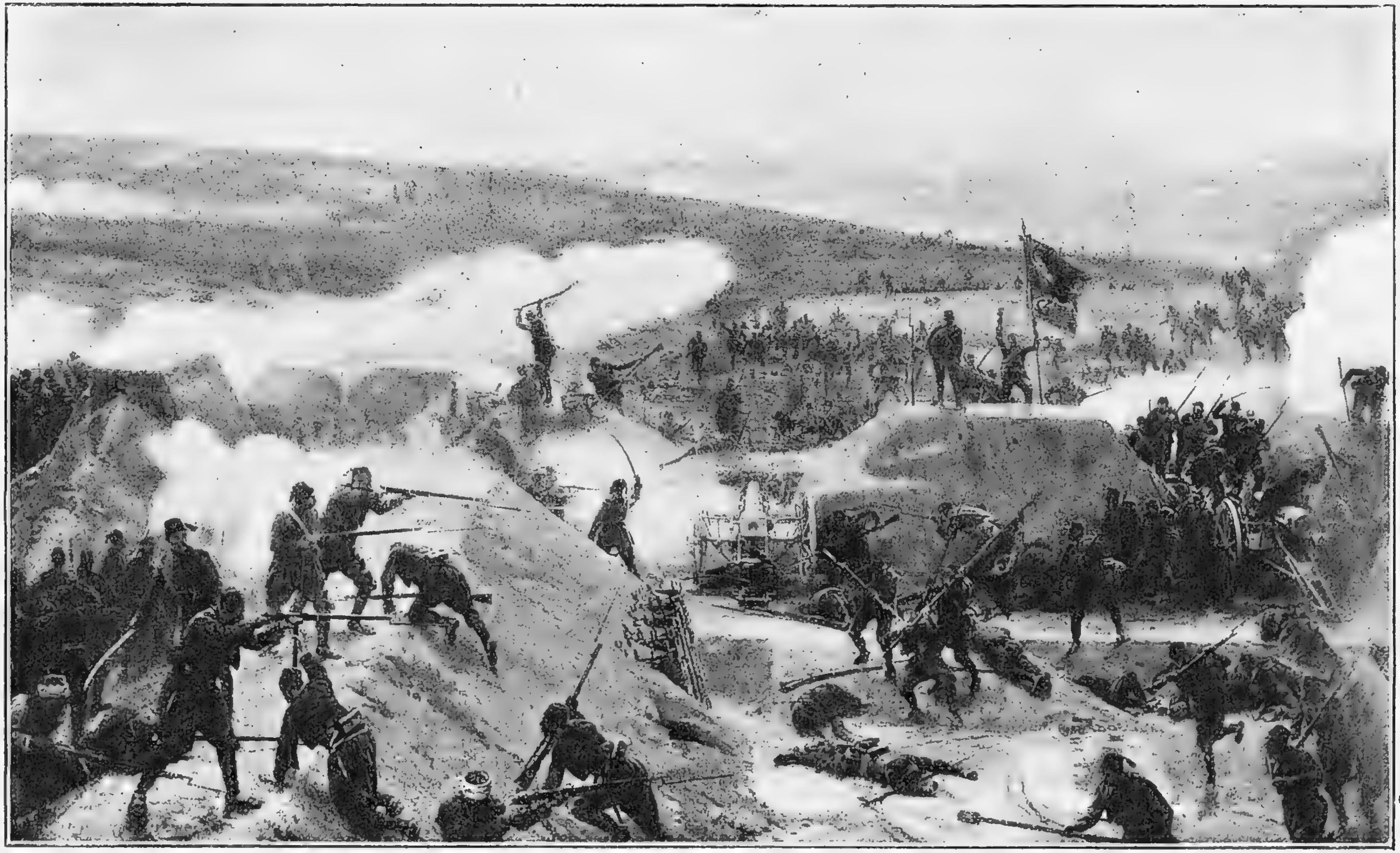
Но раньше этого мы должны были выдержать крайне тяжелую борьбу въ предбалканской Болгаріи и у Плевны и въ отрядѣ наслѣдника цесаревича, прежде чѣмъ снова явиться съ рѣшительными побѣдами въ Болгаріи Забалканской.

Генералъ Радецкій.

Въ то время, какъ Сулейманъ-паша двинулся изъ Черногоріи, чтобы защищать Балканы, Османъ-паша съ 50-тысячною арміей явился въ Плевну, чтобы овладѣть этимъ важнымъ узломъ дорогъ, ведущихъ къ балканскимъ переваламъ и въ Софію. Занявъ этотъ пунктъ, онъ, съ помощью западныхъ инженеровъ, быстро защитилъ его цѣлымъ рядомъ сильныхъ земляныхъ укрѣпленій и сосредоточилъ здѣсь весьма значительную артиллерію, огромные боевые и продовольственные запасы. Намъ нельзя уже было двигаться дальше, оставивъ въ своемъ тылу столь большой лагерь съ такою значительною арміей. Сперва дѣлались съ нашей стороны попытки взять укрѣпленія Плевны при помощи штурмовъ. Но силы наши для этого были недостаточны, и, въ концѣ-концовъ, пришлось прибѣгнуть къ продолжительному обложенію Плевны, чтобы принудить Османа-пашу къ сдачѣ.

Не предполагая, что въ Плевнѣ сосредоточены столь значительныя силы, генералъ Криднеръ далъ приказаніе отряду Шильдеръ-Шульденера взять городъ. Но его атака была отбита съ большимъ урономъ для насъ въ 2.800 человѣкъ. Въ эту пору подъ Плевной сосредоточено было всего 32 тысячи войска, съ 176 орудіями. 18 іюля Криднеръ далъ приказаніе отрядамъ князя Шаховского и Вельяминова повторить атаку, которая была также отбита съ еще большими потерями (въ 7 тысячъ человѣкъ). Тогда рѣшено было не дѣлать болѣе атакъ, впредь до прибытія къ намъ значительныхъ подкрѣпленій. Къ 20 августа у насъ сосредоточены были уже 100 тысячъ войска, въ числѣ коихъ были и румынскія войска. Въ это время Скобелевъ взялъ Ловчу. Съ 26 числа началось усиленное бомбардированіе турецкихъ укрѣпленій, и назначена была 30 августа атака Плевны подъ главною командою генерала Зотова.

Въ этотъ день, съ праваго фланга, отъ деревни Гривицы наступали румыны, подъ начальствомъ своего князя Карла Гогенцоллернскаго съ нѣсколькими русскими полками. Подъ дождемъ пуль и ядеръ отрядъ ворвался въ гривицкій редутъ и выбилъ изъ него штыками турокъ. Но удержаться въ немъ не могъ потому, что у турокъ такъ предусмотрительно устроены были укрѣпленія, что каждое изъ нихъ, уже взятое, обстрѣливалось съ другихъ. Нача-



На гривицкомъ редутѣ.

Бой за Зеленыя горы.

М. Д. Скобелевъ.

лась истребительная пальба по отбитому гривицкому редуту. Люди падали какъ колосья подъ серпомъ. Сдѣланы были также нападенія и изъ самой Плевны. Въ виду того, что удержать взятый редутъ было невозможно, войска должны были его оставить.

Атака съ лѣваго фланга была еще кровопролитнѣе. На своемъ бѣломъ конѣ, въ бѣломъ кителѣ, велъ на Зеленыя горы штурмовыя русскія колонны М. Д. Скобелевъ. Адскій огонь турокъ, вырывавшій цѣлые наши ряды, не могъ остановить движенія нашихъ богатырей. Самъ Скобелевъ черезъ ровъ ворвался въ турецкій редутъ, и его защитники или бѣжали или были взяты въ плѣнъ. Овладѣли наши войска и другимъ редутомъ. Но свѣтъ утренней зари 31 августа показалъ защитникамъ взятыхъ редутовъ, что въ нихъ удержаться также невозможно. Турки сосредоточили весь свой огонь на скобелевскомъ отрядѣ и повели бѣшеныя атаки на занятые редуты. Скобелевъ, какъ вихрь, носился по укрѣпленіямъ, одушевляя всѣхъ. „Плевна была бы взята“, писалъ очевидецъ борьбы за редуты, командовавшіе окрестностями. Но Скобелевъ не получилъ отъ генерала Зотова подкрѣпленій и на слѣдующій день, рыдая, какъ

ребенокъ, долженъ былъ покинуть ключъ позицій. Потери наши были чрезвычайно велики: болѣе 12 тысячъ выбыло изъ строя.

На военномъ совѣтѣ рѣшено было совсѣмъ отказаться отъ штурмовъ Плевны, вызвать на театръ войны гренадерскія части и гвардію и окружить Османа-пашу желѣзнымъ кольцомъ осады, что отсрочило сдачу его арміи на три мѣсяца.

Очень тяжело было положеніе нашихъ войскъ подъ Плевной. Но оно стало бы критическимъ, если бы цесаревичъ Александръ Александровичъ своимъ Рущукскимъ отрядомъ не удержалъ войска Мегметъ-Али-паши, а потомъ его преемника, отъ нападенія на насъ и соединенія съ Османъ-пашей. Генералъ Радецкій молодецкой защитой Шипкинскаго, Еленинскаго и Ханкіойскаго переваловъ удерживалъ войска Сулеймана-паши за Балканами и также не далъ ему соединиться съ защитниками Плевны.

Обратимся къ дѣйствіямъ Рущукскаго отряда, которому сначала было поручено обложеніе крѣпости этого имени, отчего и произошло названіе его. Но скоро это распоряженіе было отмѣнено и на отрядъ возложена болѣе важная задача—охранять съ востока нашу главную армію. Несмотря на то, что Мехметъ-Али имѣлъ войска вдвое болѣе, чѣмъ цесаревичъ, всѣ его попытки въ августѣ прорвать нашу линію, для движенія къ Плевнѣ, остались безуспѣшны. Въ жаркой битвѣ 24 числа, при Аблановѣ наши войска отбросили непріятельскія силы за рѣку Кара-Ломъ. 11-часовая битва вырвала изъ нашего строя 1.300 человѣкъ; но она обезпечила лѣвый флангъ нашей арміи, у Плевны охранила нашъ тылъ отъ опаснаго вражескаго удара и дала возможность цесаревичу продвинуть свой отрядъ за Ломъ, къ рѣкѣ Янтрѣ. До 9 сентября турки воздерживались отъ нападеній. Но въ этотъ день они сдѣлали энергическій натискъ на сѣверную часть отряда при Церковнѣ. Войска, находившіяся подъ командой генерала Татищева, мужественно встрѣтили сильнѣйшихъ враговъ мѣткимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, а потомъ и штыками. Къ ночи турки были разбиты наголову и бѣжали за Кара-Ломъ.

Это пораженіе произвело такое впечатлѣніе на султана, что онъ, несмотря на отличную военную репутацію Мехмета-Али, отозвалъ его и замѣнилъ Сулейманомъ-пашой, слывшимъ за болѣе энергическаго полководца. Войска его увеличились до 100 тысячъ человѣкъ, и цесаревичъ въ ожиданіи мщенія за Церковну производилъ бдительныя развѣдки. На одной изъ такихъ развѣдокъ состоявшій при цесаревичѣ герцогъ Лейхтенбергскій Сергѣй Максими-

ліановичъ палъ смертью храбраго: онъ выѣхалъ на передовую линію, чтобы разсмотрѣть мѣстность и непріятельскія движенія, и только что началъ смотрѣть въ бинокль, какъ вражеская пуля смертельно поразила его на мѣстѣ. Разыгрался бой, и наши войска произвели хорошую расплату за эту потерю.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ начинаются нападенія на 12-й корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ великаго князя Владиміра Александровича. Здѣсь находился и августѣйщій начальникъ всего отряда наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Александровичъ.

Генералъ Ванновскій [1]).

14 ноября большія силы Сулеймана-паши сдѣлали нападеніе на наши войска, стоявшія у Пиргоса, Мечки, Трестеника и Ханъ-Гюль-Чесмы. Натискъ турокъ на пиргосскія высоты былъ такъ великъ, что мы должны были оставить ихъ и отойти къ Мечкѣ, куда направились нападенія непріятелей, распространившіяся на Ханъ-Гюль-Чесму и Трестеникъ. Напоръ у Мечки превосходнаго числа непріятелей былъ столь силенъ, что и здѣсь почувствовалась нужда въ отступленіи. Но вмѣсто этого наши войска, съ криками *ура*, бросились въ наступленіе и такъ ошеломили турокъ неожиданной молодецкой атакой, что они бросились въ бѣгство. Непріятель былъ выбитъ также и изъ Пиргоса. То же произошло и на нашемъ правомъ крылѣ. Подавленныя огромнымъ числомъ непріятелей, наши войска сперва отошли къ Трестенику, но и здѣсь были крайне стѣснены, пока не прибыли подкрѣпленія отъ Мечки; тогда они ударили въ штыки и заставили бѣжать въ $3^1/_2$ раза превосходившіе ихъ турецкіе таборы. Въ концѣ ноября Рущукскому отряду пришлось оказать помощь крайне стѣсненному у Еленинскаго перевала Радецкому. Безъ этой помощи Сулейманъ пробился бы къ Плевнѣ. Съ его войсками пришлось и еще биться великому князю Владиміру Александровичу 28 и 30 ноября. Оба раза въ присутствіи цесаревича войска Сулеймана были энергически отбиты, и онъ поспѣшилъ за Балканы, такъ какъ Плевна пала и главныя наши силы опять перешли въ дальнѣйшее наступленіе.

[1]) Начальникъ штаба Рущукскаго отряда.

Въ Рущукскомъ отрядѣ цесаревича.

Бой у Абланова.

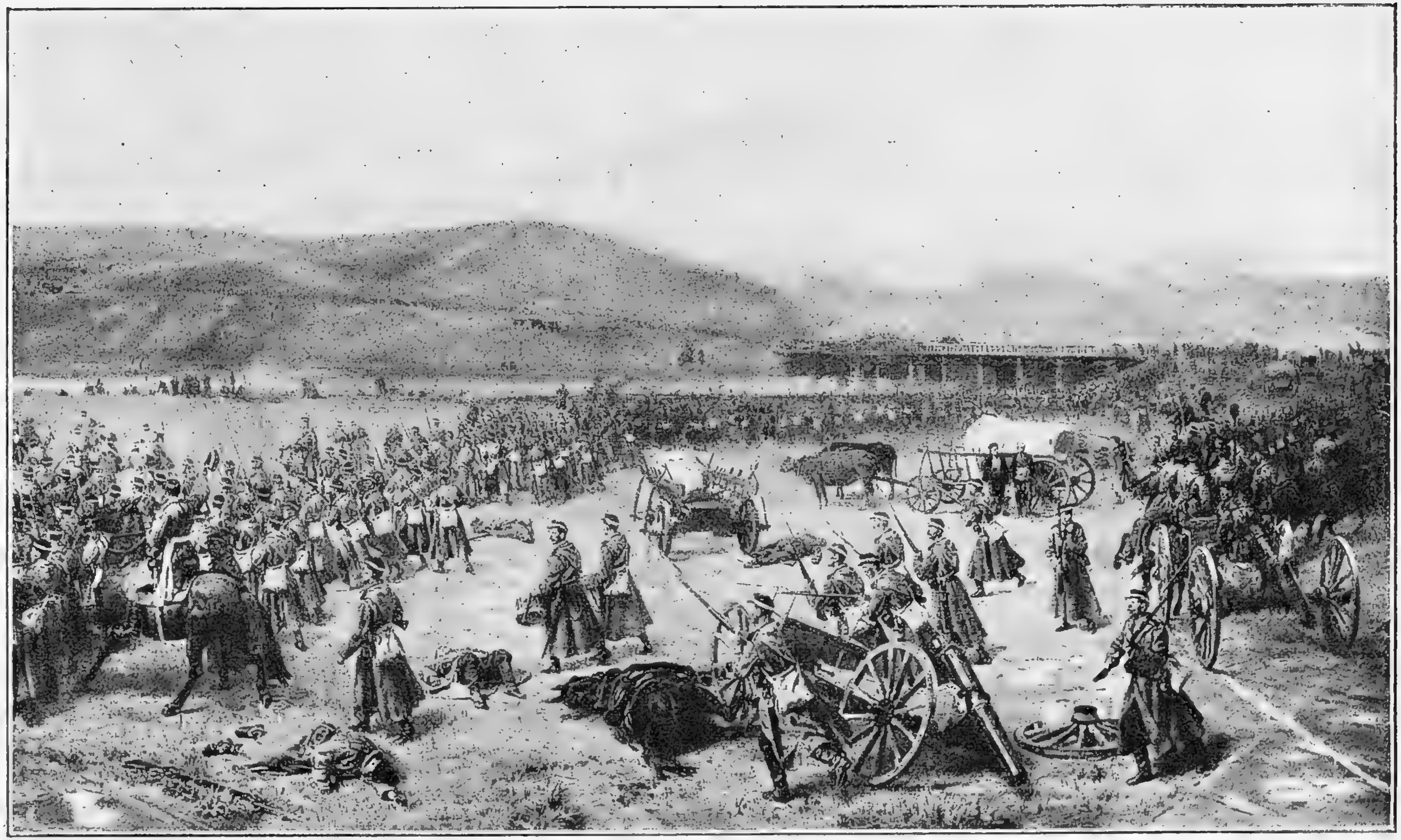
У Мечки.

Перестрѣлка на рѣкѣ Ломѣ.

Только съ прибытіемъ гвардіи и гренадерскихъ частей стало возможнымъ дѣйствительное и полное обложеніе укрѣпленій Плевны. Почетное начальствованіе было дано Карлу Румынскому, а дѣйствительное находилось въ рукахъ генерала Тотлебена. Знаменитый защитникъ Севастополя окружилъ Плевну со всѣхъ сторонъ сообщающимися между собою укрѣпленіями, съ которыхъ сильно громила турокъ наша артиллерія. Дабы прервать сношенія изъ Плевны съ Софіей, отправленъ былъ генералъ Гурко съ гвардейцами и гренадерами, чтобы овладѣть устроенными на этой дорогѣ укрѣпленіями. Огромныхъ усилій и большихъ потерь стоило намъ взятіе 12 октября штурмомъ Горнаго Дубняка, хорошо защищеннаго и самой природой, и сильною артиллеріей, и весьма значительнымъ гарнизономъ. Затѣмъ генералъ-адъютантъ Гурко энергической бомбардировкой принудилъ Телишъ съ 4-тысячнымъ гарнизономъ сдаться. Занимавшіе Дальній Дубнякъ турки бѣжали въ Плевну, которая теперь совсѣмъ была отрѣзана отъ сообщеній и лишена была возможности получать подкрѣпленія войсками и припасами.

Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Тотлебенъ въ ожиданіи сдачи Османа-паши не назначалъ штурмовъ. Въ это время Скобелевъ снова, однако, выбилъ турокъ съ Зеленыхъ горъ; и возвратить ихъ при всѣхъ усиліяхъ туркамъ не удалось. Сдѣланное съ нашей стороны предложеніе Осману о сдачѣ было гордо имъ отвергнуто, и всѣ, зная, что запасы въ Плевнѣ истощаются, ждали его попытокъ пробиться черезъ наши войска. Съ 25 ноября дѣйствія турецкой артиллеріи крайне ослабѣли, и стали замѣтны движенія и земляныя работы у рѣки Видъ, около ея моста. Развѣдчики Скобелева дали знать, что турки покидаютъ внутреннія укрѣпленія. Съ разсвѣтомъ 28 ноября цѣлая лавина гарнизона, правильными отрядами, съ заряженными пушками, охраняемыми стрѣлковыми отрядами, обрушилась на нашъ лѣвый флангъ, занятый гренадерами, подъ начальствомъ генерала Ганецкаго. Съ фанатическимъ отчаяніемъ, со штыками на-перевѣсъ, бросились турки на гренадерскіе окопы. Страшнымъ натискомъ, перебивъ нашихъ, они заняли нѣсколько траншей и даже взяли одну нашу батарею. Но прибывшія подкрѣпленія выбили ихъ отсюда. Бой кипѣлъ съ



Послѣдній бой подъ Плевной.

страшнымъ напряженіемъ. Самъ Османъ-паша былъ раненъ въ ногу. Турки заметались въ агоніи и пробовали было возвратиться въ свои покинутые редуты. Но было поздно: они уже заняты были нашими войсками. Стало очевиднымъ, что пробиться чрезъ наше желѣзное кольцо невозможно, и Османъ выкинулъ бѣлый флагъ. Онъ пытался было завести переговоры о пропускѣ чрезъ нашу линію, но ему была предложена безусловная сдача. Гордый защитникъ Плевны долженъ былъ покориться и сдать намъ въ плѣнъ свою сорокатысячную армію, съ знаменами, артиллеріей и другимъ оружіемъ. Государь императоръ пожелалъ видѣть Османа-пашу и, принявъ его милостиво, возвратилъ ему шпагу. Какъ видно на воспроизведенномъ рисункѣ, присутствовали при этомъ главнокомандующій и великій князь Сергѣй Александровичъ.

В. К. Сергѣй Александровичъ.

Паденіе Плевны освободило войска ея обложенія для дальнѣйшихъ движеній. Государь обратился къ великому князю главнокомандующему съ вопросомъ: „Что же ты хочешь дѣлать теперь?“ Николай Николаевичъ отвѣчалъ: „То, чего никто не ожидаетъ“, и предложилъ смѣлый планъ зимняго похода чрезъ Балканы. Войска обложенія, несмотря на вьюги и метели, совершили предъ Рождествомъ Христовымъ, и на самыхъ праздникахъ, поистинѣ суворовскіе переходы по обледенѣлымъ кручамъ Балканъ и не дали туркамъ собраться съ новыми силами.

Ранѣе другихъ, побѣдивъ неимовѣрныя трудности, перешелъ чрезъ Балканы западный отрядъ генерала Гурко. Разбивъ у Ташкисена турокъ и занявъ Арабъ-Конакъ, Гурко предъ Рождествомъ вступилъ въ Софію, гдѣ намъ досталось множество разнаго рода припасовъ и въ томъ числѣ 20.000 патроновъ съ надписями: „Въ Плевну“.

Къ отряду генерала Радецкаго присоединились, перешедши чрезъ Балканы по разнымъ перевалам, войска Скобелева и Святополка-Мирскаго и 27 и 28 декабря дали битву туркамъ, стоявшимъ

Османъ-паша предъ Императоромъ Александромъ II.

Храмъ-памятникъ, на южномъ склонѣ Балканъ, у Шипки.

у южнаго подножія Шипки и около перевала на Шейновскомъ полѣ большую битву и разбили ихъ на-голову. Армія Вессель-паши въ 32 тысячи человѣкъ съ артиллеріею (около 100 орудій) сдалась въ плѣнъ.

Прибывшій за Балканы главнокомандующій двинулъ западный отрядъ Гурко на Филиппополь, а восточный Радецкаго—на Адріанополь.

Въ январѣ 1878 года, разсѣявъ остатки турецкихъ войскъ, отряды наши быстро достигли своей цѣли и заняли тотъ и другой важные города и уже угрожали самому Константинополю.

Наслѣдникъ-цесаревичъ съ оставленными за Балканами войсками взялъ крѣпости Разградъ и Османъ-Базаръ.

На азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій къ этому времени мы, послѣ нѣсколькихъ побѣдъ, овладѣли Ардаганомъ, Баязетомъ и Карсомъ и уже стояли подъ Эрзерумомъ, столицей Арменіи.

Султанъ въ виду крайне стѣсненнаго положенія Турціи сталъ просить перемирія для переговоровъ о заключеніи мира.

Прежде, чѣмъ перейти къ этому послѣднему, мы должны обозрѣть дѣйствія нашихъ кавказскихъ войскъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Михаила Николаевича.

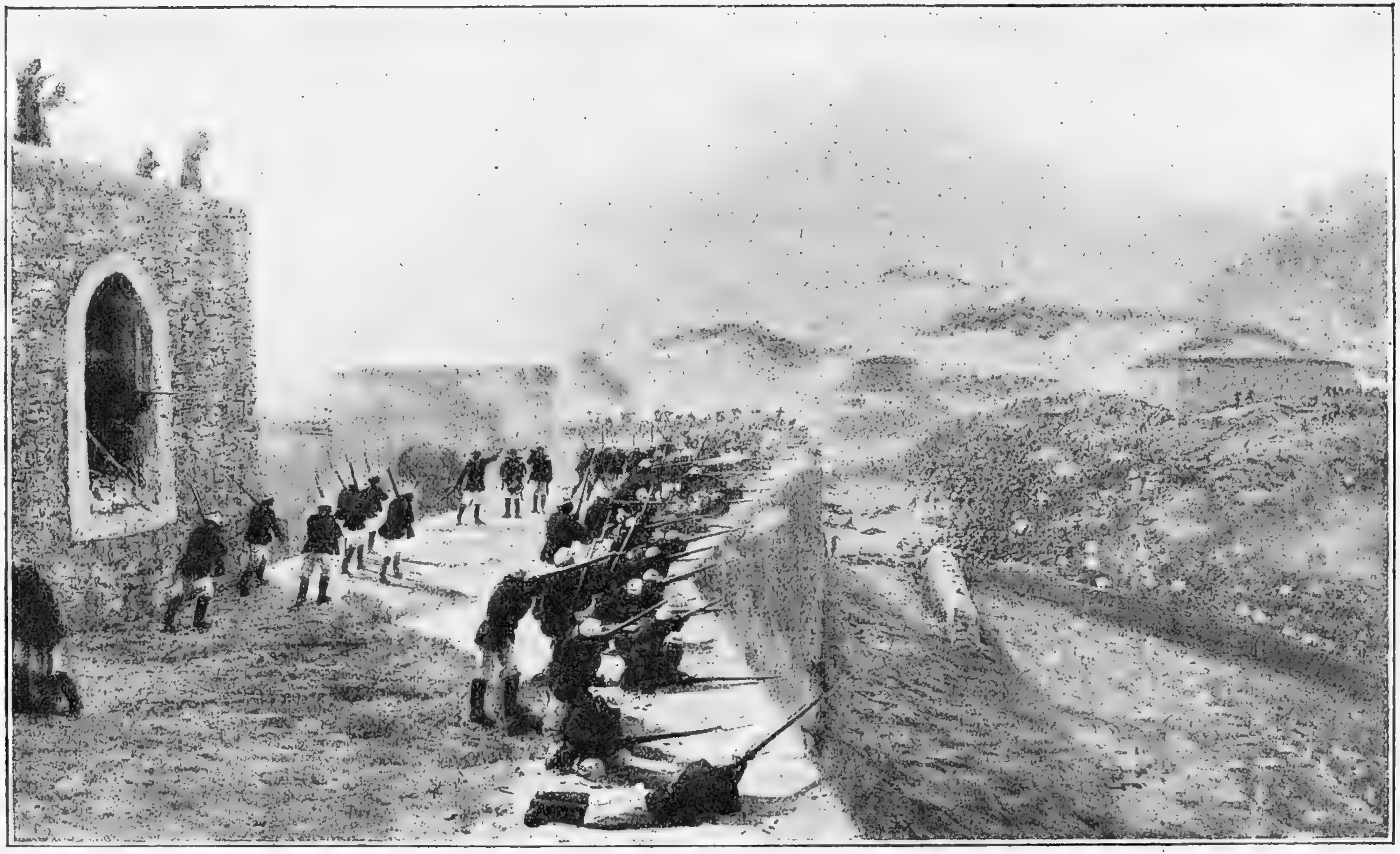
Наши военныя дѣйствія въ Азіатской Турціи начаты были также съ недостаточными силами, которыя пришлось притомъ раздроблять для защиты открытаго со времени Парижскаго трактата Черноморскаго побережья и для удержанія въ покорности магометанъ-горцевъ, среди которыхъ начали вспыхивать огоньки возстанія, особенно въ Дагестанѣ. Болѣе значительныя турецкія силы, находившіяся подъ главнымъ начальствомъ Мухтара-паши, не только не воспользовались своимъ количественнымъ превосходствомъ надъ нами, но и допустили наступательныя съ нашей стороны движенія, въ предположеніи, что мы сосредоточили большія силы на турецкой границѣ.

Пользуясь нерѣшительностью турокъ, генералъ Тергукасовъ 19 апрѣля занялъ Баязетъ, а 5 мая ахалцыхскій отрядъ взялъ сильную крѣпость Ардаганъ, откуда бѣжалъ пятитысячный турецкій отрядъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ 42 орудія и большой запасъ продовольствія. Наши войска подъ предводительствомъ генераловъ Геймана и Девеля подошли къ могущественному Карсу, чтобы начать его обложеніе. Но съ прибытіемъ къ Мухтару подкрѣпленій наши успѣхи остановились въ іюнѣ мѣсяцѣ, впредь до прибытія къ намъ крайне необходимыхъ подкрѣпленій. Въ эту пору отрядъ

Капитанъ Штоквичъ.

Геймана сдѣлалъ нападенія на укрѣпленную позицію Измаила-паши на Зевинскихъ высотахъ, но былъ отбитъ здѣсь съ большими потерями и долженъ былъ отступить къ русскимъ предѣламъ, а Мухтаръ-паша подошелъ къ Карсу и заставилъ насъ снять съ него осаду.

Въ эту пору горсть русскихъ храбрецовъ должна была выдерживать въ Баязетѣ подъ начальствомъ доблестнаго капитана Штоквича страшную осаду, которая удивила всю Россію чрезвычайными лишеніями и страданіями осажденныхъ. Въ окруженной непріятелями со всѣхъ сторонъ цитадели русскій отрядъ, за незначительнымъ количествомъ продовольствія, съ первыхъ же дней осады получалъ только половину установленнаго количества пищи; но скоро пришлось сократить выдачу ся на четверть; а подъ конецъ осады выдавалось на человѣка всего $1^1/_2$ фунта сухарей въ сутки. Одновременно приходилось терпѣть и мучительнѣйшую жажду. Турки отвели проведенную въ крѣпость изъ отдаленнаго источника воду. Приходилось внѣ цитадели, съ оружіемъ въ рукахъ, цѣною крови, добывать немного воды, чтобы не погибнуть отъ жажды. Въ полутораста саженяхъ отъ крѣпости находился ручей, къ которому приходилось проходить подъ выстрѣлами турокъ, что каждый разъ стоило слишкомъ большихъ потерь. Чтобы сократить ихъ, нужно было отправлять за водою охотниковъ ночью. Но каждый разъ одинъ или двое оставались мертвыми на дорогѣ. Однажды, къ несказанной радости осажденныхъ, пошелъ сильный дождь; гарнизонъ съ восторгомъ воспользовался этою благодатью: набрали воды во что только было возможно, даже въ обувь. Однако всѣ получали только по одному стакану въ день. Особенно же страдали раненые: отъ невозможности промывки самыя легкія раны дѣлались опасными, такъ какъ въ нихъ развивалась гангрена и размножались черви. Воздухъ былъ насыщенъ міазмами вслѣдствіе множества разлагавшихся въ окрестностяхъ труповъ. При такихъ-то мученическихъ условіяхъ существованія многострадальные герои Баязета не помышляли о сдачѣ. Только чрезъ шесть недѣль освободилъ ихъ пришедшій сюда генералъ Тергукасовъ.



Защита Баязета.

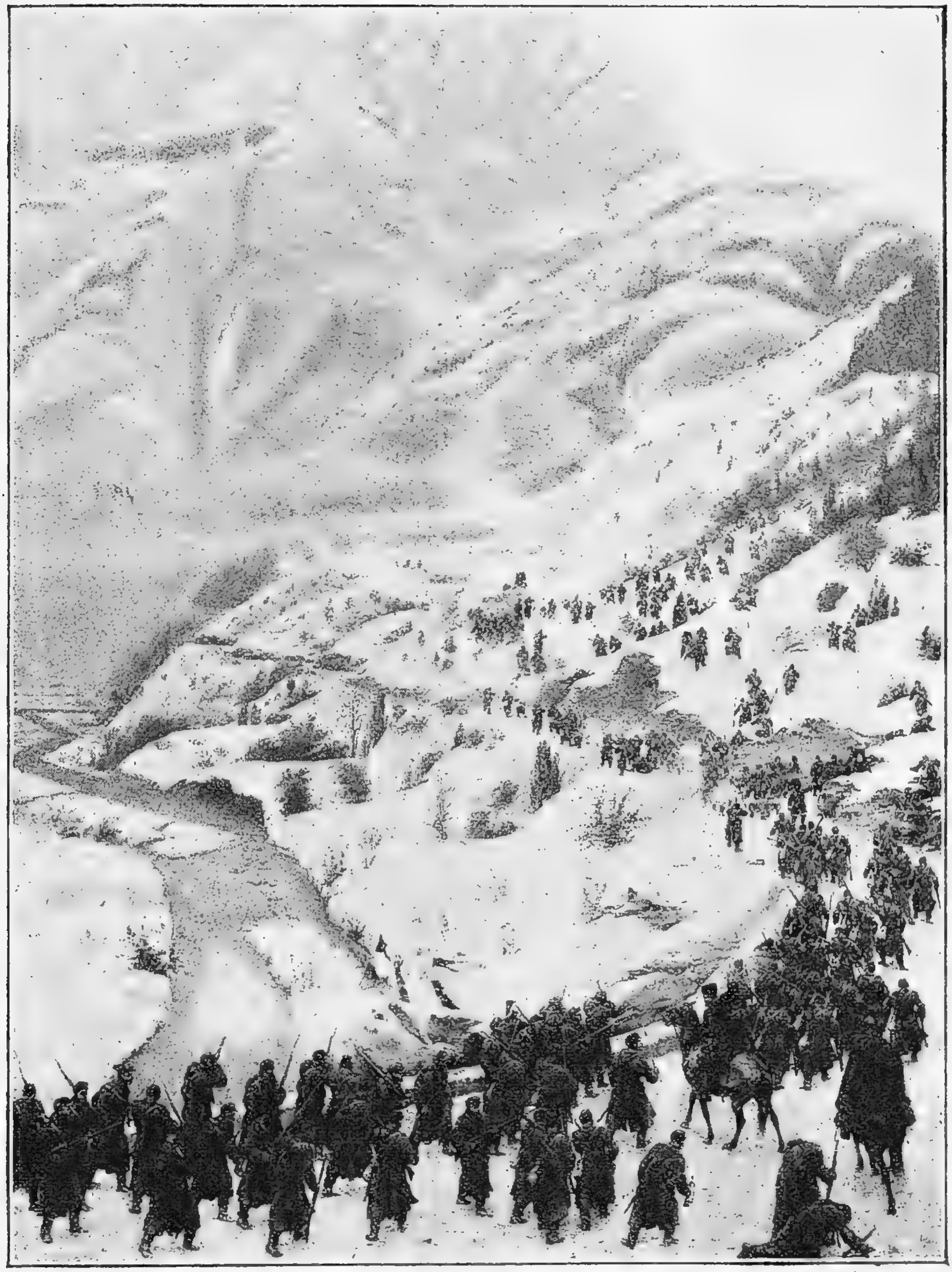
Съ картины *Лагоріо*.

Съ прибытіемъ на театръ военныхъ дѣйствій подкрѣпленій возобновилось наше наступленіе. Изъ этого періода войны наиболѣе важными событіями были наши побѣды на Аладжинскихъ высотахъ, штурмъ Карса и побѣда подъ Деве-Бойну вблизи Эрзерума.

Въ концѣ сентября главныя турецкія силы расположились у Авліяра подъ начальствомъ Омера-паши. Главнокомандующій въ обходъ этихъ войскъ двинулъ на путь ихъ отступленія генерала Лазарева, а 3 октября далъ приказаніе генералу Гейману начать битву у Авліяра. Погромивъ турокъ артиллерійскимъ огнемъ, онъ двинулъ свой отрядъ въ атаку, и наши подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ быстро взобрались на кручи Авліяра и выбили штыками съ его высотъ турокъ. Услыхавъ авліярскую пальбу, Лазаревъ двинулся на соединеніе съ Гейманомъ и выбилъ турокъ съ высотъ Визинкёва. Затѣмъ оба отряда вмѣстѣ напали на Малыя Ягны, а генералъ Роопъ опрокинулъ турокъ съ Аладжинскихъ высотъ. Самъ великій князь Михаилъ Николаевичъ пошелъ въ атаку на турокъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ и понесшая большія потери, армія Омера-паши, съ пушками и знаменами, сдалась въ плѣнъ, въ числѣ 7 пашей, 250 офицеровъ и 7000 солдатъ. Мухтаръ-паша и Измаилъ-паша бѣжали и 23 октября были разбиты при Деве-Бойну вблизи Эрзерума, а войска наши приступили къ обложенію этой столицы Арменіи.

Но раньше этого мы взяли ночнымъ штурмомъ Карсъ.

Обложеніе его было поручено великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ генералу Лазареву. Но такъ какъ осада столь сильной и обильно снабженной всѣмъ нужнымъ крѣпости слишкомъ затянулась бы, то главнокомандующій отдалъ приказъ взять ее штурмомъ. Лазаревъ раздѣлилъ свои войска на 7 колоннъ и четыре, наиболѣе сильныя въ морозную и лунную ночь, съ 5 на 6 ноября, двинулъ на три южныхъ наиболѣе важныхъ форта. Остальныя колонны для отвлеченія вниманія турокъ отъ главныхъ ударныхъ пунктовъ назначены были для ложныхъ, демонстративныхъ атакъ на остальныя второстепенныя укрѣпленія Карса. Осторожно подкрались наши войска къ главнымъ укрѣпленіямъ и встрѣчены были уже запоздалымъ огнемъ фортовъ. Въ 9-мъ часу вечера колонна князя Меликова ворвалась въ фортъ Сувари, переколола турокъ штыками и, захвативъ пушки, ударила въ тылъ ближайшему укрѣпленію. Другія колонны подъ начальствомъ генераловъ графа Граббе и Алхазова послѣ горячаго боя взяли два другія тоже сильныя укрѣпленія. Начальствовавшій же другими колоннами генералъ



Горный походъ въ Малой Азіи.

У Цареграда. Смотръ русскимъ войскамъ въ Сан-Стефано.

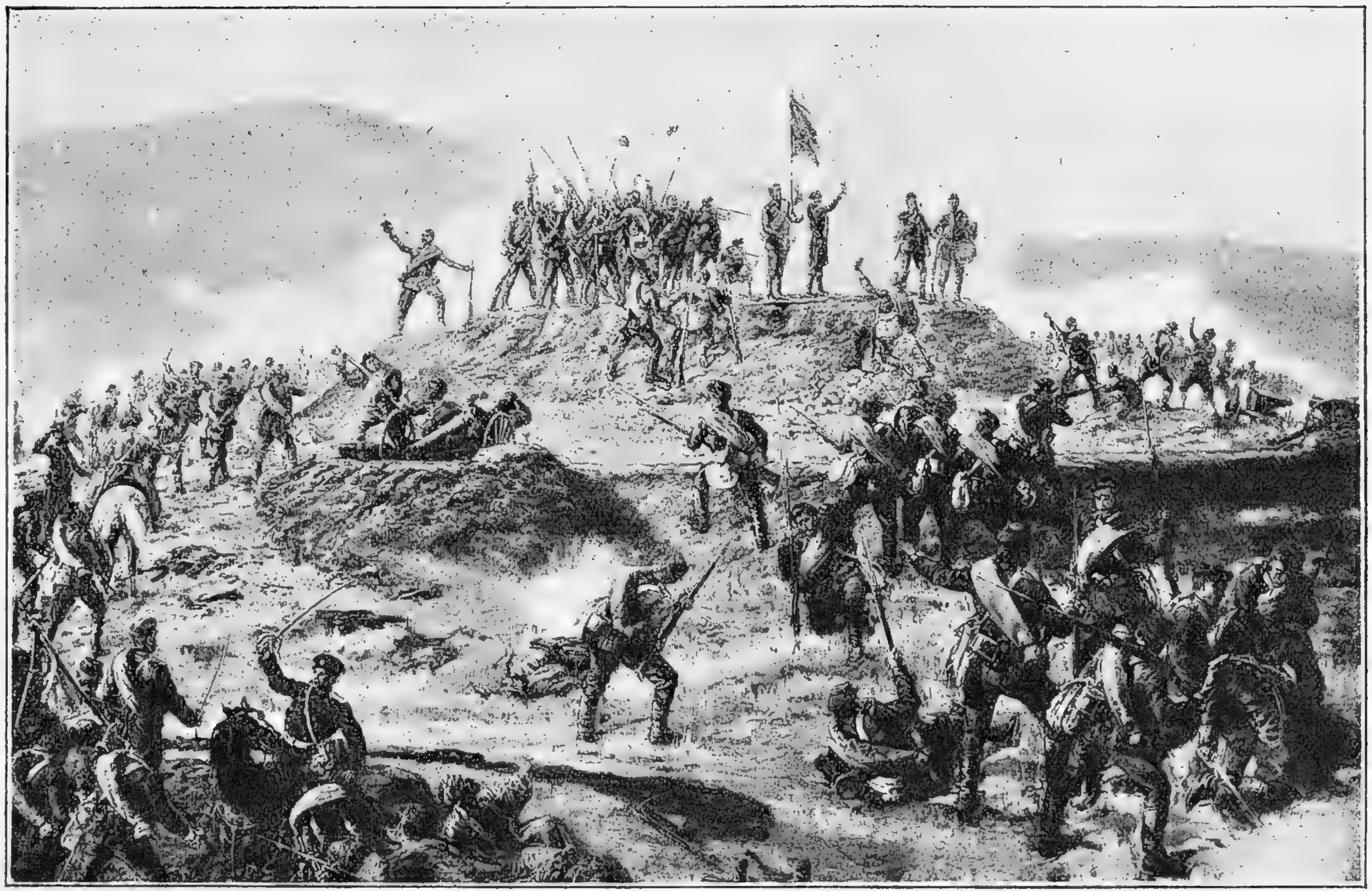
Съ картины *Шарлеманя.*

Роопъ не ограничился демонстраціей, а взялъ силою другія укрѣпленія. Взята была также и центральная цитадель. Къ разсвѣту турки пытались было бѣжать на эрзерумскую дорогу. Но наткнулись здѣсь на заранѣе поставленную кавалерію, скоро подкрѣпленную прибывшей пѣхотой. Турки положили оружіе и сдались въ плѣнъ: 5 пашей, 800 офицеровъ, 17.000 солдатъ, съ 303 пушками и множествомъ знаменъ. Взятіе Карса составило центральное событіе всей нашей борьбы на азіатскомъ театрѣ нашихъ дѣйствій и имѣло такое же значеніе, какъ взятіе Плевны въ Европейской Турціи. Послѣ пораженія турокъ подъ Деве-Бойну нашимъ войскамъ, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ суровой зимы, пришлось стоять подъ стѣнами Эрзерума, который былъ сданъ намъ уже по заключеніи перемирія.

Оно было заключено 19 января, и русскія войска, надѣясь на скорое заключеніе мира, начали было подумывать о возвращеніи на родину, но интриги Англіи стали сулить намъ затяжку войны. Послѣ плѣненія арміи Весселя-паши, англичане двинули свою средиземную эскадру подъ начальствомъ адмирала Горнби къ Дарданелламъ. Россія отвѣтила на это сформированіемъ четырехъ новыхъ дивизій и подвинула свои войска на югъ отъ Адріанополя. Когда же султанъ подписалъ предварительныя условія мира, англійская эскадра вступила уже въ самыя Дарданеллы, выставляя поводомъ для этого охрану англійскихъ подданныхъ. Въ виду такихъ шаговъ Англіи русскія войска еще дальше подвинулись къ Константинополю, что заставило англійскій флотъ отойти на 100 верстъ отъ турецкой столицы. Когда же султанъ согласился, чтобы главная квартира нашей арміи, для ускоренія переговоровъ о мирѣ, была перенесена въ Санъ-Стефано, въ 10 верстахъ отъ Царьграда, Горнби опять появился въ Дарданеллахъ, и, сверхъ того, на Мальту отправленъ былъ цѣлый англійскій корпусъ и прислана была Ламаншская эскадра.

Несмотря на это, турки 19 февраля подписали въ Санъ-Стефано почетный для русскихъ миръ. Съ нашей стороны мирный договоръ утвердилъ подписью великій князь Николай Николаевичъ Старшій вмѣстѣ съ графомъ Н. П. Игнатьевымъ.

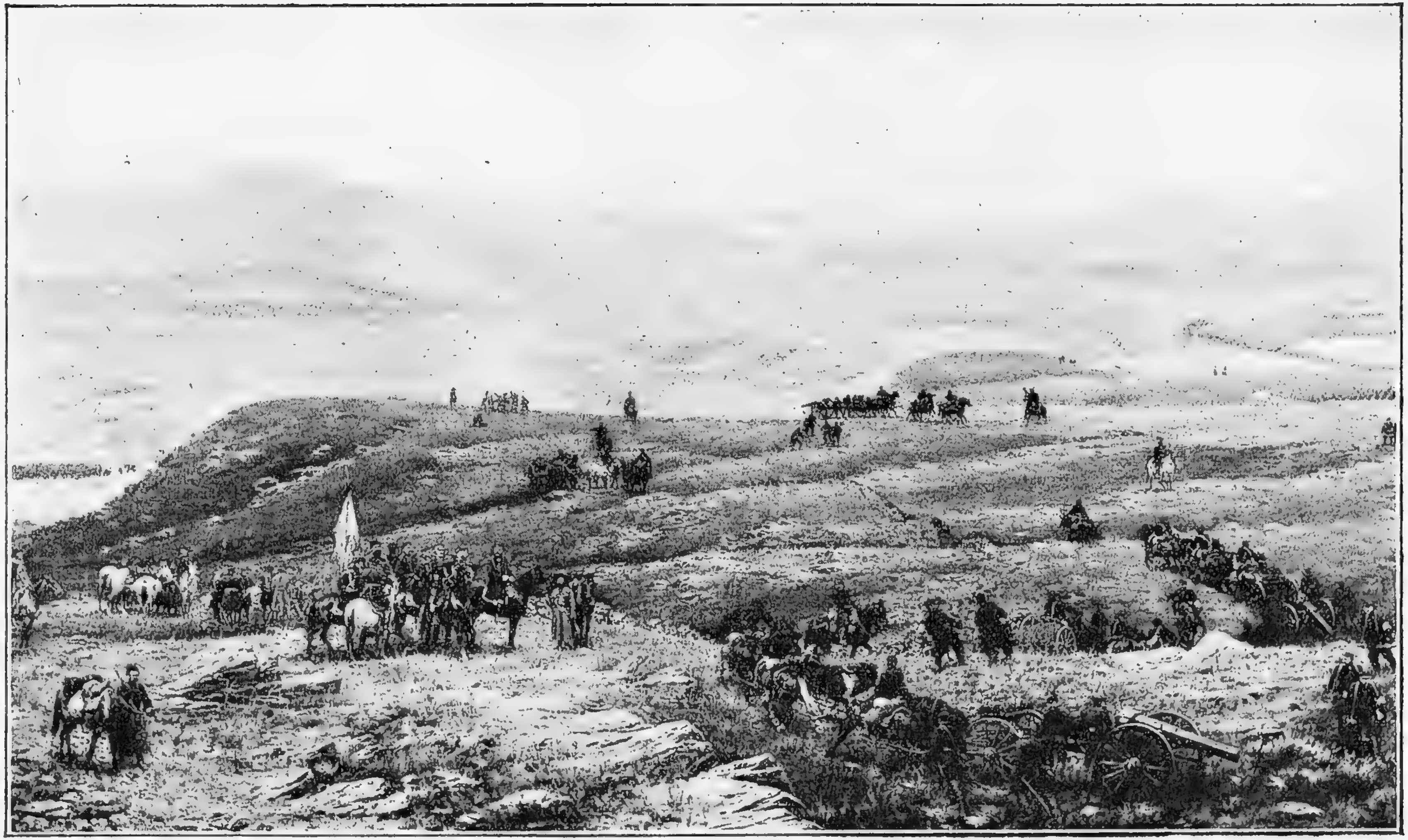
По этому мирному договору, Турція признала полную независимость Сербіи, Черногоріи и Румыніи, съ немаловажнымъ увеличеніемъ ихъ владѣній изъ турецкихъ земель. Болгарія должна была составить большое, отъ Дуная до Эгейскаго моря, княжество съ платой, однако, за восточную Румелію небольшой дани Оттоманской



На Авліярѣ.

Портѣ; въ Босніи и Герцеговинѣ султанъ обязывался дать, вмѣсто магометанской, христіанскую администрацію, съ полнымъ самоуправленіемъ. Турція уступала Россіи Добруджу съ устьями Дуная и, кромѣ того, должна была уплатить за военныя издержки весьма значительныя денежныя суммы.

Но зависть Англіи къ возросшему вліянію Россіи на ближнемъ востокѣ и желаніе Австріи поживиться на счетъ славянъ Балканскаго полуострова создали дипломатическую интригу противъ Россіи. Англія и Австрія, побрякивая оружіемъ, стали грозить намъ европейскою войною. Вторая подъ тѣмъ предлогомъ, что статьи Санъ-Стефанскаго мира нарушаютъ постановленія Парижскаго конгресса, потребовала, чтобы добытый нашей кровью и нашими побѣдами договоръ былъ пересмотрѣнъ державами. Князь Бисмаркъ, предложившій посредничество Германіи, направилъ свое, какъ онъ говорилъ, „честное маклерство“ въ пользу Австріи и Англіи и склонилъ нашу дипломатію нести Санъ-Стефанскій миръ на Берлинскій конгрессъ, гдѣ представитель Англіи, скрытно воевавшей съ Россіей за Турцію, лордъ Бэконсфильдъ, вмѣстѣ съ дипломатомъ Австріи венгерцемъ Андраши, безъ всякаго противодѣйствія „честнаго маклера“ Бисмарка, урѣзали пріобрѣтенныя нами выгоды въ пользу свою и Турціи и во вредъ славянамъ. Намѣченныя въ нашемъ договорѣ границы Сербіи, Черногоріи и Болгаріи были весьма значительно сокращены. Предположенная въ предѣлахъ ея племеннаго единства Болгарія была не только урѣзана (въ македонскихъ земляхъ), но и раздроблена на двѣ части: Дунайскую и Забалканскую (Восточная Румелія); первая составила вассальное по отношенію къ Турціи княжество, а вторая—турецкую провинцію, впрочемъ, съ христіанскимъ генералъ-губернаторомъ. Боснія и Герцеговина „ни за что“ были отданы во временное управленіе (съ занятіемъ войсками) Австро-Венгріи, не пролившей ни одной капли крови, а только занимавшейся интригами противъ Россіи. Англія пріобрѣла островъ Кипръ. Конгрессъ настоялъ на возвращеніи Баязета Турціи, а Батумъ оставлялся за Россіей, подъ условіемъ, чтобы онъ не былъ обращенъ въ крѣпость, а былъ только коммерческимъ портомъ. По особому соглашенію Россіи съ Румыніей, уступленная намъ Добруджа отдана была послѣдней, отказавшейся въ нашу пользу отъ той части Бессарабіи, которая была отрѣзана отъ насъ по Парижскому трактату. Такое отношеніе западныхъ державъ къ Россіи, возбудивъ въ народѣ сильное недовольство, проложило путь болѣе самостоятельному, чисто націо-



На Аладжинскихъ высотахъ.
Съ карт. *Кившенко.*

нальному направленію нашей иностранной политики въ послѣдующее царствованіе, мало уступавшее притязаніямъ Западной Европы. Впрочемъ, наши войска до подписанія Берлинскаго трактата продолжали оставаться, на всякій случай, на Балканскомъ полуостровѣ. Часть ихъ пребывала тамъ и послѣ, до окончанія гражданскаго устройства Болгаріи (сперва подъ руководствомъ князя Черкасскаго, а потомъ князя Дондукова-Корсакова).

Въ апрѣлѣ великій князь Николай Николаевичъ уѣхалъ изъ Санъ-Стефано и обратился къ нашей арміи съ слѣдующимъ знаменательнымъ приказомъ:

„По волѣ Государя Императора, я отъѣзжаю изъ арміи и передаю командованіе надъ нею генералъ-адъютанту Тотлебену, которому и вступить въ отправленіе должности главнокомандующаго съ 17 числа сего апрѣля. Доблестныя войска дѣйствующей арміи! Семнадцать мѣсяцевъ переживалъ я съ вами труды и лишенія походной жизни, а ровно годъ опасности и славу боевого похода. Въ теченіе этого времени я былъ свидѣтелемъ того беззавѣтнаго выполненія всѣми чинами арміи долга, среди самой тяжелой обстановки похода, и той безпримѣрной храбрости и самопожертвованія, которыя навѣки составятъ гордость всей Земли Русской. Не разъ высказывалъ я и мою задушевную благодарность и мое удивленіе вамъ — войска дѣйствующей арміи. Съ болью въ сердцѣ разстаюсь я съ вами, мои дорогіе боевые сотоварищи, и еще разъ считаю своимъ священнымъ долгомъ выразить всѣмъ вамъ мою сердечную

За русско-турецкую войну.

благодарность за вашу многотрудную и полную славы и гордости для всей Россіи службу...“ Далѣе въ приказѣ идетъ поименная благодарность всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, командирамъ корпусовъ и начальникамъ отдѣловъ управленія дѣйствующей арміей. „Искренно благодарю всѣхъ начальниковъ... Особенное, сердечное и искреннее спасибо тебѣ, русскій солдатъ; ты не зналъ ни преградъ, ни лишеній, ни опасности. Безропотно, безостановочно шелъ ты въ грязи и въ снѣгу, въ жару и холодъ, черезъ рѣки и пропасти, черезъ долы и горы и безстрашно бился съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ ни встрѣтился. Для тебя не было невозможнаго на пути, который тебѣ указывалъ начальникъ. Тебѣ честь, тебѣ слава, добытыя кровью и пóтомъ Россіи, бившейся за освобожденіе угнетенныхъ христіанъ. Я горжусь и всегда буду гордиться тѣмъ, что мнѣ пришлось командовать такою славною арміею. Только надломленное здоровье мое принуждаетъ меня оставить васъ ранѣе общаго возвращенія на родину. Но, разставаясь съ вами, я счастливъ, что, по волѣ Государя Императора, передаю васъ въ мощныя руки героя Севастополя и Плевны генералъ-адъютанта Тотлебена. Если понадобится вести васъ въ бой, онъ поведетъ васъ къ побѣдамъ, а вы съ своей стороны дадите ему всю ту беззавѣтную рѣшимость и мужество, которыя проявили во все время моего командованія и которымъ удивлялась вся Россія и весь міръ“.

VI.

Уже въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, до освобожденія крестьянъ, Россія дѣлается ареной революціонной агитаціи, направляемой изъ-за границы въ среду учащейся молодежи, а потомъ крестьянъ и рабочихъ. Главнымъ за границей очагомъ революціонной агитаціи сначала былъ въ Англіи Лондонъ, гдѣ поселился эмигрантъ Герценъ (Искандеръ), издававшій здѣсь журналы: „Полярную Звѣзду“, „Колоколъ“ и революціонныя брошюры. Сотрудниками его были Огаревъ, Бакунинъ и другіе. Сперва онъ пропагандировалъ старыя революціонныя преданія декабристовъ въ духѣ первой французской революціи. Но съ теченіемъ времени, когда правительство повело реформы и самое управленіе въ очень либеральномъ духѣ, Герценъ свое революціонное отношеніе къ Россіи усилилъ проповѣдью тѣхъ радикальныхъ ученій, которыя стали развиваться на Западѣ со второй французской революціи, т.-е. соціализмъ и крайній матеріализмъ. Эти идеи находили себѣ послѣдователей въ средѣ молодежи: университетскихъ профессоровъ, въ родѣ Чернышевскаго, литераторовъ, въ родѣ Писарева, Антоновича, Михайлова, Елисѣева, Благосвѣтлова и другихъ, и особенно среди учащихся, которымъ, при скудости ихъ образованія и горячности молодости, тенденціи Лассаля, Маркса, Бюхнера, Молешотта, Фейербаха, Макса Штирнера, Бокля, Дарвина и другихъ радикальныхъ писателей, не имѣвшихъ господствующаго значенія на Западѣ, казались послѣдними и непререкаемыми словами науки и прогресса. То, чему наши „постепеновцы“ сочувствовали теоретически, молодежь, быстро переходя на практическую почву, стала обращать въ революціонную пропаганду среди народа, которому навязываемы были прокламаціи, журналъ „Земля и Воля“ и подобныя подпольныя изданія. Но не всѣ революціонеры довольство-

вались такою „народническою“ пропагандою; многіе изъ нихъ переходили къ попыткамъ прямого бунтарства и террористическихъ дѣйствій, которыми руководили подпольныя общества. Для многихъ революціонныя дѣйствія того и другого рода были дѣломъ увлеченій неопытной или озлобленной молодости. Но есть не мало данныхъ, что революціонныя организаціи заводились совнѣ, руками, чуждыми совсѣмъ Россіи и направленными къ расшатыванію ея могущества, Только по временамъ высовывались у насъ эти руки въ революціонномъ движеніи: изъ какихъ-то западно-европейскихъ революціонныхъ (вѣроятно, масонскихъ) сообществъ и изъ польской справы. Мы уже привели выше (стр. 76) планы польскаго диктатора относительно революціонированія Россіи. Но ихъ исполненіе въ нѣкоторой, сперва осторожной, формѣ можно наблюдать въ участіи у насъ поляковъ въ студенческихъ движеніяхъ 1857 и 1861 годовъ и въ сношеніяхъ Герцена съ польскимъ „народовымъ жондомъ“. Уже это указываетъ на то, что наши революціонеры не только подражали полякамъ въ устройствѣ подпольныхъ сообществъ, въ революціонной пропагандѣ, даже въ террористическихъ покушеніяхъ (см. стр. 80), но и находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ поляками. При всей ихъ хитрости, уже въ первыхъ судебныхъ процессахъ по революціоннымъ преступленіямъ, начинаютъ мелькать имена разныхъ поляковъ, то ссыльныхъ, то находившихся на свободѣ. Такъ еще до начала польскаго мятежа въ 1862 году Варшавскій жондъ поручаетъ офицеру гвардейской конной артиллеріи Подлевскому заняться организаціей русскихъ революціонеровъ. Іосафатъ Огрызко отъ имени „русскаго центральнаго революціоннаго комитета“, подъ фирмой „Земля и Воля“, издававшаго упомянутыя „золотыя грамоты“, передалъ въ Варшаву его обѣщаніе „вліять на общественное мнѣніе въ пользу польскаго дѣла“. Въ дѣлѣ каракозовцевъ упоминаются сношенія съ нашими революціонерами поляковъ: Оржеховскаго, Домбровскаго, Верницкаго, Юндзилла, Адамовича, Маевскаго, Шестаковича и другихъ (они, между прочимъ, снабжали боевыхъ революціонеровъ сильнодѣйствующими ядами). Рядомъ съ возникшимъ въ Москвѣ террористическимъ сообществомъ „Адъ“, изъ коего вышелъ Каракозовъ, существовала здѣсь и польская агентура подъ названіемъ „Narodowa opieka (народная опека)“.

Но вызванное польскимъ мятежомъ національно-патріотическое движеніе, само, безо всякихъ репрессивныхъ мѣръ, остановило у насъ революціонное броженіе: свои, а особенно польскіе смутьяны попрятались до поры до времени.

Только чрезъ два года, 4 апрѣля 1866 года, раздался въ Петербургѣ, у Лѣтняго сада, выстрѣлъ Каракозова въ императора Александра II, не достигшій цѣли потому, что костромской крестьянинъ Комиссаровъ успѣлъ схватить цареубійцу за руку, отчего произошелъ промахъ. Это покушеніе на жизнь государя, притомъ столь гуманнаго, вызвало страшное негодованіе всего народа и даже нѣкоторое отрезвленіе „постепеновцевъ“ и теоретическихъ радикаловъ, двусмысленно относившихся къ террору.

11 апрѣля государь принималъ въ Зимнемъ дворцѣ депутацію отъ дворянства, другихъ сословій и разныхъ учрежденій съ ихъ патріотическими адресами и при этомъ сказалъ: „Я глубоко тронутъ выраженіями чувствъ преданности, которыя стекаются ко мнѣ со всей Россіи: въ этихъ чувствахъ я не сомнѣвался никогда, а въ настоящемъ случаѣ они служатъ мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ. Въ охраненіи дней моихъ я вижу Божію волю и съ новыми силами буду продолжать трудиться для блага Россіи, которую люблю выше всего. Все, что ни дѣлается, дѣлается къ лучшему, и я теперь достойно награжденъ за всѣ мои труды и за безпредѣльную любовь къ Россіи“... Прерванный восторженными криками „ура“, государь продолжалъ: „Благодарю васъ. Я увѣренъ, что вы сохраните мнѣ вашу любовь и преданность навсегда, а когда меня не станетъ, перенесете ихъ на моего наслѣдника“ (при этомъ онъ обнялъ и поцѣловалъ стоявшаго около него цесаревича Александра Александровича). „Господь да сохранитъ васъ надолго, государь. Вся Россія молитъ Его объ этомъ!“ раздалось по залѣ. Растроганный государь сказалъ: „Благодарю васъ за ваши молитвы, благодарю васъ за ваши чувства. Я постоянно молю Бога за Россію, за всѣхъ васъ. Молю, чтобы Онъ даровалъ мнѣ силы продолжать начатое дѣло“.

Назначена была слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ М. Н. Муравьева, скоро, впрочемъ, умершаго, для разслѣдованія путей крамолы. Но борьба съ ней ограничилась закрытіемъ нѣкоторыхъ легальныхъ, но по духу революціонныхъ изданій (напр., были запрещены журналы „Современникъ“, „Русское Слово“, а Чернышевскій былъ сосланъ въ Сибирь, откуда пытались освободить его революціонеры и проч.).

Государь, вѣрный своему слову, продолжалъ свои реформы. Крамола же не думала оставить свою преступную дѣятельность.

Въ слѣдующемъ 1867 году ея органомъ, на пути къ цареубійству, на смѣну русскому преступнику, является уже природный полякъ. Государь въ маѣ указаннаго года прибылъ въ столицу

Памятникъ Царю-Освободителю въ Москвѣ.

По плану *П. В. Жуковскаго* (сына поэта).

Франціи, чтобы видѣться съ Наполеономъ III и посѣтить устроенную въ Парижѣ всемірную выставку. 25 мая, когда нашъ государь проѣзжалъ въ Булонскомъ лѣсу, полякъ Березовскій сдѣлалъ въ него выстрѣлъ, по счастію, также неудачный. Это было мщеніемъ поляковъ за усмиреніе польскаго возстанія. Французскіе же присяжные засѣдатели, осудивъ преступника, дали, однако, ему снисхожденіе; многія газеты при этомъ высказались въ пользу поляковъ и противъ Россіи...

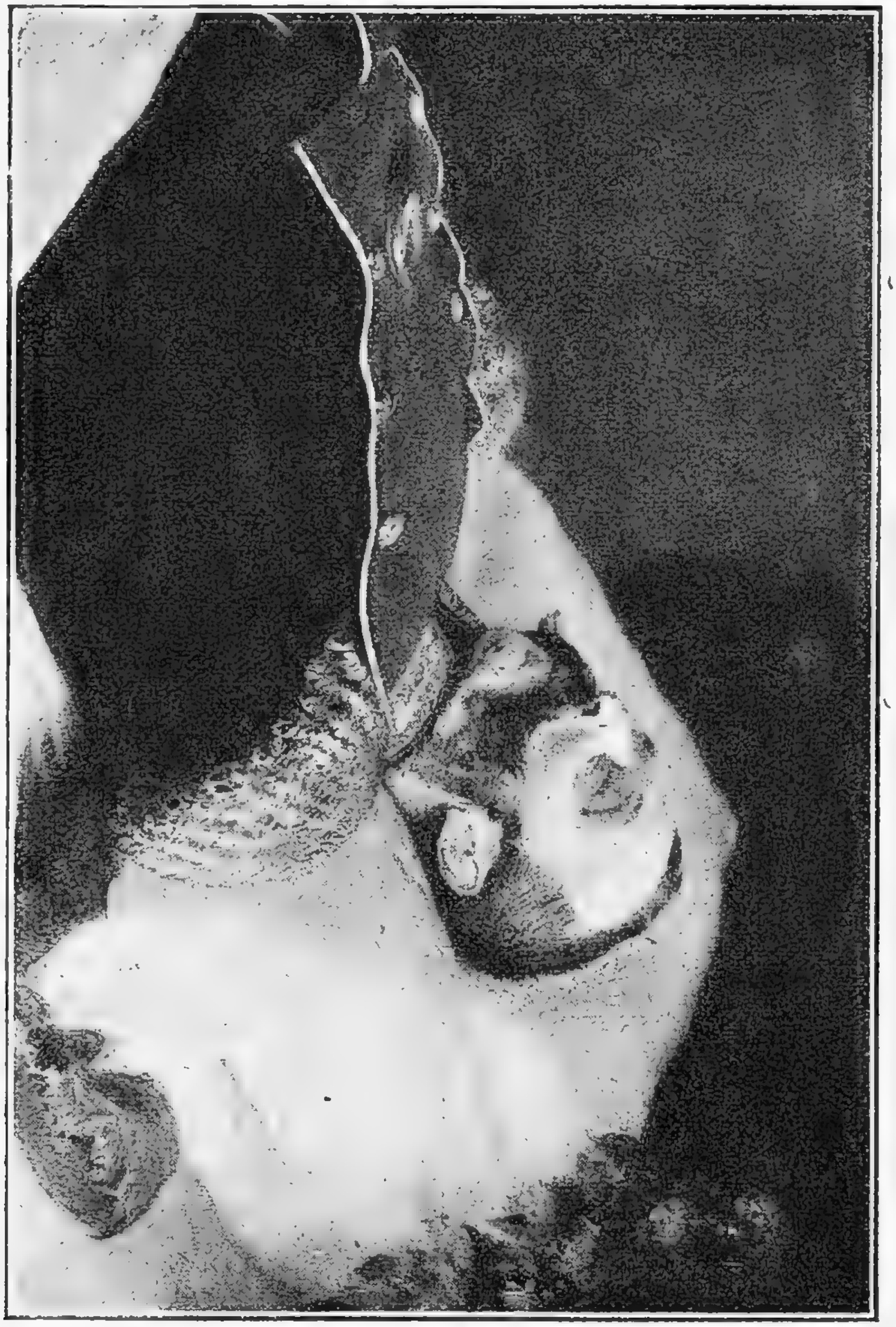
Послѣ этого террористическіе акты на время какъ будто затихли, но пропаганда и волненія въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и подпольная революціонная работа, продолжались. Во время славянскаго движенія, предъ нашей войною съ Турціей, какъ будто для того, чтобы помѣшать подъему патріотическаго духа и окуражить западныхъ враговъ Россіи, заправители смуты устроили революціонную демонстрацію на площади предъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ, съ красными флагами и мятежными возгласами. Но это выступленіе нисколько не смутило ни народъ, ни войско, на что, очевидно, разсчитывали смутьяны.

По окончаніи войны, когда берлинскій трактатъ угнетающимъ образомъ повліялъ на народное сознаніе, крамола подняла голову, и съ 1878 года начатъ былъ цѣлый рядъ террористическихъ покушеній на жизнь правительственныхъ лицъ и въ особенности на священную особу государя. Въ эту пору въ революціонныхъ конспираціяхъ начинаютъ принимать участіе и другіе инородцы Россіи: евреи, грузины, армяне и проч. Сигналомъ къ новымъ убійствамъ подала 24 января 1878 года Вѣра Засуличъ, покушавшаяся на жизнь петербургскаго градоначальника Трепова. Присяжные ее оправдали при рукоплесканіяхъ избранной публики. Угаръ былъ настолько великъ, что какой-то молодой человѣкъ, сидя на козлахъ кареты, въ которой везли Засуличъ, въ честь ея застрѣлился. Въ 1879 году 2 апрѣля опять въ Петербургѣ совершилъ покушеніе на его жизнь Соловьевъ. Въ томъ же году Гартманъ, во время проѣзда государя изъ Крыма, устроилъ подъ Москвою, подъ полотномъ желѣзной дороги, взрывъ, къ счастію, не имѣвшій гибельныхъ послѣдствій. Правительство начинаетъ принимать мѣры для борьбы съ революціонными элементами: учреждаются новыя генералъ-губернаторства съ особыми полномочіями и проч. Тѣмъ не менѣе, крамола усиленно продолжала свои кровавыя дѣйствія. Когда же 5 февраля 1880 года устроенъ былъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, подъ столовой государя, разсчитанный на гибель царской

семьи и стоившій жизни находившемуся здѣсь въ первомъ этажѣ караулу, учреждена была верховная распорядительная комиссія, во главѣ которой былъ поставленъ Лорисъ-Меликовъ, выдвинувшійся, какъ въ русско-турецкой войнѣ, такъ и мѣропріятіями противъ эпидеміи, появившейся на нижней Волгѣ, особенно въ Ветлянкѣ (она была сочтена за чуму). Облеченный чрезвычайными полномочіями для борьбы съ крамолой, онъ думалъ уничтожить ее мѣрами снисхожденія („диктатурой сердца“) и успокоить общество продолженіемъ реформъ и даже значительнымъ дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ, до измѣненія основныхъ началъ нашего государственнаго строя включительно. Наставшее затишье, выразившееся во временномъ прекращеніи террористическихъ дѣйствій, онъ счелъ за эру полнаго успокоенія, склонилъ государя закрыть верховную распорядительную комиссію и былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, безъ всякихъ особыхъ полномочій. Популярность и вліяніе Лорисъ-Меликова въ ту пору были очень велики, и многіе уже думали, что мы возвратились къ тому времени, когда покушеній у насъ не было. Но оптимистовъ ждало страшное разочарованіе.

1 марта 1881 года въ $2^1/_2$ часа пополудни государь, возвращаясь изъ Михайловскаго дворца, проѣзжалъ въ каретѣ по набережной Екатерининскаго канала, какъ вдругъ стоявшій на тротуарѣ человѣкъ бросилъ подъ экипажъ бомбу: послѣдовалъ взрывъ, сильно повредившій карету, поранившій лошадей, казака и случайно проходившаго мальчика. Преступникъ былъ схваченъ. Государь вышелъ изъ кареты невредимымъ и на вопросъ бросившихся къ нему съ вопросомъ: „Что съ нимъ?“ отвѣчалъ: „Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...“ и онъ съ глубокимъ волненіемъ указалъ на раненыхъ. Злодѣй, какъ оказалось, мѣщанинъ Рысаковъ, дерзко сказалъ: „Еще слава ли Богу?“ Государь, движимый состраданіемъ къ раненымъ, направился къ нимъ. У самыхъ ногъ его послѣдовалъ новый оглушительный взрывъ. Густой дымъ и разнаго рода осколки и обрывки на мгновеніе густою мглою закрыли все пространство. Лишь только это разсѣялось, открылась ужасающая картина: между раненыхъ и убитыхъ (ихъ было 18) лежалъ и самъ государь. Онъ прислонился спиною къ рѣшеткѣ канала и упирался руками въ панель, залитую его кровью, и тяжело дышалъ. Ноги страдальца были раздроблены, израненное лицо его было въ крови... Вокругъ валялись обожженные и разорванные клочья его окровавленной одежды и куски тѣла. Раненый около него полковникъ Дворжицкій услыхалъ тихій призывъ: „Помоги“... Государь отеръ лицо платкомъ и сказалъ: „Холодно, холодно“... Окру-

жающіе вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ понесли его къ санямъ. Братъ спросилъ, слышитъ ли онъ его. Государь отвѣтилъ: „Слышу“ и сказалъ: „Скорѣе... во дворецъ... тамъ... умереть“... Въ 3 часа 35 минутъ царствен-



Императоръ Александръ II на смертномъ одрѣ.

ный мученикъ тихо скончался, въ присутствіи своего наслѣдника и великихъ князей...

Неописуемо было горе народа, безгранично любившаго кроткаго Царя-Освободителя. Всѣ, даже тѣ, кто вели оппозицію его гуманному правленію, ощущали позоръ отъ того, что не уберегли такого

великодушнѣйшаго изъ монарховъ и волновались отъ гнѣва на ничѣмъ не вызванное злодѣяніе, столь предательски совершенное. Устыдились и тѣ, кто снисходительно относились къ крамолѣ, ожидая, что она побудитъ-де государя „увѣнчать зданіе своихъ реформъ конституціей“... Замогильнымъ для нихъ укоромъ звучала вѣсть, что онъ уже за нѣсколько дней до своей смерти письменно изъявилъ согласіе на призывъ выборныхъ людей къ участію въ выработкѣ

Могила Александра II въ Петропавловскомъ соборѣ.

законодательства... Отъ цареубійства революція въ Россіи ничего не пріобрѣла...

Такъ исполнились предреченія поэтовъ при самомъ рожденіи Александра Николаевича: „онъ испилъ до дна ему назначенную чашу“, когда

Затмился сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглою,
И грянулъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святою;
Духъ необузданной свободы
Тогда возсталъ противъ властей...

Храмъ Воскресенія на мѣстѣ катастрофы 1-го марта 1881 года.

Русская земля на народныя лепты воздвигла Царю-Освободителю цѣлый рядъ величественныхъ памятниковъ. Одинъ изъ нихъ стоитъ на Кремлевской площади Москвы; лицо государя обращено къ мѣсту его рожденія и крещенія. На мѣстѣ же его мученичества, на самой крови его, воздвигнутъ дивный храмъ Воскресенія. Но, по вѣщему выраженію поэта (еще задолго до нашей войны для освобожденія славянъ отъ магометанскаго ига), „слово Царь-Освободитель“ должно было за „русскій выступить предѣлъ“, и тѣ, кто болѣе другихъ славянъ были сбязаны своимъ освобожденіемъ, своей независимой политической жизнью государственному мечу этого благожелательнѣйшаго изъ царей, именно болгары, воздвигли ему памятникъ въ своей столицѣ Софіи... Оцѣнка дѣяній этого монарха не закончена исторіей, и еще не все должное воздано ему здѣсь, на землѣ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Рожденіе императора Александра II.—Дружныя привѣтствія ново-рожденному со всѣхъ сторонъ.—Вѣщій элементъ въ этихъ привѣтствіяхъ.—Заботы императора Николая о тщательномъ воспитаніи и образованіи своего первенца.—Мердеръ и Жуковскій.—Образовательное путешествіе цесаревича по Россіи и за границей.—Его женитьба и занятія государственными дѣлами.—Восшествіе на престолъ 5

II. Реформы императора Александра II.—Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.—Земское и городское самоуправленіе.—Судебная реформа и другія преобразованія.—Просвѣщеніе и Церковь 23

III. Миролюбіе Александра II и военныя дѣйствія на Кавказѣ противъ тамошнихъ горцевъ.—Покореніе восточнаго и западнаго Кавказа.—Наши походы въ Средней Азіи. — Присоединеніе Амурскаго края и дѣла на Дальнемъ Востокѣ 53

IV. Вопросы о западныхъ окраинахъ, польской и финляндской.—Благожелательныя отношенія императора Александра II къ полякамъ.—Начало ихъ волненій и реформы на польской окраинѣ.—Польскій мятежъ и вмѣшательство въ это внутреннее дѣло западныхъ державъ.—Патріотическіе протесты противъ этого.—Усмиреніе мятежа въ Литвѣ и Польшѣ.—Финляндія, возстановленіе въ ней сейма и другія реформы, давшія толчокъ сепаратизму на этой окраинѣ 74

V. Иностранная политика Александра II, его миролюбіе и невмѣшательство въ общеевропейскія дѣла.—Сближеніе съ Пруссіей послѣ усмиренія польскаго мятежа и нашъ дружественный по отношенію къ ней нейтралитетъ во время войнъ ея съ Даніей, Австріей и Франціей.—Введеніе у насъ общеобязательной воинской повинности послѣ разгрома Пруссіей Франціи. — Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи и славянское движеніе противъ Турціи на Балканскомъ полуостровѣ.— Сербско-турецкая война и наша война съ Турціей 1877—1878 гг.—Подвиги русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ и на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.—Санъ-Стефанскій договоръ и Берлинскій конгрессъ 93

VI. Революціонные происки отвнѣ и внутри.—Террористическіе акты и цареубійственныя покушенія.—Мученическая кончина государя и народные ему памятники. 144

СПИСОКЪ СВѢТОВЫХЪ КАРТИНЪ.

1. Императоръ Александръ II въ концѣ царствованія.
2. — въ срединѣ царствованія.
3. — въ началѣ царствованія.
4. — въ дѣтствѣ.
5. — въ отрочествѣ.
6. — въ юности.
7. Николаевскій дворецъ, гдѣ родился Александръ II.
8. Занятія цесаревича съ В. А. Жуковскимъ.
9. Въ крестьянской избѣ.
10. В. А. Жуковскій.
11. К. К. Мердеръ.
12. Императоръ Николай I благословляетъ сына на царство.
13. Предъ могилой родителя.
14. Императрица Марія Александровна.
15. Цесаревичъ Николай Александровичъ.
16. Цесаревичъ Александръ Александровичъ.
17. Цесаревна Марія Ѳеодоровна.
18. Александръ II въ своемъ кабинетѣ.
19. Александръ II въ Кремлевскомъ дворцѣ говоритъ дворянамъ о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ.
20. Перо, которымъ подписанъ манифестъ 19 февраля 1861.
21. Предъ освобожденными крестьянами на Дворцовой площади.
22. Генералъ-адъютантъ Ростовцевъ.
23. Князь В. А. Черкасскій.
24. Н. А. Милютинъ.
25. Ю. Ѳ. Самаринъ.
26. Канцлеръ князь Горчаковъ.
27. Д. А. Милютинъ.
28. Графъ Д. А. Толстой.
29. Взятіе въ плѣнъ Шамиля.
30. Гунибъ-дагъ.
31. Князь Барятинскій.
32. Медаль за покореніе Чечни и Дагестана.
33. Намѣстникъ Кавказа великій князь Михаилъ Николаевичъ.
34. Графъ Евдокимовъ.
35. Медаль за покореніе Кавказа.
36. Карта Средне - Азіатскихъ владѣній.
37. Русскій походъ въ Средне-Азіатскихъ степяхъ.
38. М. Г. Черняевъ.
39. Генералъ-адъютантъ Кауфманъ.
40. Наши войска передъ Хивой.
41. Медаль за покореніе Хивы.
42. Могила Тамерлана въ Самаркандѣ.
43. Штурмъ Геокъ-Тепе.
44. Типы ахалъ-текинцевъ.
45. Медаль за взятіе Геокъ-Тепе.
46. Владивостокъ.
47. Хабаровскъ.
48. Муравьевъ (Амурскій).
49. Н. Н. Муравьевъ (Карсскій).
50. Наши войска подъ Карсомъ.
51. Намѣстникъ Царства Польскаго великій князь Константинъ Николаевичъ.
52. Варшава.
53. М. Н. Муравьевъ (Виленскій).
54. Вильна.
55. Ѳ. Ѳ. Бергъ.
56. М. Н. Катковъ.
57. М. П. Погодинъ.

58. С. М. Соловьевъ.
59. Д. И. Иловайскій.
60. Графъ А. С. Уваровъ.
61. И. С. Аксаковъ.
62. Главнокомандующій дунайскою арміей вел. князь Николай Николаевичъ Старшій.
63. Взрывъ турецкаго броненосца «Лютфи-Джелилъ» на Дунаѣ.
64. Лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ и взрывъ другого броненосца на Дунаѣ.
65. Переправа нашихъ войскъ чрезъ Дунай у Галаца.
66. Тоже у Зимницы.
67. Бой парохода „Весты“ съ турецкимъ броненосцемъ.
68. Генералъ Драгомировъ.
69. Генералъ-адъютантъ Гурко.
70. Переходъ чрезъ Балканы у Ханкіойя.
71. На Шипкѣ.
72. У Плевны. Бой за гривицкій редутъ.
73. М. Д. Скобелевъ.
74. Бой за Зеленыя горы.
75. Послѣдній бой подъ Плевною.
76. Сдача Османа-паши.
77. Александръ II посѣщаетъ раненыхъ.
78. Въ Рущукскомъ отрядѣ цесаревича Александра Александровича.
79. Великій князь Владиміръ Александровичъ.
80. Битва на Ломѣ.
81. Битва у Абланова.
82. Битва у Церковны.
83. Битва подъ Горнымъ-Дубнякомъ.
84. Битва у Телиша.
85. Вступленіе вел. кн. Николая Николаевича въ Тырново.
86. Шипка. На горѣ Св. Николая.
87. Шипка. На Шейновскомъ полѣ.
88. Храмъ-памятникъ у Шипки.
89. У Царьграда. Смотръ русскихъ войскъ въ Санъ-Стефано.
90. Защита Баязета.
91. Битва на Авліярѣ.
92. На Аладжинскихъ высотахъ.
93. У фортовъ Карса.
94. Горный походъ въ Малой Азіи.
95. Императоръ Александръ II подъ Плевной.
96. 97. 98. 99. Монеты этого царствованія.
100. Взрывъ на Екатерининскомъ каналѣ въ Петербургѣ 1 марта 1881 г.
101. Александръ II на смертномъ одрѣ.
102. Его могила въ Петропавловскомъ соборѣ.
103. Храмъ-памятникъ на Екатерининскомъ каналѣ въ Петербургѣ.
104. Болгарскій памятникъ Александру II въ Софіи.
105. Памятникъ въ Московскомъ Кремлѣ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Въ пяти частяхъ (862—1855). Съ 806 рисунками. В. В. Назаревскаго. **Цѣна 4 руб. 50 коп.**

Компетентными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ это изданіе по Отечественной Исторіи одобрено къ обращенію въ библіотекахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно и въ войскахъ и народныхъ читальняхъ.

Давая множество рисунковъ, воспроизводящихъ портреты историческихъ лицъ, разнообразные памятники событій, храмы, жилища, одежды, оружіе, печати, монеты и художественныя изображенія прошлаго, а также снимки съ рукописей, географическія карты и планы, **этотъ курсъ Русской Исторіи** можетъ служить наглядным пособіемъ къ изученію этого предмета въ школѣ и дома, а также и наградным подаркомъ для учениковъ и ученицъ.

Печатается **послѣдняя часть:** *Русской Исторіи* В. В. Назаревскаго (1881—1894): Царствованіе Императора Александра III.

Вышла изъ печати брошюра того же автора: „*Двухсотлѣтіе Полтавской битвы*“. Изданіе второе. Съ 42 рисунками. **Цѣна 25 коп.**

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія внесено въ каталоги низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ читаленъ.

Цѣна **50** коп.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. СЫТИНА:

Въ Москвѣ:
1) Ильинскія ворота, домъ Титова;
2) Никольская ул., д. Заикопоспасскаго монастыря;
3) Никольская ул., д. гр. Орлова-Давыдова;
4) Тверская ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Въ Петербургѣ, 1) Большая Садовая, д. № 25.
2) Невскій, 68, уголъ Аничкова моста.

Въ Кіевѣ, Подолъ, Гостиный дворъ.

Въ Варшавѣ, Краковское предм., д. № 1.
Въ Одессѣ, Преображенская ул., д. № 58.
Въ Екатеринбургѣ, Покровскій просп., д. Ермолаева.
Въ Воронежѣ, Московская улица.
Въ Харьковѣ, Торг. площ., д. Мѣщанск. о-ва.
Въ Ростовѣ-на-Дону, Большая Садовая ул., д. Аграева № 92.
Въ Иркутскѣ, Большая улица, д. Никитина.
Въ Нижегородск. ярмаркѣ, на Шоссе.